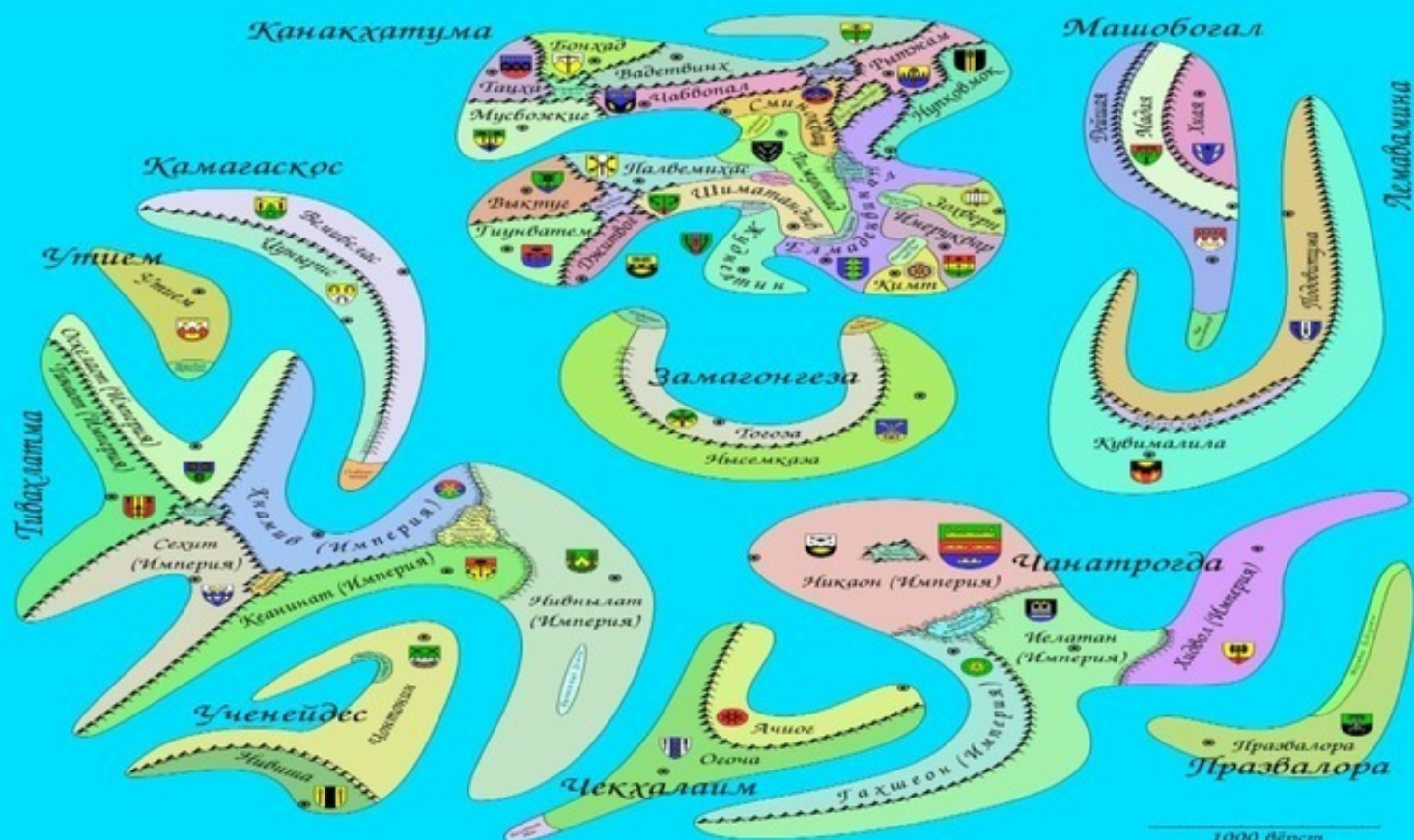

Алексей Патрашов

Закономерная ошибка

средневековый фантастический
приключенческий шпионский детектив

Алексей Патрашов

**Закономерная ошибка.
Средневековый фантастический
приключенческий
шпионский детектив**

«Издательские решения»

Патрашов А.

Закономерная ошибка. Средневековый фантастический
приключенческий шпионский детектив / А. Патрашов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932945-5

Продолжение романа «Случайное знакомство». На этот раз действие происходит ещё и в далёкой, загадочной и опасной огромной Империи. В родном королевстве грядёт кризис власти. Чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу один из героев отправляется в Империю проводить разведку под прикрытием, узнавая ранее скрытые тайны даже о себе самом.

ISBN 978-5-44-932945-5

© Патрашов А.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
Закономерная ошибка	8
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Закономерная ошибка Средневековый фантастический приключенческий шпионский детектив

Алексей Патрашов

© Алексей Патрашов, 2018

ISBN 978-5-4493-2945-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

За вдохновение к созданию этой и предыдущей книги «Случайное знакомство» я хочу выразить свою благодарность нескольким людям, без которых многие персонажи вряд ли появились бы на свет. Когда я создавал образы некоторых героев, то думал в первую очередь о вас и как о простых людях, и как о тех артистах, которые смогли бы сыграть моих персонажей, если бы захотели и как они бы их сыграли.

Мэтт Дэймон, твой Джейсон Борн смог бы стать любым из героев и пройти все опасные приключения работы в разведке на месте Велиола или Дакама. Я думаю, что их образ получился чем-то похож на него и у тебя получилось бы сыграть любого из них. Локи мог бы показаться похожим таким же подходящим, если бы шагнул с экрана «Догмы».

Александр Касаткин, многие твои роли милого, доброго, наивного и всегда весёлого юноши (Антон Сажин из сериала «Знаки судьбы» и другие роли из односерийных фильмов) помогли мне создать похожий образ принца Дзанева. Без тебя он бы не получился таким хорошим.

Джордж Мартин и сериал «Игра престолов» по его книгам. Именно попытка переписать всё по-своему толкнула меня на первую книгу не думая даже о её продолжении. Рассказ превратился в повесть, а потом и в целый роман. А потом появилось и продолжение романа. И да, без Уолтера Фрея у меня не получилось бы такого императора.

Денис Касимов, без неповторимо, великолепно и непревзойдённо в фильме «Мифы моего детства» сыгранного тобой Игната у меня вряд ли получилось бы создать образ Цункаима. У меня долго не получался этот персонаж, пока я не вспомнил о твоём Игнате и всё получилось.

Скотт Бэккер и его «Князь пустоты» и «Аспект-Император» смогли сподвигнуть меня на продолжение «Случайного знакомства» и вдобавок превратить его из короткой повести в полноценный роман, да ещё и темнее и острее, чем оба цикла, насколько у меня получилось.

Алексей (к сожалению не сохранилась твоя фамилия) со строительного факультета МГТУ, 1996 или 1997 года поступления, которому я в 1999 или 2000 году помог решить задачи по сопромату или теоретической механике. Ты стал прообразом Хоншеда и когда я изображал его в своих книгах, то представлял на его месте именно тебя. Именно его щекастое и так похожее на твоё круглое лицо с немного рыжеватыми, почти как у тебя, волосами так тронуло Дзанева в тюрьме, что он даже решился выпустить Хоншеда, с чего и началась вся эта история.

Марк Лоуренс и его цикл «Разрушенная империя», который убедил меня в правильности решения начать повествование с подросткового возраста многих действующих лиц. Именно идея сделать в первом романе главными действующими лицами подростков смогла породить и второй роман и, возможно, породит и его продолжение.

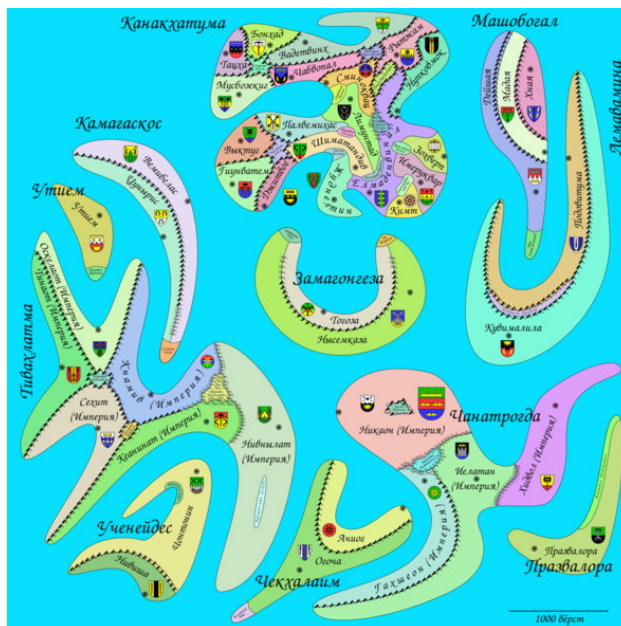
Илья Филимонов, своими боевыми заслугами мой Хоншед обязан в большей степени именно тебе. Именно твои умения надоумили меня с почти самого начала одарить своего героя одними из лучших для того места и времени способностей рукопашного боя и обращению с большинством видов холодного оружия. И то, что во время своего первого с Дзаневым путешествия они оба выжили, во многом и твоя заслуга. А ещё Хоншед получился немного похож и на тебя в молодости.

Кирилл Данилин, ты хорошо обогатил мою новую книгу мудрыми высказываниями, без которых она была бы неполной. Их остроумие и вложенное в них чувство юмора сделали её намного ярче.

Алексей Пешиков, твоё неповторимое высказывание «Не захотели по-плохому? По-хорошему хуже будет!» стало шедевральной точкой, достойной пера любого мастера мировой литературы.

Ещё я выражаю огромную благодарность многим другим актёрам и простым людям, которые вдохновляли меня и которые помогли мне со временем создать все образы моих героев. Без вас бы у меня так точно не получилось бы. Великая благодарность вам за всё!

Закономерная ошибка

Мне придётся делать своих друзей из своих же врагов потому, что их просто больше не из кого делать!

Неизвестный автор

Но время пришло и нет больше желаний и магия больше не в силах помочь.

*Юрий Мелисов, Чёрный Маг,
Группа Эпидемия*

Это не Арканар! Это гораздо хуже!

Неизвестный читатель

Шенвех пробирался по кривым улочкам Нижнего Города следом за Киамитом изо всех сил стараясь остаться незамеченным. Здесь была в прямом смысле целая паутина из улиц и переулков, полностью лишённая какой-либо системы. Улицы пересекались, переплетались, поворачивали, упирались в тупики тёмных дворов, прерывались городскими каменными стенами. Не выучив за годы каждый поворот здесь можно было самому легко заблудиться. Но самым главным сейчас было – не упустить Киамита после очередного поворота улицы и даже случайно, ненароком не попасться ему на глаза. В крайнем случае можно пройти мимо, сделав убедительный вид, что просто случайно его встретил.

В Нижнем Городе не было ни дворцов, ни особняков. Дороги здесь были больше похожи на смесь глины, песка и камней разного размера. В сухую погоду телеги поднимали на них тучи пыли, в дождливую – вязли порой всеми колёсами. Поднятая копытами лошадей и колёсами телег пыль взметалась до самых крыш многоярусных и лишь похожих на дома построек, в которых проживала местная беднота. Бревенчатые дома здесь были редкостью, а чаще всего на постройку жилья шли где подешевле купленные тонкие столбы и доски, а в окнах вместо стекла использовалась промасленная бумага или растянутые полупрозрачные внутренности животных, да и такие окна были не у всех.

К счастью Шенвеха, последние дни было достаточно сухо, дождей не было и похожая на глину грязь уже достаточно подсохла, чтобы не расползаться под ногами, но и не успела

настолько высохнуть, чтобы летать по воздуху тучами пыли. Не до конца просохшая дорога ещё не скрежетала под ногами вылезшими камнями, но и не чавкала грязью. Шагать получалось почти бесшумно и это его радовало. Если сегодня всё получится, то денежное дело можно считать сделанным, конечно, если не случится ничего непредвиденного.

Ненависть мешала думать, это было её любимое занятие. А думать надо было сейчас особенно тщательно и на два шага вперёд, чтобы не облажаться в самое ответственное мгновение. А волноваться было от чего! Ему не так давно исполнилось аж целых пятнадцать лет, а в этом возрасте жителя Нижнего Города без всяких разговоров наказывают за убийство так, что лучше повеситься или утопиться, или броситься на нож, или вниз головой с крепостной стены, но только не в заботливые руки городских палачей. Всё, что угодно – только не это. В пять, или около того, лет отмазка с возрастом ещё сработала бы, в десять – уже с большим трудом, почти никак, а в пятнадцать... об этом лучше даже не думать, а тем более, не пытаться представить себе последствия.

Но сейчас им решался вопрос не наказания, а своего спасения. Или успеть убить врага самим, или скоро быть убитым самому – вот весь его богатый выбор. Или он зарежет Киамита сейчас, или Киамит прикончит его потом. А при таком пагубном для него исходе уже не будет столь важно, что судьи решат потом сделать с Киамитом, если вообще хоть что-то решат сделать... если ещё поймают...

На бесполезные размышления и так ушло излишне много времени, чтобы тратить его ещё и на глупые опасения. В Нижнем Городе никто, мягко говоря, не любит стражу, чтобы всерьёз опасаться, что на него с непонятно какой стати кто-нибудь нарочно донесёт. А вот случайно из лучших побуждений разболтать могли вполне многие, так что нужно было придумать очень убедительный повод, чтобы он мог оправдать в случае чего даже убийство и, желательно, умышленное.

Можно было бы зарезать Киамита в обычной уличной драке, каких в Нижнем Городе случается по пять на дню, если не чаще. Но! Киамит успеет его так исполосовать ножом в открытой схватке, что уверенно можно считать свою победу ничьей – с продырявленным животом не только в Нижнем Городе не выживают, да и с ранениями попроще тут не очень-то разгуляешься. Шенвех внезапно вспомнил, как поцарапал руку гвоздём и как она потом несколько недель нарывала. А это была всего-лишь рука! С кишками-то похуже будет!

Да, устраивать на улице драку это не выход, это совершенно точно. Закон тогда не будет нарушен, зато сам он, скорее всего, подохнет следом за Киамитом. И это если Киамит его сам не прикончит раньше! У Киамита с ним разница в возрасте меньше месяца, а телосложение не хуже, как бы ещё не лучше. И ножом орудует не хуже, сам видел. Нет, никак не выйдет решить всё через драку, только зарезать в самом тёмном месте незаметно и скрыться, пока не поймали.

Ещё можно было бы застрелить Киамита из лука или арбалета, или в крайнем случае из пращи. Вот как сейчас подкрасться сзади на ходу, выстрелить и никто ничего не узнает, если не увидит. Но из дешёвой и доступной пращи в такую маленькую, да ещё, вдобавок, движущуюся цель, как голова, с безопасного расстояния не попасть, а лук хоть и не дорог, но под полу его не спрячешь, как и средний арбалет, и стрелять он из лука не умел. А даже на самый дешёвый арбалет у него не было денег и стреляют эти дешёвые арбалеты как попало или стрелы у них при выстреле ломаются. Ножом убить хоть и труднее – тут придётся подкрадываться вплотную, зато надёжнее. Ножи осечек не дают! Или как там называется, когда застряла тетива или не высвободилась? Да и промахнуться ножом почти невозможно мимо тела.

Шенвех проверил спрятанный нож и приободрился. Вообще, он зря придавал такое большое значение ненужным опасениям. Кому нужны эти бесчисленные нищие из Нижнего Города? Кто будет разбираться в их бесконечных ссорах по любому поводу, а то вообще без всякого повода? Надо только всё сделать очень тихо и без лишних свидетелей.

Так что, или он сам убьёт Киамита сегодня, или Киамит прикончит его завтра или послезавтра. А началось всё с обыкновенной глупости, когда одному важному господину из Верхнего Города (причём даже не Среднего!) понадобился слуга и, видимо, дёшево, иначе он бы никогда не пришёл искать себе слугу в Нижний Город, где всегда были только помойки. Даже прежнего слугу его, по словам господина, убили где-то в Нижнем Городе по дороге к дому похоти – в Нижнем Городе потаскухи стоят очень дёшево, дешевле бывает, разве что, в порту, но место там уже совсем поганое и потаскухи там уж очень страшные, больные всем, чем только можно, и грязные. Да и ходить в порт мало кто из городских жителей решается без особой необходимости.

Важный господин им обоим назначил встречу в одно и то же время напротив самых ворот входа в Средний Город, где они тогда с Киамитом и встретились. В этом совпадении для Шенвеха ничего удивительного не было потому, что господа ценят своё личное время, а из Нижнего Города в Средний Город просто так не пускают. Господин строго посмотрел на них обоих, немного подумал и сказал, что возьмёт на работу лучшего. С этими словами он развернулся и ушёл обратно через высокие ворота в Средний Город, оставив их обоих ошарашенными у входа и не дав никаких разъяснений, как выберет лучшего из них и не сообщив, когда за ним вернётся. Они решили домыслить сами.

Сначала всё было неплохо, даже почти хорошо. Каждый из них распускал о себе самые достоверные слухи, сочинял правдивые сплетни, что скоро важный господин из Верхнего Города возьмёт одного из них в слуги, но только самого лучшего. А дальше всё пошло совсем не как надо: к правде начали примешиваться домыслы и выдумки, а следом и откровенное враньё, которое ими обоими сначала оглашалось, а потом так же каждым про другого прилюдно и опровергалось. От разоблачения неправды они скоро перешли к отрицанию очевидной правды. Немногим позже они уже не столько восхваляли себя, сколько поносили друг друга во все поля и быстренько дошли до взаимных оскорблений с угрозами. Причём даже прилюдных! По Нижнему Городу поползли достоверные слухи. Что называется, заигрались и доигрались!

Это был конец. И это был безвыходный конец! Это Нижний Город! И здесь отвечают за все свои слова и поступки, причём за все и сразу! А за такие оскорбления можно было только убить! Они уже не могли простить друг друга, даже если бы захотели. Прощать – удел слабых.

Они сделали друг друга всеобщими посмешищами, а в Нижнем Городе посмешища долго не живут. Вернее – почти сделали потому, что Киамит сам всё довершил – он пообещал Шенвеху, что после такого предательства обязательно прикончит его и тем самым подписал приговор им обоим. Месть за предательство! Что может быть священнее? Теперь уже никому из них отступать было некуда – в безвыходном до крайности положении оказались они оба. Заработали, называется!

* * *

У предсказателя по столу покатались камни. За его спиной человек в скромной одежде стоял скрестив руки на груди, взволнованно дожидаясь, пока можно будет спрашивать предсказателя.

- Место удалось увидеть?
 - Я увидел ночь и крепостную стену.
 - Точнее указать можешь?
 - Очень скоро, совсем скоро, больше ничего сказать не могу.
 - А место? Весь Нижний Город состоит из сплошных стен.
 - Глухое место и тупик, больше ничего не видно.
 - Уже хорошо, тупиков не так уж и много.
- Человек бросил на стол деньги и почти бегом вышел в дверь.

* * *

Улица уже порядком опустела и впереди, в подступающей темноте виднелась только спина Киамита. Повороты следовали за поворотами, а тьма становилась всё гуще. Вот уже света почти не осталось, только сплошные стены вокруг, почти без дверей, а вскоре и двери перестали встречаться. Что только могло понадобиться Киамиту в этих краях?

Нижний Город был не просто городом, а, в каком-то смысле, дополнительной крепостью. Осадившие имперскую столицу войска должны были войдя в Нижний Город захлебнуться в собственной крови. Дома здесь были просто ещё одним, только ещё и обитаемым препятствием на пути к Среднему Городу. Поэтому здесь не было приличных домов, а были только перенаселённые беднотой трущобы, которые почти все должны были сгореть при очередной осаде столицы вместе со своими жителями, освобождая дорогу столичным войскам.

Такое, правда очень давно, в имперской истории уже было и не раз. Каждый не особенно умный полководец начинал осаду столицы, проламывал внешние крепостные стены и с боями начинал прорываться к внутренним. На этом его победоносные успехи заканчивались потому, что Нижний Город превращался в самую настоящую западню. Не зная наверняка местности противник должен был или кружить по лабиринтам улиц, или наугад проламывать или уничтожать по пути множество внутренних стен, заборов и строений, теряя время, силы, разбирая, ломая или протаскивая через проломы осадные орудия.

А тем временем имперские войска столицы обходили нападавших с тыла, нападали со всех сторон из каждой оставленной позади засады, в неисчислимое множество которых превращался весь Нижний Город. Развернуться коннице здесь было негде, со всех сторон летели стрелы, с внешних стен Среднего Города по нападавшим били камнемёты, под ногами горела кипящая смесь масла с мылом и смолой и, обычно, уже через считанные часы великий завоеватель обнаруживал, что вести завоевания в дальнейшем ему больше уже нечем.

Так бывало с наиболее смелыми, которые пытались взять числом и сразу. Тех, кто был чуть поумнее, подстерегало долгое ожидание, пока их отряды один за другим входили через проломленные стены в Нижний Город и не возвращались. За века количество желающих осадить и брать приступом столицу Империи существенно сократилось, но все укрепления всегда были в полной боевой готовности, что не мешало с годами Нижнему Городу превращаться в совершенную помойку.

Но войны с осадой столицы Империи не было уже несколько сотен лет и все эти столетия в Нижнем Городе постоянно что-то сооружали, возводили, строили, пристраивали... Временами что-нибудь из вновь построенных развалюх с грохотом обваливалось и зачастую хоронило под обломками своих жильцов, но любое освободившееся место сразу же начинало застраиваться снова без оглядки на произошедшее.

И даже это беспорядочное нагромождение готовых обрушиться построек выполняло своеобразную боевую задачу по защите внутренних укреплений! На вырезание местного населения, численностью далеко за сотню тысяч, уходило драгоценное время. И во время этого вырезания зажата между стенами местная беднота чётко понимая безнадёжность своего положения превращалась в озверевшее стадо. В паутине горящих улиц под градом стрел и камней гибли как свои, так и чужие и второе было гораздо важнее первого. Даже когда нападавшим порой везло хорошо поджечь весь Нижний Город, им всё равно не удавалось окончательно истребить весь его живой щит, об который им потом всё равно приходилось биться, неся невосполнимые потери.

В довершение продуманной многоуровневой обороны укреплений столица Империи располагалась на реке и уморить её население жаждой даже за месяцы было просто невозможно, а отравить воду чумой обходилось для нападавших себе дороже. Слегка восходившая вверх в сторону Среднего и Верхнего Городов местность обеспечивала весьма хороший обзор и обстрел прилегающей местности, в том числе и собственного Нижнего Города. Для его нищих

обитателей в этом не было ничего удивительного – они с рождения знали, что живут на помойке столицы, а помойку никому не жалко, тем более для дела.

По именно такой помойке вдоль поворотов сплошной стены сейчас и шёл Киамит изредка оглядываясь по сторонам, чтобы не прибили за мелкую монету. Очередной поворот стены и Киамит скрылся из вида. Шенвех на полусогнутых ногах просеменил в дешёвых мягких обмотках на одни ступни, радуясь, что по своей бедности не носил дорогую для бедняков обувь с твёрдой и шуршащей на камнях подошвой. Ещё несколько шагов, поворот, пустая улица впереди, голые стены вокруг, разбитая дорога вдоль стены и больше ничего! Не считая схватившей его сзади за шею руки, ударивших под колени ног, появившейся перед глазами разбитой мостовой и усевшегося на него сверху завернувшего ему руки за спину и приставившего ему к горлу нож тела.

– Всё! Гадёныш!!! Отбегался! Гад!!! Здоровячок ублюдочный!!! – Киамит слегка подпрыгнул на спине Шенвеха, покрепче придавливая его к земле. – Ну, кричи! Ори! Зови на помощь! Я тебе голову тут же откромсаю! Давай! Ори погромче! У тебя это хорошо получается.

Шенвех мысленно переходил от ошеломления к ужасу. Теперь уже всё для него было потеряно, это было понятно и не вызывало никаких сомнений. Ещё сохранялась маленькая надежда, что пока его враг растягивает удовольствие от его убийства, мимо случайно может пройти отряд городской стражи совершая ежечасный обход, но стража всегда, как будто нарочно, настолько громко топает и горланит, что её слышно за сто шагов и всё равно Киамит успеет его зарезать пять раз или шею сломать. Можно попробовать заорать, но тогда уж точно конец и сразу.

– Тебя подвешат на крюки! Задом, передом или за челюсть. Или за рёбра подвешат! Или кипятком обварят! Или в смоле сварят! Или кол в дыру забьют! В твою любимую! Или с крепостной стены сбросят. Или брюхом на колья насадят. Или что ещё полезного с тобой, сучка такая, судья прикажет сделать. Ублюдок! Скот! Недоносок недоделанный!

Нож прижался к горлу сильнее, рука у Киамита подрагивала.

– Ничего, детка, не повесят. Не надейся даже. Я тебя убивать буду очень долго. Ты не представляешь, как долго я ждал этого мгновения! Ты можешь даже закричать, а я следом полюбуюсь, как забавно ты будешь после этого хрипеть. Трудно кричать с перерезанным горлом!

– И я тут же подохну, а тебе останется только потрахать в попку моё бесчувственное тело! Зато ты хоть раз в жизни почувствуешь себя мужчиной. Потаскуха ты портовая с яйцами! Щель мошоночная! Был таким, есть и навсегда останешься! Насадка целочная! Щель дырявая!

Тело сверху дёрнулось от злости, видимо, такой поворот событий в расчёты Киамита не входил. Впрочем, скорее всего входил, просто он до него ещё не дошёл. Окажись Шенвех сейчас месте Киамита, он бы связал своего врага, заткнул бы рот и утащил бы в место поукромнее. Раз нашлись деньги на нож, то на верёвку уж точно хватило.

– Нет, мой дурачок, мой глупенький маменькин выброс дерьма потаскухи! Я не стану тебя здесь резать! Я тебя до смерти забью голыми руками, а потом и ногами. Ты у меня от боли обгадишься! А потом зарезу за кражу у меня кошелька с деньгами. Отсос обсосанный!

– Сам иди сосать! Какого кошелька?

– Вот этого! – Киамит пальцами другой руки оттянул у Шенвеха сзади верёвку на штанах, какой пользовалась беднота вместо пояса, не имея денег ни на пояс, ни на штаны с вшитой верёвочной завязкой.

Шенвех ощутил, как Киамит просунул ему в штаны что-то похожее на тряпчатый кошель, которые носила обычно всякая беднота, видимо для облегчения нелёгкой работы карманников.

– Ты даже не представляешь, как это приятно, когда такая сволочь, как ты, корчится и колотится от ненависти под тобой как изнасилованная дешёвая портовая потаскуха, дёргается, всё знает, а сделать ничего не может. Я не был так счастлив с тех времён, когда почти два года назад чуть ли не изнасиловал ту пьяную потаскуху в порту.

– На местную денег не хватило? С конца не закапало?

– Не дождёшься! Сам сгниешь скоро, жалко, что не живьём.

Шенвех вспомнил, как недавно какой-то мелкий карманник на пару лет младше него пытался украсть его кошелёк. Он легко поймал этого карманника при похожих на эти обстоятельствах почти сразу, пока тот не успел отбежать и на сотню шагов. Потом избил сначала ногами по животу, потом со всей силы ударил несколько раз ногой в пах, а когда тот попытался закрыть самое чувствительное место руками, то сломал ему обе руки, которые просто повисли, а потом бил ногами в пах, пока ноги не заболели. Когда неудачливый воришка уже лежал в кровавой, пахнущей дерьмом лужице, Шенвех со всей силы ударил того ногой в челюсть, сломал её и выбил несколько зубов. Под конец он ударил почти мёртвого подростка с размаху головой об мостовую несколько раз, пока не хрустнул трескаясь череп и мелкий вор из числа полумёртвых не перешёл в число совершенно мёртвых. Справедливость победила.

– Твою мать матросы драли! Она в попу им дала! – попытался он посильнее оскорбить Киамита, но не получилось.

– Надеюсь! Эта корова продала меня в кабак в семь лет. Надеюсь, что она сгнила под матросами в порту или в канаве под забором.

Шенвеха передёрнуло, он понял, что дела его действительно плохи. Такие, как этот проклятый Киамит, хорошо научились причинять боль хотя бы потому, что в своей жизни сами ничего, кроме издевательств и мучений, не знали. Пожалуй, сейчас будет лучше просто заорать и его тогда Киамит прикончит сразу. Всё могло кончиться гораздо хуже. Тут его сознание взорвала внезапная догадка. Продала в семь лет! Откуда же он тогда здесь взялся в пятнадцать? Из рабства же не выходят!

Рабы в Империи были разными. Многие обеспеченные люди часто покупали рабов примерно того же возраста своим детям, исходя из необходимости наличия у детей младших или старших братьев и сестёр. Некоторым рабам настолько везло, что жизнь у них была не хуже, чем у детей их господ. Разумеется, они прислуживали господским детям и помогали своим господам по хозяйству, но это были сущие мелочи по сравнению с бедственным положением других рабов. Некоторые купленные своим детям рабы становились просто мальчиками для битья, которых истязали с особой изощрённостью в разных целях, а иногда и в целях воспитания или наказания господских детей. Но подобные извращения происходили с рабами достаточно редко, а большинство их покупалось для тяжёлой и опасной работы где угодно и как угодно.

Но что больше всего удивило в своё время Шенвеха, так это многочисленные способы попадания в рабство, которое в Империи не было наследственным. То есть в империи рабом нельзя было родиться, но в рабство можно было легко попасть. Как он выяснил немногим позже, удержаться на свободе было совсем не просто.

В рабство могли продать родители своего ребёнка возрастом до девяти лет. В рабство, причём пожизненное, продавали своих должников за любой не выплаченный вовремя долг. Само собой разумеется, что в рабство забирали власти за невыплаченные налоги. Список был такой длинный, что его невозможно было запомнить.

Единственным, за что не всегда продавали в рабство, а почти сразу отправляли в пыточные или на казнь, были кражи, разбои, убийства и государственные преступления, может быть, ещё некоторые. Впрочем, за многие другие преступления, за которые в Империи не продавали в рабство и не отправляли в пыточные, была предусмотрена отправка на каторгу, на которой в рудниках и каменоломнях, за вёслами кораблей и приводными колёсами в цехах, на стройках

крепостей и земляных работах, за строительством дорог и много ещё где осуждённые преступники проводили весь остаток своей жизни.

Единственная разница между рабом и каторжником была в том, что раба можно было продать или подарить, а каторжник принадлежал не человеку, а уже Империи, причём пожизненно. Ни раб, ни, тем более, каторжник не могли себя выкупить потому, что не имели никаких прав ни на личную собственность, ни даже на деньги. Всё, что зарабатывал раб, уже изначально принадлежало его владельцу. При желании владелец мог освободить своего раба, что иногда действительно случалось, каторжников же не освобождали никогда.

– Кто же тебя из рабства-то выкупил, да ещё и освободил? Откуда же дурак такой нашёлся, чтобы такую дрянь, как ты, не только взять и купить, но ещё потом и освободить, а не убить?

– Мамочка внезапно подошла! Она меня, оказывается, в рабство не продала совсем, а только передала во временное пользование.

– Жалко, что не сдохла, пока такого выродка рожала!

При этих словах Шенвеха Киамит ещё раз подпрыгнул на нем.

– Тебе, паскудник, не понять. Козлина! Я мог бы сейчас тебя сдать страже, а завтра любиться, как с тебя шкуру сдерут, живьём зажарят или муравьям скормят, но я хочу тебя прикончить сам, своими руками, даже насиловать не буду, хотя попка у тебя миленькая, любая портовая потаскуха такой позавидует. Матросы бы оценили!

– Себя изнасилуй своим обрубок! Давалка уличная!

– Не завидуй перед смертью! Примета плохая. – с этими словами Киамит замахнулся рукой, чтобы ударить Шенвеха кулаком в бок.

– Я так понимаю, что представления с потаскухами не будет? – в уже наступивших сумерках раздался голос у них за спиной.

* * *

Император молча сидел за столом и смотрел в пространство перед собой. Настроение у императора последние годы было такое отвратительное, какое только можно было придумать, не то, что представить. Когда-то он был весел, когда-то он был счастлив, когда-то он был даже взаправду влюблён! И чем всё закончилось? Ничем! Тот проповедник был прав: чем больше у тебя есть – тем меньшему ты радуешься.

Иногда ему хотелось бросить всё: все эти завоевания, государственные дела и советы, мелкие и крупные склоки, переговоры и заговоры, государственные службы и уйти просто жить, как живут все обычные люди. Но не мог. И не потому, что, как вещал тот придурок, император не имеет права бросить свою Империю и отказаться от власти потому, что больше себе не принадлежит. Обойдётся! Я больше никому и ничего не должен! Он мог запросто назначить себе любых помощников и жить спокойной жизнью, просто не позволяя им распускаться.

Ему просто не хотелось, а если говорить уже совсем откровенно – он просто боялся. Он боялся этой, уже давно образовавшейся в его сознании бесконечной пустоты, которая как вечно голодный нищий просила есть и не наедалась. Она не насыщалась ни работой, ни развлечениями, ни удовольствиями, ни страданиями. Он был пуст в душе и не мог насытить эту пустоту ничем и вся его почти безграничная императорская власть не могла ему в этом помочь ничем и никак.

Да, он мог позволить себе многое. Да, он мог вершить судьбу чуть ли не целого мира, причём очень скоро будет уже безо всякого «чуть». И в этот миг своего непревзойдённого могущества и торжества своей власти он, император Киамит, не чувствует ничего! Нет, ему приятно. Только это всё, что теперь он чувствует! Нет, он рад. Но это всё! А где радость победы? Где счастье достижения? Он выгорел как зола, а зола гореть уже не может. Позади безмолвно стоял его советник.

– Вашему Императорскому Величеству грустно?

– Нет, иначе я тогда хотя бы погрузился с удовольствием. У меня в последние годы такое ощущение, что мне уже просто надоело жить. Я никогда не думал, что такое со мной вообще может случиться, что меня можно так утомить, что такое со мной вообще возможно.

– Может быть, это просто усталость? Империя – тяжкий груз.

– Не для меня. Если бы управление Империей было столь тяжким трудом, то я устал бы с удовольствием. Просто раньше у меня были потребности, желания, стремления, цели, в конце концов, мне хотя бы угрожали. А сейчас у меня есть всё, что я вообще когда-либо хотел, со стремлением к чему я вырос и за что я всю жизнь боролся. Ради чего? Ради моей огромной империи? А кто населяет эту империю? Две с половиной сотни людей и десятки миллионов законченных скотов, которые только и делают, что выжидают, когда можно будет начать резать всех вокруг и друг друга заодно. Даже не меня! У меня даже враги все передохли! Раньше хоть они были... Хоть какое-то развлечение...

Я изменил карту целого мира, но не смог изменить его обитателей. Я не сумел, я не сумею и, самое главное – я не хочу. Просто не хочу и не буду! Я не верю в людей – я слишком хорошо их знаю! Я сам был одним из них! Были годы, когда я мечтал о портовой потаскухе только потому, что на местных девок у меня просто не было денег. Их иногда не было даже на то, чтобы просто поесть! Было время, когда я мечтал поубивать хотя бы половину своих врагов, пока они первыми не убили меня, что им несколько раз почти удалось. Иногда и есть было нечего.

А теперь я могу купить что угодно или даже просто взять! Но даже этого я не могу потому, что всё и так принадлежит мне просто потому, что я император. Я могу купить любого человека или даже убить и он будет счастлив – сам великий император великой Империи удостоил его своим вниманием. Я даже потаскуху теперь себе снять не могу – весь мир стал моими потаскухами, включая жену! Достаточно только приказать любому своему подданному и он с радостью хоть утопится, хоть повесится, хоть в огонь бросится, хоть что угодно сделает!

– Желаете новую потаскуху? – пошутил советник.

– Они все – потаскухи! Почти каждый мой подданный это просто портовая потаскуха, причём бесплатная.

– Ну, допустим, что не каждый. – пока император смотрел перед собой, слева к нему подошла молодая и красивая девушка. – Меня ты так ни разу и не оприходовал, хотя и хочешь.

– Я хочу, чтобы меня любила девушка, которой я понравился, а не потаскуха, которой я приказал. Я даже потаскуху купить не могу. Я не могу купить себе то, что и так уже принадлежит мне, а почти все мои подданные просто потаскухи. И я не хочу превращать свою любимую девушку в потаскуху только потому, что мне просто захотелось.

– Однако, достаточно тебе приказать...

Император вскочил настолько резко, что девушка отскочила и запустил тяжёлым кинжалом в стену. Кинжал аж загудев от удара глубоко вонзился в деревянный столб в стене. Девушка посмотрела на кинжал долгим взглядом, пожала плечами, но ничего не сказала.

– Я не хочу больше приказывать! Я не понимаю, зачем в Империи нужен император?! Как-то раньше люди жили сами, без императоров, королей, вождей, судей, наместников и ещё непонятно кого. Они что, совсем превратились в скотов или для меня стараются?

Киамит схватил с кровати лютню и подвывая на манер площадных музыкантов жалобно протренькал, как умел:

До чего мы докатились, до чего дошёл наш век —
На десятки миллионов – пара сотен человек.
Мир наш катится к упадку, сами катим мы его,
Во главе нас император, а мы сами – ничего.

Ничего не представляем, сами мы – ни то ни сё,
Но зато мы понимаем – император это всё.
Каждый, пусть, из нас ничтожен, пусть он попросту никто,
Только с нами император вместо каждого зато.
Славься вечно император! Мы ради тебя живём!
Нами правит император! Мы ради него умрём!

– Я теперь в Империи вместо каждого! Бедный Хоншед! Как же я ему сочувствую! Из весёлого разбойника, с детства известного во всех Объединённых Королевствах, превратиться в государственного советника. Но им ещё повезло, у них там пока ещё хоть Империи нет.

– Ключевое слово – «пока». – подметил имперский советник.

– Я не буду их завоёвывать! Пусть ещё хоть где-то хоть что-то ещё останется неизгаженным имперскими порядками.

– Они сами хотят присоединиться. – уточнил советник. – Скоро приедут оба: и Хоншед, и Дзанев, и все остальные представители.

– Я знаю поэтому я и против. И вообще... А если я завтра сдохну? Что тогда будет с Империей? Как же вы тут без меня жить будете?

– Как и жили. Будет новый император и ничего не изменится. Чем больше вещи меняются, тем больше они остаются такими, как были.

Киамит провёл рукой по столу в поисках кинжала, чтобы запустить им в советника, потом посмотрел перед собой на стену с глубоко воткнувшимся в столб кинжалом, вздохнул и уставился перед собой.

– А раньше вы тоже так жили?

– Императоры меняются, а люди остаются.

– Это я уже давно и сам заметил. А как же ваше знаменитое: «Нам думать не надо! – Император думает за нас!»?

– Император думает – народ живёт.

– Ты хотел сказать «Император думает сам по себе – народ живёт сам по себе.»? – уточнил Киамит.

– Народ живёт с мечтой об императоре.

– Я всё понял. Я могу изменить лишь внешние проявления, но не могу изменить вызывающие их основы потому, что не могу изменить сущность людей. Даже я, император, с моей безграничной властью, не могу изменить ничего! Потому, что не знаю как!

– А попробовать научиться не хотите? – намекнул советник. – И будет у Вас достойное императора занятие, противостояние с достойным противником. Вы же этого хотели, радости победы.

– Я уже пробовал! До меня уже многие пробовали! Всё для народа делали: угождали, били, принуждали, развивали, поощряли, обучали, убивали, уничтожали. Но так ничего и не добились! И я догадываюсь, почему – это лежит в основе и этого никак нельзя изменить. Как я не могу стать другим человеком вместо кого-то. Это просто невозможно, вот и всё. Порядочность это исключение, а всё остальное – правило. Всё, что я могу, это просто непрерывно убивать непорядочных силами порядочных и тем самым превращая их в таких же непорядочных.

– Замкнутый круг. А что поделаешь? – подметил советник.

– Что поделаешь? Я скажу тебе, что поделаешь! Я тебе скажу, что поделаешь! Я скажу, что поделаешь! Я знаю, что можно сделать! Я эту проклятую Империю лично уничтожу! Будете жить как тысячи лет назад! Без всякой Империи! Будете жить как люди! Без императоров!

– Это уже было. – мрачно возразил советник. – И всё равно каждый раз Империя возрождалась даже из ничего.

– Жалко. А было такое хорошее решение!

– И не один раз. – продолжил советник.

– Опять я ничего не могу сделать! Но даже если нельзя исправить уродство Империи, то можно хотя бы попытаться. В конце концов, не всегда и далеко не всё в жизни получается с первого раза. И пусть я не стану первым императором, который превратит весь мир в свою империю, зато я стану очередным, кто разрушит Империю до основания!

* * *

Предсказатель дёрнулся и по чёрному зеркалу чаши прошла мелкая рябь. Стоявший в напряжении за спиной предсказателя человек в рясе выпустил за спиной левую руку из правой и сделал шаг вперёд.

– И это всё? Больше ничего?

– Да, Империя в ближайшее время рухнет незадолго до её полного распространения на весь мир. Император сам её разрушит.

– А Объединённые Королевства?

– Останутся Объединёнными Королевствами.

– Хорошо. Держи награду – ты её заработал. И постарайся не выболтать увиденное. Орден ценит твой труд и нам не хотелось бы вдруг лишиться такого полезного помощника. Ты же знаешь, сколько врагов у нашего Ордена? И не пропадай надолго, весьма возможно, что скоро нам снова понадобятся твои умения. В наше время столь трудно найти честного предсказателя! Кругом одни проходимцы и мошенники!

* * *

Они оба замерли: один от неожиданности, а другой от радости. Это был спасительный поворот для Шенвеха и губительный для Киамита. Видно, в пылу сведения личных счетов они оба так увлеклись, что не заметили как сзади к ним кто-то подкрался. Но, всё равно, подошёл он слишком тихо, чтобы не удивиться его появлению.

– Я – имперский советник Мадэас. – медленно и с расстановкой по словам произнёс позади неизвестный. – Уже одна только попытка жителя Нижнего Города, и не только, сидеть в моём присутствии, тем более повернувшись ко мне спиной, однозначно является основанием для строгого наказания, причём даже вплоть до смертной казни, кому ещё повезёт. Но для вас я сейчас пока делаю исключение, временно.

От испуга они чуть не обгадились на месте. Появление имперского советника было даже хуже появления десяти отрядов стражи. Это для любого из них было хуже, чем любой суд и наказание – полномочия имперского советника были сравнимы только с полномочиями самого императора! Весь вопрос был сейчас только в том, на сторону кого из них станет имперский советник и что ему известно. Про то, что такое важное лицо как имперский советник делает в этом поганом закоулке в столь позднее время, можно было даже не догадываться – никто не знает путь имперского советника лучше самого имперского советника.

Первым в сознание начал приходить Шенвех. Он лежал на животе, придавленный сверху задом Киамита и ликуя чувствовал, что судьба в кои-то веки становится на его сторону. Если ему ещё удастся убедить имперского советника в собственной невиновности, то можно считать, что Киамит уже мёртв, если только тот не осмелится напоследок перерезать ему горло, а затем и себе, чтобы точно не попасть в пыточную к палачам. Правда, имперский советник мог бы прямо сразу прикончить Киамита, чтобы тот не успел даже дёрнуться. Вроде бы при первом же взгляде на них и так было ясно, кто тут преступник и кого надо убить. Непонятно только, почему имперский советник сразу этого не сделал.

– Этот разбойник... – начал Шенвех.

– Я знаю.

- Господин имперский советник... – попытался он продолжить.
- Я вижу.
- Осмелюсь ли я... – Шенвех пытался продолжать.
- Этого достаточно.

При последних словах имперского советника Шенвех аж вздрогнул и приготовился к тому, что Киамит сейчас его зарежет, а потом заодно и себя. Приговор им обоим был уже вынесен и Шенвех только не мог никак понять, почему Киамит всё ещё жив. Но пока единственное, что всё ещё он чувствовал, это вздрагивающее на его спине тело Киамита и дрожащий в руке того нож у его шеи. Видимо, Киамит ещё надеялся спастись на ходу придумывая подходящее оправдание.

- Ваше... – произнёс Киамит, пытаясь подняться на ноги.
- Сидеть. – Киамит сел обратно задом на спину Шенвеху.
- Этот негодяй...
- Я видел.
- Он хотел...

– Если вы ещё раз попытаете оправдываться, то я убью вас обоих прямо здесь и сейчас. Это понятно? – спокойно продолжил советник.

– Да, господин имперский советник. – ответили они неожиданно почти одновременно, как будто сговорившись.

– Я буду задавать вам вопросы, а вы будете мне на них отвечать. И не пытайтесь убежать или ещё что-нибудь сделать. – при этих словах Киамит чётко понял намёк на нож у горла Шенвеха.

- Да, господин имперский советник. – снова получилось хором.
- Я ещё не задал вопрос. – в ответ было молчание.

Киамит и Шенвех оба тряслись от страха. Киамит понимал, что или успеет убить Шенвеха или только себя и не больше. Шенвех понимал, что или Киамит убьёт его, или тот попадёт в пыточную. Киамит выбирал между пыточной и самоубийством. Шенвех ничего не выбирал – за него это делал Киамит. А допрос тем временем продолжался.

- Вы хотели убить друг друга.
- Я... Он... – заблеяли они оба.
- Молчать, это был не вопрос. Мне нужно знать причину.
- Можно мне... – начал Шенвех.

Удар по ягодицам, наверное хлыстом, был такой силы, что Шенвех заверещал и дёрнулся так, что сидящий на нём верхом Киамит едва не свалился набок. От нестерпимой боли у Шенвеха потекли слёзы.

- Я не разрешал задавать мне вопросы.
- Есть одно место слуги у господина из Верхнего Города. – начал уже Киамит. – Это место предложили нам обоим.
- Господин сказал, что возьмёт лучшего. – добавил Шенвех.
- Кто этот господин?
- Этого мы не знаем... – попытался было продолжить Киамит.

На этот раз хлыст или плеть ударил по ягодицам его. Лежащий под ним Шенвех почувствовал, что ему на спину потекло что-то горячее и задёргался под повизгивания и дёргания Киамита.

- Каждый отвечает сам.
- Я не знаю, я правда ничего не знаю, я не посмел спросить. Он из Верхнего Города, мне туда заходить нельзя даже без разрешения.
- Я тоже не посмел спросить господина. – продолжил Шенвех.
- Почему вы согласились?

- Мне нужны были деньги. – опять получилось хором.
- Деньги нужны всем. Почему вы согласились?

Понимая, что сейчас хлыст или ещё что похуже пойдёт уже по ляжкам, они наперебой начали говорить правду.

– Мы... Я не хочу всю свою жизнь провести в Нижнем Городе. – выкрикнул Киамит, ожидая очередного удара по ногам или спине.

- Никто не хочет провести всю жизнь в Нижнем Городе.

– Я знаю нескольких человек из местных, которым здесь нравится и они совершенно не хотят отсюда уходить. – ожидая удара по коленкам выкрикнул Шенвех, думая, как не обмочиться при этом от боли.

- Ты можешь их показать?

- Да, господин имперский советник!

- Почему вы согласились?

– Я хотел разбогатеть как можно быстрее. Я искал самый быстрый и безопасный способ. – снова заговорил Киамит.

- Дуракам деньги всегда только мешают.

- Я хотел подняться вверх. Я хотел стать большим человеком.

- Каждый хочет подняться вверх и стать большим человеком.

- Не каждый! – снова влез Шенвех.

- Достаточно. Почему вы решили убить друг друга?

- Он хотел меня убить! – опять получилось хором.

- Он об этом заявил?

- Да! – снова получилось хором.

- Вы пробовали договориться?

- Нет!

- Вы пробовали бросить жребий?

- Нет!

– Достаточно. Я понял, что каждый из вас хотел сделать. Я понял, почему каждый из вас хотел это сделать. Можете приступать к исполнению задуманного – теперь я вам это разрешаю.

Киамит с облегчением вздохнул и с чувством глубочайшего удовлетворения своей ненависти что есть силы провёл ножом по горлу Шенвеха чуть сбоку, где в шее были самые крупные сосуды. Чёрной в ночной темноте кровь хлынула на мостовую широкой струёй. Раздался на мгновение булькающий хрип вдыхаемой перерезанным горлом крови. Киамит левой рукой потянул голову Шенвеха назад за тёмные волосы, толчками льющаяся из шеи струя крови усилилась. Тело Шенвеха под Киамитом судорожно задёргалось и запахло дерьмом и блевотиной.

Осторожно, чтобы не перепачкаться в крови, позабыв про намоченные совсем недавно собственные штаны, Киамит встал с тела убитого врага. Тело Шенвеха ещё продолжало дёргаться, напоминая курицу с отрубленной головой или зарезанную свинью. Некоторое время полюбовавшись на содеянное Киамит повернулся к имперскому советнику и тут же плюхнулся перед ним на колени прямо в кровавую лужу и уткнулся лбом в залитую кровью мостовую.

– Служу Империи! господин имперский советник! – Киамит не в полной мере был уверен, что именно так надо говорить, но лучше ничего не придумал и надеялся на то, что имперский советник оценит по достоинству его попытку выслужиться перед ним и заодно Империей.

- Ты уверен, что поступил правильно?

- Да! Господин имперский советник!

– Тебе не жалко своего круглолицего щекастого приятеля? Он был весьма умным, такие здесь не так часто встречаются. Нижний Город в основном состоит из калек, уродов, слабоумных и больных.

- Нет! господин имперский советник!

– Ты считаешь, что выбрал лучшего из вас двоих?

– Да! господин имперский советник!

* * *

Император молча сидел за столом и смотрел прямо перед собой на всё ту же самую стену. Ему было плохо, весьма плохо и очень тяжело. Год за годом управление Империей хоть и медленно, зато неотвратно становилось всё тяжелее, а под конец окончательно его доконало. Его, Киамита, благополучно пережившего все многочисленные покушения и предательства, смуты и заговоры, войны и потрясения, вторжения и волнения, да и вообще неисчислимое количество неизвестно чего ещё, доконало управление своей собственной империей!

Он вспомнил себя молодого. Тогда он еле справлялся с властью, он учился на своих ошибках и ещё больше на чужих. Его тогда изводила человеческая сущность, вся открывшаяся ему гнусность человеческой души. Когда он ещё подростком жил в Нижнем Городе, то считал, что плохо только там и надо просто выбраться из Нижнего Города хотя бы в Средний Город. Когда он ещё только стал императором, то поначалу считал, что и люди все такая дрянь только в столице, что их испортило это место, а где-то всё иначе и большинство людей там люди как люди за редким исключением. Время разубедило его в заблуждениях.

Сказки закончились ещё в раннем детстве. С возрастом исчезла уже и вера в их существование. Вместе с короной императора он возложил себе на голову всё бремя человеческого зла и пороков, которое, неожиданно для него, вдруг оказалось бесконечным. Добро это исключение, зло это правило – усвоил он за эти годы, хорошо усвоил. Было время, когда он даже пытался сам же разрушить свою же империю, но все его попытки её разрушить сделали её только сильнее.

Однажды он распустил имперскую армию в надежде, что Империю начнут завоёвывать. Но, вопреки его ожиданиям, вместо одной имперской армии сразу же образовалось несколько независимых, которые с удивительной быстротой прибрали тогда ещё чудом остававшиеся независимыми пограничные государства вокруг Империи. Он надеялся, что новые армии сцепятся между собой и развалят Империю на части, но вместо этого все они провозгласили славу императору за столь мудрое решение и поклялись в своей верности.

Он самолично принимал самые безумные законы, проводил по всей Империи самые сумасшедшие мероприятия, чтобы довести её до раскола, но Империя только крепла. Он то всё подряд запрещал, то наоборот всё подряд разрешал и каждый раз его новое противоречащее всем предыдущим решение повсеместно едва ли не поголовно одобрялось и встречалось восторженным ликованием населения.

Он пытался разорять Империю налогами, доводил всех до полного обнищания, но так и не смог спровоцировать бунт. Он приказывал печатать бумажные деньги вместо золотых и доводил тем самым деньги до полного обесценивания, но и это было встречено восторгом.

Он отменял даже самые древние и почитаемые обычаи, запрещал и преследовал самые распространённые в Империи религии, но каждый следующий запрет вызывал ещё больше восторга, чем предыдущий. И даже когда он отчаявшись объявил Империю прекратившей существование, то и это известие было воспринято с восторгом и ликованием, а в народе заговорили, что император создал новую Империю из старой.

Но это было совсем давно, а сейчас он чётко понимал, что пытался потушить огонь кипящим маслом. Он тогда пытался развалить уже изначально разваленное, а всё, что он пытался сделать во зло Империи, шло ей исключительно во благо. Если он тогда хотел развалить Империю, то это надо было делать от прямо противоположного. Надо было не бороться с Империей, а перестраивать её в новое порядочное общество, где родители не будут насиловать своих детей назло друг другу, где духовное уродство не будет передаваться по наследству, где назло одним не будут наказывать других, где целью жизни каждого не будет издевательство над всеми, а всех над каждым, где у человека не будет смыслом жизни лишение смысла жизни других.

Киамит вспомнил ту судьбоносную ночь много лет назад, когда зад у него пылал после удара плетью, под ним аж содрогался от ужаса несчастный Шенвех, а за спиной стоял всемогущий имперский советник и задавал им вопросы. Он сейчас не обвинял имперского советника за случившееся – он сам тогда сделал свой выбор и только. Если бы он тогда хоть немного подумал и отпустил Шенвеха, то в будущем у него всё сложилось бы совсем иначе. Долгий путь к императорской власти оказался непрерывным выбиванием всего лучшего, что ещё в нём уцелело после многих лет борьбы за выживание в Нижнем Городе.

Он повернул голову. Позади молча стоял советник, тот самый, который стоял за его спиной в ту ночь. Иногда ему казалось, что это не человек вовсе, а тень человека, зловещая всезнающая тень. Именно этот человек помог ему тогда принять нужное решение, именно он провёл его по всем ступеням восхождения к верховной власти, это он задавал ему вопросы и давал нужные подсказки. Впрочем, решение той ночью Киамит принимал сам – советник всего лишь предоставил ему тогда свободу выбора и он сделал неправильный выбор.

А далее была бесконечная череда ведущих к власти преступлений и сделок со своей совестью. Это не императоры создают себе Империю! Это Империя создаёт себе императоров! Каждое новое преступление, каждое новое убийство на пути к власти не только продвигали его ещё на один шаг ближе к ней, но и заодно уничтожали в нём ещё какую-то часть его самого, пусть малую, но уничтожали.

Чудовищное население Империи создавало себе столь же чудовищных императоров, чтобы они продолжали создавать новых чудовищ из каждого нового жителя Империи. Круг замкнулся и это был бесконечный путь по кругу. Ему вспомнилось название одного из орденов: Орден Замкнутого Пути. И эти туда же! Почитатели хождения по кругу!

– Скажи мне, почему тогда ты позволил мне убить Шенвеха? – не поворачивая головы обратился он к стоявшему за спиной советнику.

– Я не позволил убить Шенвеха – я позволил всего лишь принять решение. Вы сами решили убить Шенвеха – это был Ваш выбор.

– У меня было неоспоримое преимущество, это я тогда решал, кто из нас должен остаться в живых.

– Выбор был у всех, но Вы им воспользовались, а он – нет.

– И как он мог воспользоваться выбором с приставленным к горлу ножом? Я не помню, чтобы я предоставил ему какой-то выбор.

– Именно это и было Вашим решением.

* * *

Белый дым клубился между дешёвыми зеркалами над столом и еле отражался в тёмном зеркале чаши. За спиной предсказателя человек в рясе перебрасывал верёвку её пояса из одной руки в другую.

– И всё же он смог найти решение?

– Да, ничего не помогло – нужно что-то иное.

– Может быть есть смысл заглянуть ещё дальше?

– Я могу, но так далеко точность предсказания сильно снизится.

– Не требуется – там будет всё то же самое, только намного хуже. Ошибка произошла гораздо раньше, чем в ближнем будущем.

– Может быть, есть смысл поискать ещё?

– Лучше отдохни как следует, а пока держи деньги. Мы подумаем, что можно сделать, а ты пока поупражняйся в точности. Ставки в игре растут и нам нужен выигрыш, а не гадание на внутренностях.

* * *

Допрос Киамита и Шенвеха продолжался. Киамит всё также не шевелясь, неподвижно продолжал сидеть на спине Шенвеха не вставая и не убирая ножа от его шеи. Имперский советник продолжал.

– Вы пробовали договориться?

– Нет!

– Вы пробовали бросить жребий?

– Нет!

– Я услышал достаточно одновременных ответов. Вы оба виновны в нарушении спокойствия. В наказание за это сейчас один из вас убьёт другого. Раз вы даже не попытались бросить жребий, значит это за вас прямо сейчас сделаю я. Стать передо мной с закрытыми глазами! Оба!

Киамит встал с мокрой спины Шенвеха и позабыв про намоченные совсем недавно собственные штаны плюхнулся на колени перед имперским советником. Шенвех немедленно вскочил на ноги и повернулся. Перед ним стоял высокого роста мужчина в просторной одежде, перед которым на расстоянии нескольких шагов, спиной к Шенвеху, на коленях стоял Киамит, светлые волосы которого было хорошо видно даже в почти полной темноте. Мысль Шенвеха заработала с новой силой.

«Он смотрит на советника!» – озарила Шенвеха самая очевидная и незамысловатая догадка. Это было спасение! Сделав несколько шагов, чтобы оказаться рядом с Киамитом, Шенвех резко выхватил нож и как можно сильнее ударил того сзади в шею почти в то же самое место, в которое всего лишь немногим раньше хотел вонзить ему нож Киамит. Кровь широкой струёй хлынула под ноги имперского советника, который даже не шелохнулся. Раздался булькающий хрип вдыхаемой перерезанным горлом крови. Киамит не успев опомниться схватился сразу обеими руками за перерезанное горло пытаясь остановить хлещущую кровь и повалился вперёд и набок. Его конечности судорожно задёргались мелкой дрожью, запахло дерьмом и блевотиной.

Осторожно, чтобы не запачкаться, имперский советник переступил через лужицу крови к Шенвеху. Киамит всё ещё продолжал дёргаться и хрипеть как забитое животное на скотобойне. Ещё мгновение полюбовавшись на содеянное Шенвех повернулся к идущему к нему имперскому советнику и опомнившись тут же приставил нож к своей шее. Он был готов убить и себя следом за Киамитом, чтобы только не быть схваченным и не угодить в имперские пыточные. Имперский советник посмотрел на нож и остановился, а потом леденяще улыбнулся.

– Этого не требуется, – произнёс он. – лучший выбран.

* * *

Император молча сидел за столом и смотрел в пространство перед собой. Настроение у императора последние годы было такое отвратительное, какое только можно было придумать, не то, что представить. А сколько счастья и радости было в его жизни совсем недавно! Это же была не жизнь, а просто сказка полная чудес! Пройти путь от ничтожнейшего жителя Нижнего Города до величайшего императора чуть ли не всего мира – что может быть чудеснее? И вот в конце столь потрясающего и великолепного пути он сидит и тупо смотрит в стену.

А сколько у него было стремлений! Как он мечтал переделать этот несовершенный, а, по правде говоря, уродливый мир, хотя бы эту его часть, называемую Империей! И куда делись все его стремления? Ещё было бы понятно, если бы он разбогатев и дорвавшись до власти утратил бы все свои прежние благие стремления просто забыв про них. Но он не забыл – у него просто пропало желание ими заниматься.

Ему просто не хотелось, а если говорить уже совершенно честно – он просто не верил в успех. Он боялся своего непрерывного ожидания неудач, которые одну за другой он терпел всякий раз после очередного своего благого начинания. Неудача настигала его всегда неожиданно и внезапно, как та стрела из темноты. Он старался предвидеть и учесть всё, но каждый

раз очередная попытка обнаруживала такой неожиданный изъян и дело сразу принимало столь плохой оборот, что ему оставалось только опустить руки. Он был бессилен против своей судьбы и вся его императорская власть не могла ему в этом помочь.

Да, он мог всем приказывать. Да, он мог вершить судьбу чуть ли не целого мира, причём скоро будет уже без всякого «чуть». И в этот миг своего непревзойдённого величия и торжества своей власти он, император Шенвех, чувствует исключительное своё бессилие! Нет, он смог добиться успехов. Только это были успехи управления империей! Нет, он расширил империю. Но это всё! Где все прочие улучшения? Где же счастье людей и его собственное? Почему как вокруг были ужасы, так и остались, если не приумножились? Почему, вопреки его ожиданиям, всё переменялось не от плохого к лучшему, как он хотел, а от плохого к худшему? Позади безмолвно стоял его советник.

– Вашему Императорскому Величеству грустно?

– Нет, иначе я мог бы справиться с грустью. У меня такое ощущение, что я ничего не могу сделать. Вообще. Я не всеильный – я бессильный император! Никогда не думал, что такое возможно. Я никогда не думал, что после моих столь головокружительных успехов окажусь в таком тупике. Я всегда считал, что император всеилен и всемогущ.

– Может быть, это просто усталость? Империя – тяжкий груз.

– Только не для меня! Сейчас меня угнетает моё собственное бессилие. Раньше я думал, что если бы у меня была большая власть, я бы смог изменить мир. А сейчас я вижу, что я могу не перестроить мир, а всего лишь перекрасить его. Ради чего всё это? Ради моей империи? А кто населяет эту империю? Две с половиной сотни человек и десятки миллионов скотов, которые только и выжидают, когда можно будет перерезать друг друга. Разве к этому я стремился? Разве этого я хотел? Я хотел сделать Империю лучше, а сделал её только больше.

Я изменил карту мира, но я не смог изменить его обитателей. Я так и не сумел, не сумею и, самое главное – я не понимаю как. Я хочу, но не понимаю как! Я не верю в себя! Я слишком часто ошибался, чтобы верить в свои силы! Я сам был одним из них! Я был таким же как они! Мало того – я таким и остался! Ничего не изменилось! Бывали годы, когда я мечтал о хотя бы маленьком счастье для себя, для других и для каждого. Даже для своих врагов, чтобы они от меня, наконец, отстали! Бывали времена, когда я мечтал поубивать всех нравственных уродов по всей своей империи, пока они её не угробили окончательно, что им несколько раз на моей памяти почти удалось.

А теперь я могу приказывать убить кого угодно даже просто так! Но я знаю, что всё как было, так и останется. Я могу приказывать истребить в своей империи всех подонков. Но уже следующее поколение будет ничуть не лучше! Я даже не представляю, как такое вообще может получаться! Почему даже из в начале хороших людей получаются в конечном итоге законченные выродки, в лучшем случае из их потомков?!

– Желаете новых подданных? – пошутил советник.

– Они почти все – чудовища! Каждый мой подданный это просто чудовище, причём ужасное.

– Ну, допустим, что не каждый. – пока император смотрел перед собой, слева к нему подошла молодая и красивая девушка. – Меня ты ни разу с чудовищем не сравнивал. Видимо, чудовищем не считаешь.

– Я хочу, чтобы меня любила девушка, которой я понравился, а не чудовище в образе человека, в которое все вокруг меня превращаются со временем. Я тебя даже к самым мелким государственным делам допустить не могу. Я не могу поручить любимым и потому дорогим для меня людям заниматься государственными делами, не превращая их в полных чудовищ. И я не хочу делать свою любимую девушку чудовищем только потому, что мне просто захотелось нового помощника.

– Однако, достаточно тебе приказать...

Император вскочил настолько резко, что девушка отскочила и запустил тяжёлым кинжалом в стену. Кинжал аж загудев от удара глубоко вонзился в деревянный столб в стене. Девушка посмотрела на кинжал долгим взглядом, пожала плечами, но ничего не сказала.

– Я не хочу больше приказывать! Я не понимаю, зачем в Империи нужен император?! Как-то раньше люди жили сами, без императоров, королей, вождей, судей, наместников и ещё непонятно кого. Они что, совсем превратились в скотов или для меня стараются?

Шенвех схватил с кровати барабан и отрывисто, на подобие имперских маршей пробарабанил насколько получилось похоже:

Солнце Империи мир озаряет,
Поступь Империи ужас вселяет.
Наш император Империей правит,
Подданный каждый Империю славит.
Пусть грянет громче Империи голос,
Власть собирает нас всех в один колос.
Мы сокрушим всех врагов на границах.
Радость победы сияет на лицах!
В прошлом заслуги и в будущем слава.
Славься Империя, наша держава!

– Я теперь великий завоеватель! Я и завоеватель! который ни разу не начал ни одной войны! А некоторые, особенно затянувшиеся, даже сам ещё и закончил... Бедный Хоншед! Как же я ему сочувствую! Его из простого порядочного человека сначала сделали образцом преступника в Объединённых Королевствах, а потом сами же через некоторое и не такое уж продолжительное время произвели в чуть ли не главные государственные советники. И это, заметьте, всего лишь в Объединённых Королевствах! Даже страшно подумать, что стало бы с ним у нас! Но им ещё повезло, у них там пока ещё хоть Империи нет.

– Ключевое слово – «пока». – подметил имперский советник.

– Я не буду их присоединять! Пусть в мире хоть где-то хоть что-то ещё останется неизгаженным имперскими порядками.

– Они сами хотят присоединиться. – уточнил советник. – Скоро приедут оба: и Хоншед, и Дзанев, и все остальные представители.

– Я знаю поэтому я и против. И вообще... А если я завтра сдохну? Что тогда будет с Империей? Как же вы тут без меня жить будете?

– Как и жили. Будет новый император и ничего не изменится. Чем больше вещи меняются, тем больше они остаются такими, как были.

Шенвех провёл рукой по столу в поисках кинжала, чтобы запустить им в советника, потом посмотрел перед собой на стену с глубоко воткнувшимся в столб кинжалом, вздохнул и устался перед собой.

– А раньше вы тоже так жили?

– Императоры меняются, а люди остаются.

– Это я уже давно и сам заметил. А как же ваше знаменитое: «Нам думать не надо! – Император думает за нас!»?

– Император думает – народ живёт.

– Ты хотел сказать «Император правит – народ не думает.»? – не выходя из глубокой задумчивости уточнил Шенвех.

– Народ живёт мыслями своего императора.

– Я всё понял. Я не бессилен! Я ошибся! Я просто поставил перед собой непосильную задачу! Переоценил свои возможности. Я не могу изменять законы природы, моя император-

ская, но всё равно человеческая, власть на них не распространяется. А люди это часть этого мира и они живут по его законам, а к моим только приспосабливаются.

– А попробовать приспособить их к жизни по другим законам Вы не хотите? – намекнул советник. – И тогда Вы сможете изменить не только размеры Империи, а уже само её качество. Вы же этого хотели, улучшить людей? И будет у Вас достойное императора занятие

– Я уже пробовал! До меня уже многие пробовали! Всё с ними делали: просвещали, наказывали, воспитывали, развивали, убивали, обучали, уничтожали. Но так ничего и не добились! И я догадываюсь, почему! Это лежит в самой основе человеческой природы и этого никак нельзя изменить. Они уже при всём желании не смогут стать другими никогда! Это просто невозможно, вот и всё, как и кто бы ни старался. Порядочность это исключение, а всё остальное – правило. Всё, что я могу, это просто непрерывно убивать непорядочных людей силами порядочных и тем самым превращая их в таких же непорядочных.

– Замкнутый круг. А что поделаешь? – подметил советник.

– Что поделаешь? Я скажу тебе, что поделаешь! Я то знаю, что тут поделаешь! Я эту свою империю расширил – я её сам и сведу на нет. Как присоединял, так и повыгоняю. Будете снова жить в королевствах как раньше, без всяких императоров и завоеваний. Как люди!

– Это уже было. – мрачно возразил советник. – И всё равно каждый раз Империя возрождалась даже из ничего.

– Жалко, а было такое хорошее решение.

– И не один раз. – продолжил советник.

– Опять я ничего не могу сделать! Но даже если нельзя исправить уродство Империи, то можно хотя бы попытаться. Мне уже не привыкать к бесконечным неудачам. И пусть я не буду первым императором, который превратит весь мир в свою империю, зато я стану очередным, кто прекратит её существование! И возможно, что навсегда!

* * *

Предсказатель взмахнул рукой, разгоняя дым и едва не смахивая со стола разные предметы. За спиной предсказателя человек в рясе ходил из стороны в сторону, как будто уже зная ответ предсказателя.

– Опять всё то же самое?

– Да, меняются только разные мелочи, а всё остальное остаётся.

– Это вполне понятно, а если тогда заглянуть подальше?

– Сейчас я немного устал, будет лучше попробовать после отдыха.

– Тогда отдохни получше, у нас осталось не так много времени. Я почти точно уверен, что твоё следующее предсказание не покажет нам лучшего будущего, но мы не имеем права упускать никакой, даже этот незначительный шанс. Последовательность прежде всего!

* * *

Император молча сидел за столом и смотрел прямо перед собой на всё ту же самую стену. Ему было плохо, весьма плохо и очень тяжело. Все его усилия по улучшению Империи за последние годы не привели ни к чему, кроме полного отчаяния. Ему, Шенвеху, после всех пережитых немногих побед и многочисленных поражений просто не хватало душевных сил для борьбы с его же собственной империей!

Он вспомнил свои ранние годы правления Империей. Тогда он ещё считал себя сильным и всемогущим. Он считал, что сможет изменить человеческую сущность, это вместилище всей тьмы человеческого сознания и души. Он рвался из Нижнего Города, считая, что на этом его беды и несчастья кончатся. Но на этом они только начались! Когда он уже стал императором, то поначалу считал, что людей испортила плохая власть, что их почти всех ещё можно исправить, за редким исключением, а уже новые подданные при его власти вырастут как люди.

Его вера в чудеса волшебство закончилась ещё в раннем детстве. С возрастом окончательно исчезла вера в их существование. Став императором он с воодушевлением возглавил

поход зла, ошибочно полагая, что борется во имя добра. Борьба же со злом силами зла умножает зло – надёжно усвоил он за эти годы. Было время, когда он даже сам пытался уничтожить свою же империю, но, как ему позже открылась новая и не очевидная истина, развалить – не значит уничтожить.

Он отделяя бросал на произвол судьбы целые куски своей империи, чтобы соседние государства начали их завоёвывать. Вместо всеобщей ненависти он снискал этим повсеместную поддержку: от самых низов до высшей знати. В учинённой тогда всеобщей резне воодушевлённых отделением частей Империи с пограничными государствами те проиграли. Он ждал, что на этом всё и закончится, а новые государственные образования на месте отделённых кусков растащат Империю на части, но вместо этого все они провозгласили славу императору за столь мудрое решение и поголовно присоединились обратно.

Он заставлял всех граждан Империи соблюдать все, даже самые несущественные законы. По любому поводу проводил самые настоящие избиения населения по всей Империи, устраивал бессмысленные преследования и гонения, чтобы поднять народ на восстания, но внутренняя обстановка становилась только спокойнее. Он повсеместно запретил устанавливать любые запреты, но даже это его безумное решение было встречено всеобщим восторженным ликованием.

Он временно отменил деньги, уравнивая между собой таким образом богатей и нищих, но так и не смог спровоцировать бунт. Он устраивал всеобщие дележи собственности, но и это было встречено восторгом, как будто людям было не жаль расставаться со своей собственностью.

Он глумился над самыми древними святынями, насаждал бредовые религии, но каждое следующее кощунство вызывало больше восторга, чем предыдущее. Даже когда он объявил Империю прекратившей своё существование, то и это безумное решение было принято с всеобщим восторгом и ликованием, а в народе заговорили, что император создал новую Империю из старой благодаря своей великой мудрости.

Но это было давно, а сейчас он хорошо понимал, что пытался тогда бороться тьмой со слепотой. Он пытался бороться со злом силами зла, а всё доброе, что он приказывал сделать, извращалось во зло. Если он и хотел уничтожить империю зла, то это надо было делать не добром, не злом и не подменой одного другим. Надо было не бороться злом со злом в Империи, а неукоснительно превращать его в добро, строя уже новую Империю, где люди не будут наслаждаться своей ненавистью к людям, где всеобщее безумие уже не будет руководить борьбой разума со здравым смыслом, где преследование и наказание всех подряд уже не будет смыслом жизни каждого, где для одних удовольствием и счастьем не будет любование мучением других, где целью жизни каждого не будет уничтожение цели жизни всех остальных.

Шенвех вспомнил ту судьбоносную ночь много лет назад, когда зад у него пылал от удара плетью под обмоченной Киамитом рубашкой, а Киамит спиной к нему опускался на колени перед всемогущим имперским советником. Он больше не обвинял имперского советника за случившееся – он сам принял решение на свой страх и риск. Если бы он тогда не нарушил приказ и не убил Киамита, то сейчас всё сложилось бы иначе. Путь к императорской власти оказался искоренением в нём всего лучшего, что ещё сохранилось после многих лет проведённых в молодости в борьбе за выживание в Нижнем Городе.

Он повернул голову. Позади молча стоял советник, тот самый, который застиг их в ту ночь. Иногда ему казалось, что это не человек, а его злой рок, неизбежный и неотвратимый. Именно этот человек помешал убить его тогда ночью, взамен предоставив ему возможность выжить. Именно он подсказывал ему в казавшихся безвыходными положениях и подталкивал к самым рискованным решениям и при этом всегда оказывался прав. Хотя, решение Шенвех в ту ночь принял сам, а советник просто предоставил ему возможность и он ей неправильно воспользовался. Если бы тогда всё знать наперёд! Вот именно «Если бы...».

Шенвех пришёл к власти через бесконечное количество преступлений через себя. Это не императоры создали себе такую Империю! Это Империя создала таких императоров! Каждая новая его удача на пути к власти не только делала его на один шаг ближе к ней, но попутно делала его слабее, разрушала в нём всякую способность сопротивляться неудачам. Вечное везение отучило его бороться с трудностями.

Чудовищность имперских нравов не возникла из ниоткуда. Жители в Империи сами делали чудовищем любого своего нового императора, а он своей волей превращал в чудовищ всех новых жителей Империи. Круг пороков замыкался, это было бесконечное хождение кругами. Из тёмных глубин памяти Шенвеха всплыло название одного из орденов: Орден Замкнутого Пути. Ещё одни почитатели хождения по кругу!

– Скажи мне, почему ты тогда позволил мне убить Киамита? – не поворачивая головы обратился он к стоявшему за спиной советнику.

– Я не позволил убить Киамита – я приказал обоим стать передо мной. Вы сами решили убить Киамита – это было Ваше решение.

– Я нарушил твой приказ. Почему ты меня не остановил?

– Он тоже мог нарушить мой приказ и победить в той игре, но Вы пошли на смертельный риск, а он – нет. И проиграл, а Вы – нет.

– И как он должен был догадаться, что я осмелюсь пойти на такой риск? Я не помню, чтобы у него были глаза на затылке.

– Вы тоже не могли заранее знать последствия своего поступка, но Вы смогли принять правильное решение, а он – нет.

* * *

Лицо предсказателя выражало недоумение и озабоченность. Сзади, чтобы случайно не помешать, за его работой наблюдал человек в рясе с капюшоном. Когда предсказатель закончил, человек вышел из тени.

– Опять ничего не поменялось?

– Да, только мелкие отличия.

– Дальше можно не продолжать. Что же, и в нашей работе бывают весьма досадные ошибки, но мы быстро их исправляем.

– Я могу помочь с исправлением?

– Не нужно – настоящее мы и так слишком хорошо знаем.

– А если вы не справитесь?

– Этот вопрос для тебя уже не важен. Даже в случае неудачи один из них другим точно будет убит, а другой илидохнет сам, или будет повешен утром, или попадёт к палачам на площадь. Мало ли у нас на улицах гибнет людей и мало ли у нас вешают или пытаются?

* * *

– Не завидуй перед смертью! Примета плохая. – с этими словами Киамит замахнулся рукой, чтобы ударить Шенвеха кулаком в бок.

Лезвие меча вонзилось в его спину как раз ниже рёбер, где почти не было костей, пронзило тело насквозь, вонзилось в спину тела под ним и с хрустом провернулось. От пронзившей внутренности боли они оба тихо взвизгнули с лёгким, слегка похожим на собачье, поскуливанием. Киамит выронил нож и схватился обеими руками за вылезшую прямо из его живота сталь. В спину Киамита упёрлась нога в тяжёлом сапоге и лезвие рывком вышло из его тела порезав ладони.

– Прямо как в том старинном стихотворении «Выдернул меч он из тела младенца и насквозь пронзил короля-отщепенца.» – тихо усмехнулся человек в просторной одежде разглядывая содеянное.

Он брезгливо вытер испачканный кровью меч об одежду Киамита и с лёгким шорохом убрал в ножны. Два продырявленных молодых тела на мостовой продолжали стонать

и корчиться, пытаясь то и дело звать на помощь. Человек поднял дешёвенький нож Киамита, посмотрел на удивительно неплохую заточку лезвия, ухмыльнулся и потянул того за волосы, открывая шею. Одним быстрым движением он перерезал ему горло от уха до уха и проделал то же самое с Шенвехом.

На разбитой мостовой в луже крови остались лежать одно поперёк другого два поваливающихся тела. Человек посмотрел на них несколько мгновений, недовольно скривился, как от большой досады за впустую потерянное время и пошёл прочь. Скоро их обоих найдёт проходящий отряд стражи, примет за убитых и забытых в спешке предыдущим отрядом карманников или бродяг, утром городские мусорщики разденут их тела догола и отвезут на свалку и больше о них никто не вспомнит, кроме родственников, если они вообще у них есть.

* * *

Предсказатель удручённо смотрел на свои в беспорядке разбросанные по столу гадальные принадлежности. За его спиной молча и неподвижно стоял человек в рясе и смотрел на стол.

– Совсем никаких следов? – нарушил он молчание.

– Следов расплывчатых полно, а точных совсем нет. Я всего лишь предсказываю наиболее вероятные события из множества возможных, а тут всё полностью перемешано и никакого преобладающего направления, а значит и никакой ясности. Будущее слишком неопределённо.

– Это я и так знаю. Но хотя бы найти этих двоих можно?

Предсказатель раздосадованно покачал головой. К нему по пять раз в день приходили люди с подобными вопросами и он по десять раз на дню объяснял, что нельзя найти следы на воде, что будущее размыто и туманно, что никак нельзя увидеть несуществующее и тому подобное. Для простого обывателя его работа была почти волшебством, а он был всемогущим прорицателем, но не для ордена, которому он служил.

– Они в столице и ещё долго будут в столице. Это всё, что я вижу. И ещё, может быть это важно, они часто появляются вдвоём.

Человек в рясе резко насторожился. Не слишком часто приходится слышать, чтобы заклятые враги вдруг начали ходить вдвоём.

– Может быть, они подстерегают друг друга?

– Может быть, но я не вижу, чтобы один из них убил другого, а это я бы точно заметил, такие вещи уже так просто не пропустишь.

Человек в рясе молча задумался. Предсказатель помалкивал рядом, видимо, предчувствуя отсутствие хорошей оплаты за свою неудачу. А кому, если вдуматься, нужны предсказатели, которые не могут хорошо предсказать будущее? Таких на любом рынке самое меньшее – два.

– Держи половину денег за старания.

Предсказатель скривился, но деньги взял. Сам он хорошо понимал, что лучше промолчать, чем соврать ордену, который не потерпит даже ничтожной ошибки, не то что предательства. Именно так орден расценил бы его попытку приврать или просто схалтурить. В конце концов, это не первый раз, когда он служит ордену и не последний. Вернутся, когда надо будет найти следующую жертву своих происков.

* * *

Киамит не останавливаясь посмотрел по сторонам, оглянулся назад несколько раз и ускорил шаг. Очередной поворот и Киамит скрылся из вида окончательно. Шенвех на цыпочках просеменил дальше на полусогнутых ногах в дешёвых мягких обмотках на одни ступни, радуясь, что по своей бедности не носил слишком дорогую для бедняков обувь с твёрдой и скрежещущей на камнях подошвой. Ещё несколько шагов, поворот, пустая улица впереди, голые стены вокруг и больше ничего и никого, точнее почти ничего, кроме скрючившегося возле стены пополам и схватившегося за свою промежность Киамита.

От внезапно нахлынувшей радости Шенвех даже забыл про всякую осторожность. Это же надо, чтобы ему и вдруг столь крупно повезло! Ну всё, тварь! Теперь ты сдохнешь! Невероятно хотелось ещё и помучить проклятого выродка. Точнее, неистово хотелось! Но это было бы слишком рискованно. А вдруг сюда забредёт стража? Шенвех быстро вытащил нож из-под полы и для устойчивости широко расставив ноги начал примериваться, как бы получше нанести первый удар.

Удар носком ноги сзади пришёлся прямо в его мошонку. От боли он едва не обгадился, по ноге потекла горячая жидкость, а всё тело свело так, что теперь он только и мог, что держатся руками за мокрые между ног штаны, скорчившись почти в том же самом положении, в котором он только что видел Киамита. Он только сейчас постепенно начал осознавать всю серьёзность им допущенной ошибки.

– А теперь, два придурка, вы поскачете бегом. – раздался строгий голос за спиной Шенвеха. – И не вздумайте попытаться убежать!

С этими словами человек с невероятной ловкостью связал им руки за спиной, а потом в двух местах привязал левую ногу Шенвеха к правой Киамита. Бежать в таком положении было невыносимо неудобно, болели яйца и вся промежность, ноги заплетались и разогнуться получалось только с трудом. Они не столько бежали, сколько спотыкаясь и едва стоя на ногах ковыляли вперёд в указанном направлении. Иногда неизвестный, которого ни один из них в уже начинающихся сумерках толком не успел рассмотреть, толкал их направо или налево, пока они сами окончательно не перестали понимать, где находятся.

Они остановились в глубине запутанных улиц трущоб Нижнего Города. Неизвестный толкнул их на землю и стал перед ними. В темноте видно было плохо. Перед ними стоял среднего роста не очень широкоплечий человек в простой свободной одежде и глубоком капюшоне на голове. Слегка попинав их в грудь ногами человек заговорил.

– Люди, которых я здесь и сейчас представляю, не хотят, чтобы вы поубивали друг друга. Более того, эти люди не хотят, чтобы убили вас обоих или даже одного из вас. А поскольку вы оба уже показали всем, на что способны, то я принял решение вас помирить раз и навсегда.

Киамит и Шенвех слушали раскрыв рот, слюни текли с подбородка, между ног продолжали болеть отбитые яйца. Сознание возвращалось медленно, зато неотвратимо. По своему богатому, для пятнадцати лет, жизненному опыту они оба знали, что никому не нужны, и если кто-то их вдруг от чего-то безвозмездно спасает, значит готовится что-нибудь особенно подлое, но что именно – понять они ещё не смогли.

– Хотите, я скажу вам, что понравилось у вас обоих тому важному господину из Верхнего Города, который вас недавно для чего-то собирался нанимать или только одного из вас? – задал человек им вопрос и тут же сам на него и ответил. – Ваши пухленькие, кругленькие детские зады! И, я думаю, что вы уже оба поняли, зачем и для чего. Вы бы хоть спрашивали сначала, на что нанимаетесь, перед тем как наниматься!

Незнакомец возвышаясь над ними в подробностях рассказывал им, что каждого из них ожидало в доме господина из Верхнего Города.

– Да ладно! Всё лучше, чем здесь крыс тощих жрать! – возразил первым опомнившийся Шенвех. – А дырка поболит и перестанет!

– Крыс жрать здесь можно хоть всю оставшуюся жизнь, а богатые люди надоевшие игрушки выбрасывают. Я понятно намекаю?

– Понятней некуда – в Нижнем Городе часто убивают не спрашивая и закапывают не разыскивая, кто жителя убил, а мёртвые славятся молчанием и неразговорчивостью. Но это не повод беспокоиться.

– Своей вознёй вы привлекли к себе много ненужного внимания и вас теперь нескоро забудут. У бедняков слишком хорошая память.

– Ну и что? Кому мы оба нужны? Мы же из Нижнего Города!

– Вы и здесь никому задаром не нужны, но господин из Верхнего Города не забыл, что хотел вас нанять. Вы успели наговорить слишком много и привлекли к нему лишнее внимание. Могут пойти слухи.

– Про нас послезавтра все уже забудут. – заговорил уже Киамит.

– Вы распустили ненужные слухи, а господа их не любят.

– До Верхнего Города отсюда слухи дойдут нескоро.

– Это свет распространяется мгновенно, а слухи – намного быстрее. – оборвал Киамита незнакомец, теряя последнее терпение.

– И чем это нам грозит? – снова не удержался Шенвех.

– Вам – ничем. Вас только убьют и для вас всё закончится. Меня это не сильно расстроит – я уже готов убить вас обоих.

– А зачем ты нас тогда спасаешь? – спросил глупость Киамит.

– Для тупых я повторяю дважды! Очень важный Господин желает, чтобы вы оба остались живы. Это понятно? Или повторить?

– Да. – соврал Шенвех, но незнакомец заметил.

Он подошёл к Шенвеху сзади, упёрся согнутой ногой ему в шею и сложил почти пополам. От боли в сухожилиях под коленками Шенвех взвыл. Человек слегка пригнулся и ударил Шенвеха костяшками большого, твёрдого кулака под лопатку. Шенвех дёрнулся и заскулил.

– Больно, правда? – спросил незнакомец.

– Нет! – зарычал Шенвех и тут же получил под лопатку ещё раз, но уже гораздо уже сильнее – Хватит бить! Больно! – взвизгнул он с прослезившимися от пронзившей всё тело боли глазами.

– Тогда продолжаем разговор. Если вы втайне думаете, что я уйду, а вы благополучно прикончите друг друга или один другого, то вы оба сильно заблуждаетесь. Тому господину вы оба больше не нужны, я об этом уже позаботился. Ещё я не забуду позаботиться о том, чтобы любой из вас, выживший после драки с поножовщиной, немедленно был схвачен стражей, обвинён в убийстве и поднят на крюки.

– Оставь нас, падла! Мы жить хотим! Отстань от нас, паскуда! – Киамит не выдержав напряжения внезапно сорвался на крик.

Незнакомец пнул ногой в грудь Киамита, опрокинув его на спину и наступил на грудь ногой всем своим немалым весом. Киамит хрустнул и начал задыхаться. Незнакомец время от времени молча посматривал на него сверху вниз, потом убрал ногу и продолжил.

– В следующий раз наступлю между ног. – предупредил он их. – Вы оба уже мертвы, просто вы ещё этого не поняли. Вы не нужны никакому господину и вы оба знаете излишне много. Теперь вы должны замолчать навсегда, оба. Так понятно? Или ударить ещё раз?

– Мы спрячемся. Теперь ты наспустишь?

Человек замахнулся было ногой, но передумал.

– Вы не спрячетесь. Вы не умеете прятаться. Вы, может быть и не зарежете друг друга, но вас очень скоро найдут и прикончат.

– Я так понимаю, что дело было не в наши миленьких детских попочках? – ехидно заметил Шенвех. Две попки лучше, чем одна!

Человек ненадолго задумался, будто принимая решение, посмотрел на них двоих, ещё немного подумал и мрачно глядя на обоих ответил:

– Никакой работы для вас никогда не было, никакой слуга никому не был нужен, никогда никто не набирает слуг из нижних городов, никогда никто не устраивает соревнований между возможными работниками, никогда никто из господ не ищет себе слуг самостоятельно. Вас обоих выбрали для того, чтобы один из вас убил другого, а выживший должен был стать... Впрочем, это уже неважно. Вы и так очень много знаете, чересчур много, с такими знаниями вы и месяца не проживёте в Нижнем Городе. Сейчас важно не дать убить вас обоих.

– А кому и зачем это понадобилось? Мы же нищие! – недоумевал Киамит. – Кем в Империи может стать простой никчёмный нищий?

– Всего лишь императором в этой Империи.

Киамит и Шенвех переглянулись. Это заявление неизвестного было больше всего похоже на дурацкую шутку или на откровенный бред, но говоривший слишком уж не был похож на сумасшедшего.

– Я предупреждал – в правду вы всё равно не поверите. В правду не всегда проще поверить, чем в открытую ложь. Но если бы вы были грамотными, то легко заметили бы, что за все многие тысячелетия существования Империи последние две или три тысячи лет прошли без единого потомственного императора. Вас это не насторожило?

– Зачем? Зачем делать императора из нищего? – не унимался Киамит. – Мало что ли в Империи богатой знати?

– Знать в этом вопросе ничего не решает, как и толстосумы. Императора выдвигают по своему решению очень влиятельные люди из его будущего окружения, чтобы он делал именно то, что им надо. Император выбирается имперским советом. Всё остальное – просто шумиха для развлечения толпы. А для того, чтобы новый император сам делал всё нужное им, он должен быть определённым человеком, а такого человека найти можно только среди как раз лучших из худших и только в определённом возрасте, то есть предпочтительно из числа бедноты в Нижнем Городе и примерно из юношей вашего возраста.

– Ничего себе... – начал было Шенвех, но заткнулся.

– А в чём тогда подвох? От чего тогда нас надо спасать? – не дал ему договорить Киамит, ещё не понимая услышанного до конца.

– В том, что избранных всегда несколько десятков тысяч, а в конце должен выжить из них только один. Каждый избранный должен обязательно убить одного другого избранного, а потом ещё и ещё. И так до тех пор, пока из всех не останется единственный избранный, который и станет императором. Теперь до вас дошло, куда вы влезли?

– И ты после этого хочешь, чтобы один из нас не убил другого? У нас, в Нижнем Городе, убивают за место мусорщика! не говоря уже за возможность стать императором! – заорал и задёргался Шенвех.

– Но и это ещё не всё! – Шенвех сразу же заткнулся. – Когда начинается испытание среди избранных, обязательно каждого из наиболее подходящих из них проверяет предсказатель, чтобы убедиться, что из тех может получиться действительно именно такой император, который был нужен имперскому совету. И всех, не прошедших проверку в должной мере, во время испытания убивают в первую очередь.

От слишком резкой догадки Шенвеха и Киамита замутило. За годы жизни в Нижнем Городе им случалось побывать в разном дерьме, но в такое им удалось вляпаться впервые. Первым очухался Киамит.

– И мы оба не прошли проверку предсказателем... – произнёс он медленно и тихо. – А если предсказатель ошибся?

– Никого не волнует! Вас уже приговорили.

– А я всегда считал всех этих рыночных предсказателей и площадных пророков просто самыми обыкновенными мошенниками и проходимцами! И больше никем! – выпалил от возмущения Шенвех.

– Не все они такие, хотя и многие, иначе бы мы сейчас не разговаривали, а вас не было бы в живых уже несколько часов. Наверняка и к тому месту, где я вас выследил, уже кто-то шёл.

– А сюда сейчас никто не идёт? – забеспокоился Киамит.

– И сюда скоро придут, поэтому вы начинаете скрываться.

– Это мы умеем, я даже одно время хотел в разбойники податься и уже собрался было, но передумал. – обрадовался Шенвех.

– И слава подвигов Хоншеда вам жить спокойно не даёт? – не то спросил, не то утвердительно заявил человек.

– А это кто? – спросил Киамит с недоумением.

– Вам лучше не знать – подольше проживёте.

– А зачем ты нас тогда сейчас так бил, если пришёл спасать? – от недоумения происходящим возмущился Шенвех.

– Я бы извинился, но это будет неискренне. Вы же оба до предела бестолковые и без побоев до вас не доходит, как хорошо ни объясняй. А жестокость это единственное средство управления дикарями.

– Мы – не дикари! – неожиданно для себя завопил Киамит.

Человек молча расстегнул штаны и прицельно помочился прямо на лицо Киамита, стараясь попасть в глаза. Жидкость попадала в ноздри, стекала с лица и подбородка на грудь и текла по шее. Киамит пытался вертеть головой и уворачиваться, кривился, сопел и отплёвывался, но надолго увернуться от струи в лицо ему не удавалось.

– После высказывания следующей глупости заставлю жрать ваше собственное дерьмо. – спокойно предупредил человек.

– Мит, заткнись уже! Сделай мне одолжение. – неожиданно обратился к Киамиту Шенвех. – Шутки кончились и под лопаткой болит.

– Вот видите, вы уже начали договариваться. – подметил человек радостным голосом. – Ещё немного и вы подружитесь.

– Никогда! – получилось у них произнести почти хором.

Человек стянул штаны с Киамита и схватив Шенвеха за голову прижал его лицом прямо носом в щель между половинками.

– Вот это – вечно грязный, неделями не мытый и смердящий зад нищего! Это место, в глубине которого вы оба сейчас находитесь! И я заставлю вас из этого места вылезти потому, что мне так надо, потому, что я так решил, потому, что я так захотел! И если я прикажу вам друг с другом дружить – вы будете друг с другом дружить. И если я скажу вам друг у друга члены сосать – вы будете друг у друга члены сосать. Прикажу вам друг у друга щели в задницах лизать – будете лизать. И мнение ваше можете оба засунуть себе или друг другу в зад!

Человек отпустил Шенвеха и тот завалился на бок отплёвываясь.

– Мит, мылся бы ты хоть иногда! Хотя бы местами! Смердишь как мертвец! – Шенвех кривился и строил рожи, пытаясь не чувствовать отвратительный запах своего лица. – И дерьмом воняешь!

– Себя обнюхай! – огрызнулся Киамит.

– Как мило! Друг другу попочки помойте! С мылом! Потом, когда из этого дерьма вылезете. Вы ничего не забыли, почему вы здесь?

– Невозможно погасить ненависть, которая стала смыслом жизни. Если ты хочешь нас помирить, то применяешь для этого весьма странные способы. – заметил Шенвех поглядывая на Киамита.

– Цель иногда важнее способа её достижения! И если бы не ваши безграничные глупость и тупость, то всего этого вообще не было бы.

– Это не я начал первым, а Шенвех! – только это и успел сказать Киамит, когда человек ударил его носком ноги прямо в живот.

– Во всех своих бедах в первую очередь надо винить себя! Только себя! Поняли? Другим говорить можно что угодно, а себе – правду и только правду! Каждый из вас лично виноват в первую очередь, а другой – только во вторую. Когда вы это поймёте – всё изменится.

– Он хотел меня убить! Я ему этого не прошу! – начал упираться Шенвех уже ожидая удара куда-нибудь в чувствительное место.

– Лучше умереть, чем уступить! – присоединился к нему Киамит.

– Злопамятность – удел избранных. А вы не избранные – вы ни то, ни сё. Вы даже друга убить не смогли! Только собирались.

– Да я бы его убил, если бы ты не влез! – очухался Киамит.

– Когда ты хочешь кого-то убить, то ты идёшь и убиваешь, а не хочешь сначала схватить, всё сказать, а только потом убить.

– А чего же я тогда хотел? – уже недоумевал Киамит.

– Тебе виднее. Твои желания – тебе и распутывать.

– У меня нет никаких других желаний – у меня не такая хорошая жизнь, чтобы хотеть чего-то, кроме как поест и то не досыта.

– Если жизнь вообще не задалась, то это значит, что её пора заканчивать. Ты это хотел сказать? А попутно, по-возможности, прихватить всех своих врагов, чтобы не так обидно было? Мысли о самоубийстве появляются у всех, просто некоторые слабовольные оказываются не в состоянии с ними справиться. Вроде вас, например.

– Это Нижний Город! Здесь трудно даже год прожить без приключений. Тебе этого не понять, если ты сам тут ищешь приключения.

– Я не ищу приключений – они меня сами находят. – на лице человека отразились раздосадованность и раздражение.

– То-то я и вижу, как они тебя нашли. Если ты сам...

Договорить Киамит не успел. В глубине улицы проступили очертания идущего к ним высокого человека в просторной одежде. Все трое уставились на идущего к ним уверенным шагом и внезапно только что pinaвший их ногами незнакомец в капюшоне бросился развязывать и освобождать им руки. Не дожидаясь долгих объяснений Шенвех и Киамит в четыре руки принялись помогать ему развязать свои ноги.

– Бегите, скройтесь как можно дальше и держитесь вместе. Я сам вас потом найду, когда всё закончится. – тихо прошептал он им и уверенно двинулся навстречу приближавшемуся к ним неизвестному.

Едва ли не держась за руки Шенвех и Киамит побежали по улицам прочь, сворачивая как можно чаще и выбирая направления, где улицы были поуже, покривее и потемнее. Человек высокого роста в просторной одежде подошёл к человеку в капюшоне, внимательно рассмотрел его с ног до головы сверху вниз и удовлетворившись осмотром с издевательской ухмылкой произнёс как будто заранее зная ответ:

– Так вот чем занимается королевский посланник вместо поисков новой жены для своего короля. Удивительно, не так ли?

* * *

Часть путешествия Цункаима морем подходила к завершению и на горизонте уже виднелись горы Никаона. Да, долг был путь от родной Тацхи до столицы Империи. Долгим и печальным. Так всегда бывает, когда люди упрямые не слушают людей умных.

Сколько раз он предлагал пройти весь путь морем, по пути заходя в порты? А сколько раз он говорил, что не надо ехать через Сминоквац? А сколько раз он предупреждал, что измену не только никогда нельзя исключить, но и надо заранее исходить из её совершения, как заодно и предательство? Почему в свои шестнадцать с половиной лет он знает больше, чем другие в сорок? И не только знает, но и понимает! И при этом ничего никому не может объяснить. Бред какой-то!

Неужели нельзя было пройти сначала через пролив, а потом уже берегом по Выктугу, Гиунватему, Джитвогу? А там через море уже недалеко и берег Нысемказы. Так нет же! Надо было додуматься до мысли проскочить через Сминоквац! Да, верно, весь остальной путь прошёл по самым процветающим Чабвопалу и Елмаденвиналу, но даже малюсенький кусочек пути по Сминоквацу, одному из самых неблагополучных из всех королевств, не шёл ни в какое

сравнение с даже длинным переходом по неблагополучному Выктугу и вполне приемлемым Джитвогу и Гиунватему. Итог печален – двое лучших его друзей погибли.

Несколько лет назад к Цункаиму приставили новую личную охрану из двух человек. Глубоко продуманным решением короля было назначить охранниками людей лет на пять старше его самого, как и принято было делать с королевскими детьми старшего возраста. Подростки не доверяют взрослым и стремятся от них всё скрывать, а почти с ровесниками они легко находят общий язык и образец для подражания.

В итоге Цункаим не стремился сбежать от своей охраны во все тяжкие, а охрана следила в основном за безопасностью и чтобы принц не натворил серьёзных дел. Впрочем, охрана сопровождала Цункаима не везде и всюду, а только в городе и прочих людных местах, а во дворце и так хватало стражи на каждом шагу и за каждым углом. И такое распоряжение короля было правильным потому, что не только за чтением умных книжек и занятиями с учителями проводил время юный принц.

Каждый день он посещал особые занятия в условленных местах за пределами дворца, куда должен был приходить совершенно тайно для всех и для своей охраны в том числе. Учителя часто менялись и новые уроки не были похожи на предыдущие. Часто само посещение урока в какой-то мере уже было уроком. Для сведения почти всех придворных юный принц ходил на дополнительные уроки рисования, истории, музыки, танцев и ещё чего-то подобного. На самом деле он учился тайно менять внешность, быстро переодеваться, менять поведение, походку, осанку, голос. Он изучал и учился из подручных средств готовить яды и противоядия, передавать известные болезни и не заражаться самому. Запоминал уязвимые места людей и животных и чем их надо и как поражать. Овладевал множеством видов оружия для скрытого ношения. Учился бесшумному передвижению и скрытому проникновению. Второй сын короля Тацхи незаметно учился на тайного убийцу.

Он прекрасно знал, что никто не должен знать о его втором, основном предназначении. Отец многократно говорил ему, что никто ни при каких обстоятельствах никогда не должен об этом его предназначении ни узнать, ни догадаться, даже его личная охрана. Когда он подрастёт, ему предстоит отправиться в далёкую и враждебную Империю, чтобы стать одним из многих заложников своего королевства, человеком для обеспечения мира между Империей и его королевством. И он должен обеспечить этот мир любой ценой, даже путём убийства любого, кто в Империи будет угрожать его королевству чем бы то ни было.

Эта жестокая необходимость любой ценой сохранить тайну и погубила его друзей, ту самую его личную охрану. Сначала он их немного стеснялся, но через некоторое время привык и подружился с ними. Он старался не влезать в неприятности, чтобы не подвести своих друзей. Он даже догадывался, что в этом и был великий замысел приставить к нему почти ровесников. Люди не будут рисковать тем, что им действительно дорого. Его папа, король Тацхи, как всегда оказался прав.

Для всех они путешествовали как приятели по своим делам и на ту проклятую ночь остановились в какой-то помойной ночлежке с одной комнатой. По меркам Сминокваца такая ночёвка могла считаться чуть ли не роскошной. И как раз той же ночью на них напали то ли восемь, то ли девять наёмников. Даже десять самых лучших наёмников ночью не смогли бы справиться даже с ним одним, но раскрывать себя было нельзя и единственное, на что он смог решиться, это вовремя всех разбудить, как бы случайно споткнувшись за ноги. В это время запертую изнутри дверь уже начали взламывать и ребята схватились за оружие.

Он предлагал им свою помощь, но долг был выше и они отправили его бежать через окно. На улице он мог уже не скрывать свои умения и мгновенно исчез в полной темноте. Он слышал, как вылетела дверь, как зазвенела тетива на арбалетах и как следом раздался звон оружия. Бой был ожесточённый и, скорее всего, за дверь, чтобы нападавшие не ворвались все сразу и не задавили обороняющихся числом.

Цункаим даже и не думал убежать! Да и куда? Он обошёл ночлежку сзади и по кругу двинулся в сторону входа. Под окном уже поджидали двое и не было сомнений, кого. Когда кого-то поджидаешь тёмной ночью, надо смотреть в обе стороны! Два стилета вонзились почти одновременно: один в правый глаз наёмника слева, другой – в левый глаз наёмника справа. На землю со звоном доспехов рухнули два тела. Бой внутри ночлежки ещё продолжался. У входа стояли ещё двое или трое наёмников, не заходивших в тесную ночлежку чтобы и приглядывать снаружи и не создавать лишней толчеи внутри. Цункаим заметил у одного из них среднего уровня арбалет. Уже хоть что-то стреляющее!

Он снял с одного из убитых шлем и бросил из-за угла на землю так, чтобы наёмники слышали звук его падения и заметили. Дурная тупая привычка нагибаться или смотреть вниз, а не по сторонам! Пришлось ещё протопать громче той лошади, чтобы его слышали. Подоспевший к выкатившемуся шлему бросился за Цункаимом, остальные должны были побежать следом за первым. Тупые наёмники!

Бегать в доспехах и тяжело и медленно, а ночью они ещё и гремят! И повернувший за угол наёмник налетел глазом на кинжал. Сколько и как надо придуркам объяснять, что глаза это самое уязвимое место на черепе человека? Следом за первым бежали ещё двое – умные мозги наёмникам не дают, видимо, природа так распорядилась.

Какой ум надо было иметь, чтобы гоняться ночью в доспехах за человеком без доспехов? Да ещё и без факела! Да ещё и с тяжёлым арбалетом в руках! Двое следующих наёмников легли один за другим чуть ли не рядом с первым. Неужели непонятно, что если ты увидел одного лежащего убитого, то надо сразу насторожиться, а не бежать следом? С арбалетами наперевес он бросился к двери – внутри рубились ещё двое, один лежал на полу, а один присев целился в дверь из арбалета.

Арбалетчика он убил стрелой в затылок, а последние наёмники уже прорвались в комнату. Он заорал что есть силы и наёмники выбежали из комнаты, то ли не увидев его там, то ли на его крик. Он выстрелил первому прямо в лицо – стрела вошла в глаз возле переносицы и вышла возле затылка. Наёмник упал на спину, беспорядочно подёргивая конечностями. Оставшийся в живых последний наёмник от испуга попятился обратно в комнату. Цункаим бросился следом и услышал звон стали. Значит, внутри кто-то ещё жив! Он ещё может успеть!

Он прыгнул на стоявшего к нему спиной наёмника и ударив под колени опрокинул на спину. Оба его друга были ещё живы, но по всему было видно, что жить им с такими ранами оставалось недолго. Он чем под руку попало наскоро связал наёмника и бросился помогать своим изумлённым друзьям, которые от большой потери крови уже не могли даже удивляться и готовы были потерять сознание. Цункаим смотрел на них и плакал. Ну почему он успел так поздно?!

– Как ты смог справиться... Их же целая толпа... Там, внизу... – силы покидали говорившего, но удивление было сильнее.

– Они все мертвы! Кроме одного, вот этого. Я их всех перебил. – Цункаим уже не скрывал ничего – не было смысла.

– Как ты смог... один... в шестнадцать... почти без оружия...

– Я не такой, как вы оба думали, я – один из лучших убийц королевства, я из ночных теней! – нарушая королевский приказ он уже не скрывал правду, пусть и государственную тайну, от своих умирающих друзей, которые уже никому её не расскажут.

Он сел на залитый кровью грязный пол и обнял уже с трудом от потери сил и крови сидевших друзей. У одного из них арбалетная стрела торчала в животе, у другого воткнулась в бок, руки были порублены, у одного была порезана ещё и шея, но не глубоко. Это было ужасно! Он сидел между ними и плакал от своего бессилия что-либо исправить.

– А почему ты нам ничего не сказал? Мы бы тогда их всех...

– Нельзя! Это государственная тайна! Это приказ короля! Никто в Империи не должен знать, что в заложники отправлен тайный убийца.

– Понятно... Жалко... Дальше тебе придётся уже самому...

Они все трое сидели на полу обнявшись и он гладил их по окровавленным рукам, которые уже начинали холодеть. Один его друг, слева, дёрнулся и затих, упав на спину, другой повернулся и лёг рядом. Они смотрели друг на друга молча ещё больше часа. Потом умер и второй друг и Цункаим остался в комнате один со связанным наёмником.

Он чувствовал нестерпимое желание убить этого проклятого наёмника самым жестоким из всех ему известных способов, но пересилил себя – убить надо было не только исполнителей, но и заказчиков. Он открыл свою сумку и вытащил из неё всякую дорожную мелочь, перевернул её и вывернул наизнанку, добравшись до спрятанного под вторым дном кармана, из которого начал вынимать одно за другим разнообразные небольшие, но страшные на вид пыточные приспособления. Лежащий на полу наёмник заметив это задёргался и попытался развязаться. Уже никуда не торопясь Цункаим закончил короткие приготовления и присел перед наёмником, нависнув над ним.

– Сейчас ты расскажешь мне, кто и зачем вас нанял. – глядя тому в глаза и медленно наклоняя голову из стороны в сторону спросил он.

– Не узнаешь! В правду ты всё равно неверишь!

– Поверь, иголки под ногтями – это больно, а иголки в яичках – это невыносимо. Не трать моё время и я убью тебя сразу!

Наёмник посмотрел на иглы и прочие пыточные приспособления в руках Цункаима. Взгляд юноши был злобным до предела, несмотря на заплаканные глаза и мокрые дорожки от слёз на щеках.

– Это приказ императора, чтобы все думали, что тебя похитили на полдороги чтобы развязать войну. Ты – самый подходящий.

– Ложь! Хотя я по лицу твоему и вижу, что ты говоришь правду. Я в последний раз тебя спрашиваю. Кто вас нанял? Кто нас предал?

– Твой король! Это было твоё испытание на зрелость!

– Врёшь! Я это и вижу и слышу. Видимо, разговор у нас будет интересный и долгий, пока ты не подохнешь. Времени, жаль, мало.

Его опасения не оправдались – на громкие вопли допрашиваемого с пристрастием наёмника никто не пришёл, даже хозяин злополучной ночлежки. Вопрос, где хозяин, был уже не важен и если хозяин до сих пор не пришёл, значит, скорее всего, просто сбежал подальше, если не вообще насовсем. Цункаим вонзал стальные иглы и сжимал щипцами самые чувствительные точки на удивительно живучем теле наёмника и ночлежка оглашалась дикими воплями. Он придушивал его и отпускал полузадушенного почти до потери сознания подышать, отбивал и выстукивал мелкую барабанную дробь на голове и ближе к утру наёмник был больше похож на образец для обучения палачей искусству истязания, чем на живого человека, но, тем не менее, был ещё жив.

– Кто вас нанял? – в ответ было только нечленораздельное мычание и больше ничего – кусок мяса уже не мог даже говорить.

Цункаим собрал вещи, обыскал ночлежку на предмет оставленных ценностей и денег, прихватил оружие и доспехи своих убитых друзей, собрал вещи убитых наёмников и погрузил на нескольких обнаруженных неподалёку лошадей, принадлежавших раньше наёмникам. Получился небольшой караван, который оказался бы ещё больше, если бы половина лошадей наёмников не разбежались неизвестно куда. Он походил по двору ночлежки, отыскал немного соломы, раскидал поверх неё дрова и поджёг ненавистную ночлежку со всех сторон. Погребальный костёр для его погибших друзей получился на славу. Цункаим немного полюбовался

на впечатляющее зрелище полыхающей ночлежки и поехал прочь. Впереди его ждала великая Империя.

* * *

Практика использовать заложников для обеспечения мира была излюбленной в имперской политике. И чем больше государство отправляло заложников, тем выше оценивалась его преданность. Само собой разумеется, что в заложники полагалось отдавать не абы кого, а самых лучших, чтобы резко сократить желание устраивать внезапное нападение, а потом получать своих родственников по частям или рассказы о том, как их искусно истязали месяцами на площади.

В заложники государствами отправлялись люди молодого возраста из наиболее приближённых к власти кругов: дети королей, царей, князей и даже вождей племён, пока те ещё существовали. Принимались и дети наиболее богатых и влиятельных в своих государствах людей. Не вызывало сомнений, что при таком дальновидном и продуманном подходе к обеспечению собственной безопасности от внешних нападений у всех остальных, особенно соседних государств, а точнее у их правительств, резко снижалось желание повоевать против Империи, в которой находилось множество хорошо знающих много тайн своей страны людей и к тому же ещё и своих близких родственников, которые точно не простят своим же родным семьям тех бед и несчастий, которые их постигнут в случае начала войны их страны с Империей.

Почти всегда заложниками становились мужчины: женщины очень любили не к месту беременеть и дохнуть или заводить себе любовников из числа влиятельных людей в Империи. В получившейся каше из непонятно чьих наследников разобраться в случае войны было до того сложно и хлопотно, что проще было в имперские заложники женщин просто не брать. К тому же чаще всего женщин отправляли подальше замуж и толку от них в межгосударственных браках было больше.

Тем не менее, трудности были и при таком продуманном и мудром подходе. В первую очередь заложников могли убить подосланные для этого их же соотечественники, а потом объявить о грубом нарушении договора и начать войну с Империей уже на законном основании. Второй опасностью становилось убийство заложников по дороге к месту назначения третьими заинтересованными уже в столкновении её соседей с Империей сторонами, благо мёртвые много не говорят. Третью и далеко не последнюю опасность представляла возможность опять же убийства заложников, но уже не их соотечественниками, а всё теми же третьими сторонами, чтобы всё свалить как раз на соотечественников, но уже после прибытия заложников на место назначения. Четвёртая и тоже не самая малая опасность получить войну вместо мира исходила уже от неотъемлемой возможности самих заложников нехотая покончить с собой или напасть на кого не надо в самой Империи, доблестно погибнуть и достичь того же самого. В целом, всё было сложно.

Положение осложнялось и тем, что заложники это не узники – на цепь не посадишь, руки-ноги не переломаешь и не отрубишь, глаза не выколешь, сухожилия не перережешь, в железной клетке пожизненно не заперёшь. Наоборот! Заложникам полагалась полная свобода и даже оружие, как государственным послам, включая почти полную свободу перемещения в пределах Империи с некоторыми ограничениями.

К тому же, заложники могли запросто оказаться лазутчиками, которые могли вести разведку и отсылать все полученные сведения своим соотечественникам. И что с этим делать? В общем, с заложниками всё было совсем не просто. И поэтому доставка почти каждого заложника превращалась в целое проходившее в строжайшей тайне мероприятие особой важности с непредсказуемым исходом.

Сама перевозка заложников тоже была делом рискованным и полк охраны отправлять в сопровождение было совершенно бессмысленно потому, что был бы он своими размерами слишком заметен и привлёк бы к себе внимание всех вредителей и пакостников. Одного, в пол-

ном одиночестве, заложника тоже нельзя отправлять по вполне понятным причинам: он или сбежит, или его случайно могут убить. Достаточно надёжным считался способ доставки заложника с маленьким отрядом наёмников с принимающей стороны под видом кого-то третьего. Но и наёмники, даже собственные, по вполне понятным причинам не пользовались доверием хотя бы потому, что даже за малые деньги могли не задумываясь сделать любую подлость. Всегда найдутся люди, которые заплатят и всегда найдутся люди, которые заплатят больше.

По той же самой причине довести до столицы Империи заложника не могла и его собственная охрана – он легко мог её подкупить или, в крайнем случае, обмануть. И с кого тогда спрашивать? И как тогда вообще проверить, был ли отправлен заложник? А приставлять к имперскому заложнику смешанную охрану, из его страны и войск Империи, тоже не выход – всегда найдётся третья сторона, чтобы сначала всех убить, а потом всех стравить, благо тогда будет на кого сваливать.

Так и в этот раз Утием отправил в Никаон, в столицу Империи очередного заложника для укрепления межгосударственных отношений с Империей. Сама Империя в ответ никого не отправляла, но желающих с этим поспорить не находилось. И как и всегда для сохранения такой важной тайны аж государственного значения обе стороны приняли все меры безопасности, как обязательные, так и запасные.

Когда Чимвогу предложили за хорошие деньги сопроводить заложника до столицы Империи, то его это не столько обрадовало, сколько разозлило. И разозлило неспроста! Худшей работы для наёмника, чем сопровождение заложников, придумать сложно. Даже большие деньги с трудом окупали многочисленные почти всегда сопутствующие этому мероприятию хлопоты. Чимвог с ненавистью посмотрел на стоящего рядом заложника, милого юношу со светлыми волосами и загорелым детским лицом, которое с лёгкостью могло бы вызвать зависть даже у привлекательной женщины. Влипнуть с таким – никаких сомнений.

Нежелание обременять себя такой хлопотной обузой перевесило у никаонского наёмника даже неутолимую, как и у всех других наёмников, жаду денег. Он ещё несколько раз придирчиво осмотрел юношу с ног до головы и недовольно фыркнул сопровождающему того:

– Ещё одна баба с яйцами мне на голову! Где вас только таких находят? – рассвирепел Чимвог окончательно, не перенося тяжёлого и мучительного выбора между личным спокойствием и деньгами.

– Нас не находят, мы сами кого хочешь найдём. – вместо самого заложника указал Чимвогу на серьёзность проводимого мероприятия сопровождающий заложника утиемский охранник.

– Вот когда вас найдёт орден... – предпринял Чимвог последнюю попытку отбиться от навязываемой ему хлопотной работы.

– Орден всё знает и мешать не будет. Пора тебе приступить к делу, а Орден Замкнутого Пути поможет, если что пойдёт не так.

Обещание ордена помочь «в случае чего» полностью отбило всякое желание препираться. Ну что может случиться, если орден взял дело в свои руки? Только чья-та безумная выходка в дороге и всем подлинно известно чья. Но это был уже не вопрос верности сопровождающих, а вменяемости сопровождаемого. Чимвог хорошо помнил, какие бывали во время сопровождения настолько дикие случаи, что волосы шевелились потом на голове, и не только на голове, у всех выживших.

Чимвог осмотрел заложника с ног до головы: круглые щёчки, розовые губки, широкий лобик, изящный носик и кругленький пухлый зад с широкими крепкими ляжками. Ну точно баба! И как его представить кем-то, кроме маменькиного сынка или дяденькиного племянника из дворянского семейства. Нажить себе неприятности в дальней дороге с таким изнеженным попутчиком легче лёгкого – никаких сомнений.

– А у него щель с дырой или яйцами? А то вы мне, может быть, с неизвестно какой целью бабу вместо мужика подсовываете, а потом и скажете, что не то привёз и денег не получишь. Как вам такое?

– Сними штаны. – обратился к юноше сопровождающий.

Парень спустил штаны и остался стоять с голым задом и передом.

– Обрати своё внимание, вот этот, в самом низу живота, отросток называется у мужчин половым членом, а чуть пониже мешочек между ногами называется мошонкой, в ней у него, как и у всех мужчин, находятся два продолговатых яичка, настоящих, а не золотых. Он может их тебе дать потрогать, если ты всё ещё сомневаешься. Дакам, нагнись и раздвинь половинки. – обратился он уже к заложнику. – А вот это у него в щели между половинками отверстие заднего прохода. Он у него до сих пор ещё девственный и таким и должен оставаться, пока ты не доставишь его в столицу Империи, где лично передашь императору. А то получали мы иногда сведения, что по дороге к месту их назначения некоторых наших, и не только наших, заложников изнашивали в зад сопровождающие их наёмники. – закончил издевательство утиемец.

– Да нужен мне зад его как быку лопата! Больше изнашивать по дороге, как будто, некого. Потаскухи на дороге встречаются чаще, чем деревья на обочине, только сопротивляются они как-то вяло.

– Вот и будешь насиловать потаскух или деревья. Это я тебе так, в качестве дружеского напоминания говорю. Вопросы есть?

Вопросов больше не оказалось и утиемский заложник перешёл под новую сопровождающую охрану. Чимвог осмотрел ещё не надевшего штаны юношу со всех сторон, фыркнул и занялся придумыванием его прикрытия во время путешествия. Не ударяясь в глубокие раздумья и не строя далеко идущих догадок он остановился на самом первом.

Два никаонских наёмника везли теперь утиемского заложника под видом сопровождения торговца для заключения важной сделки. Само собой разумеется, что на заключение сделки люди приходят не с деньгами, золотом или товаром, а с бумагами, поэтому ничего ценного никто не везёт. Вся ответственность за доставку государственной важности заложника в целости и сохранности лежала теперь на двух головорезах небольшого ума, зато крепкого телосложения.

Путешествие пришлось вести по суше вопреки предпочтительному переходу по морю потому, что с попутным ветром не сложилось, а попасть в бурю и пойти на дно ни в чьи в намерения не входило. К тому же по суше часто получалось даже быстрее, чем при встречном ветре по морю. Зато на суше опасностей было в разы больше и грязи тоже.

Вообще, отправь Утием своего заложника в столицу Империи не по суше, а морем, то никакие другие сопровождающие не понадобились бы. Зачем потребовалось устраивать спешку и стремиться приехать в столицу на месяц раньше, чтобы успеть непонятно к чему, но вовремя, для Чимвога было загадкой. Но задумываться над загадками было не в обычае никаонских наёмников и он просто выполнял свою работу.

Ехать приходилось не по прямой, а, что называется, в обход. Всякая дорога петляла и короче от этого не становилась. Первую часть своего пути они проделали не в сторону столицы Империи, а почти поперёк. Только после поворота побережья удалось выйти на относительно для них прямой путь. Относительно потому, что в конце этого пути был не нужный им город, а пролив, через который надо было всем троим ещё переплыть, не потонуть и только потом оказаться у цели.

Путешествовать по морю, конечно, приятнее, чем по суше, хотя бы потому, что нет ни пыли, ни грязи, ни мух, ни слепней, ни комаров, ни прочей кусающей дряни, включая блох и клопов на постоянных дворах и придорожных ночлежках. Правда, во время слишком долгого пребывания в море была весьма вероятная возможность попасть в бурю или налететь на под-

водные камни и утонуть, но после месяца кормления с пристрастием всех видов кровососущих насекомых и глотания пыли в ежедневных переходах она уже не казалась такой пугающей.

* * *

Тинтаос, король Елмаденвинала, в полдень стоял на балконе своего дворца и смотрел на совместные упражнения в боевых искусствах во дворе своего старшего сына Дэанева с давно уже ставшим привычным взору короля и всех придворных Хоншедом. За неполный прошедший год после их возвращения из того путешествия Дэанев немного вырос и стал поувесистей, но тоже подростку и ставшему немного шире в плечах своему другу Хоншеду всё равно уступал и часто бывал им бит нещадно. Ничего, завтра день занятий уже у Хоншеда с его учителями и тогда всё будет совершенно наоборот: до посинения избивать будут уже самого Хоншеда. К чести этого Хоншеда надо сказать, что учился он изо всех сил и даже падая от усталости, избитый до полусмерти всё равно упорно вставал и продолжал сражаться, пока уже окончательно обессиленный не падал на землю, больше не в силах подняться.

Рядом толпились несколько приятелей Дэанева, те самые, которых он сам нашёл в своём путешествии год назад. Всем волей короля был дарован низший дворянский титул и все они очень им гордились. Ход был донельзя удачный – без него и Дэанева это дворянство не стоило почти ничего и так же легко и отбиралось, как давалось – было ради чего надрываться и смотреть за первым наследником в оба. Это вам не вечно бездельничающие королевские службы, которые если и можно в кои-то веки было заставить работать, то разве что под страхом жутких кар и направляя созидательной силой дубины королевского гнева.

Тинтаос размышлял о ближайшем и не очень далёком будущем. Наступают совсем, совсем непростые времена и к ним нужно подготовиться как надо. Нужно быть сильными, слабых обижают. А это значит, что надо устранить все слабые места в королевстве, какие только найдутся и как можно быстрее. Он вспомнил всех остальных своих детей. Надо найти новую жену помоложе и покрепче и завести ещё пять или, лучше, восемь детей, пока с Дэаневом не случилось чего не надо. Два раза чудо может и не повториться. Чудеса обычно не повторяются.

При воспоминании об остальных своих детях короля передёрнуло. Это же надо, чтобы из пятерых детей получился годным только один! А остальных куда ему девать? Это же не крестьянские дети – в речке или бочке не утопишь. Воспитание должно быть настолько жестоким, чтобы его переживали не все! И никакого нытья! Как бы ни хотелось.

Он вспомнил, как воспитывал или хотя бы пытался воспитывать по своим представлениям о воспитании наследников своих первых детей и попытался представить, сколько при этом наделал ошибок и сколько допустил упущений. Последним детям с воспитанием повезло гораздо больше, зато природа обделила их намного сильнее. Власть и положение иногда оказываются совершенно бесполезными, когда нужно просто взять и понятно объяснить или суметь по-хорошему договориться, а не жёстко требовать или строго приказывать. Управление только силой или строгими запретами ещё никогда никого ни до чего хорошего не довели. Строгость часто порождает ненависть.

Но всё это не касалось его детей – они выросли такими не потому, что их плохо или невнимательно воспитывали, а потому, что на них не действовало вообще никакое воспитание, никакими средствами, даже самыми действенными, которые ни разу не подействовали ни на кого, за исключением его любимого Дэанева, который и был первым ребёнком, и получился лучше всех остальных детей, вместе взятых. Теперь всё благополучие королевства держалось всего на двух людях: на нем и его старшем сыне, а остальные дети были ни на что не годны. Разве что, средний сын ещё сможет взяться за ум, если выпустит из рук очередную грудастую и задастую девку. Самое любопытное, что ни одна из них ещё ничем его ни разу не заразила и это при том, что у него их были десятки, если не сотни. Заговорённый он что ли?

Теперь для того, чтобы сделать то, что в любом королевстве любой крестьянин или горожанин может сделать за один день и без больших усилий, ему предстоит совершить подвиг и с большим трудом и ужасными мучениями найти себе новую жену. При этом надо постараться, чтобы следующая жена не оказалась хуже первой и не начала ему ни с того, ни с сего рожать одного уродца за другим всю оставшуюся жизнь. Впрочем, это уже мало чем испортит нынешнее положение, за исключением того что хороших наследников не прибавится. И это ещё одна проблема, причём большая, как будто и без неё мало других проблем у него и в его королевстве. Хотя... Проблемы никогда не заканчиваются. Просто между проблемами бывает иногда перерыв.

Дэанев уже выбился из сил и заканчивал занятия. Через некоторое время он уже отмытый и переодетый стоял рядом с отцом, а следом за ним подошёл и вечно чем-то недовольный Хоншед. В сборе были уже почти все, кроме Шинхара и ещё нескольких участников совета.

Ещё немного промурыжив собравшихся появился и сам Шинхар со всеми оставшимися членами совета. Теперь, когда все в сборе, можно было заняться и вопросами женитьбы, которая стала уже совершенно необходимой. Но если бы всё было так просто, как взять и напрямую предложить главам всем известных государств, заключить брак с кем-нибудь из их многочисленных детей или родственников ради укрепления межгосударственных отношений, то весь вопрос его женитьбы не стоил бы и потраченной на переписку бумаги.

На самом деле всё было гораздо хуже: Объединенные Королевства и так были в каком-то смысле как одно единое королевство и в них искать себе жену для укрепления межгосударственных отношений было настолько же бессмысленно, как, например, пытаться заключить мир с любым из своих советников. А, значит, жениться надо на ком-то не из Объединённых Королевств, то есть или на ком-то из многочисленных Независимых Государств, или того хуже – из Империи.

При упоминании печально известной Империи короля передёрнуло и перекосило. Конечно, почти все женщины – дуры, но выбирать или дуру не из Империи, или подлую, хитрую, жестокую, злопамятную и всегда готовую предать подлюку из Империи – выбор не из лёгких. А выбирать было надо и, скорее всего, именно в пользу Империи. Опять Империя! Будь прокляты свадьбы! Да здравствуют похороны!

Итак, Независимые Государства могли в худшем случае подсунуть ему, разве что, дуру. Если поубивать всех дур, то женского населения почти не останется! Но заключив брак с женщиной из одного из Независимых Государств можно улучшить или хотя бы закрепить хорошие отношения только с этим государством, а не с другими. Да, теперь ему остаётся только Империя, но и она состоит из множества царств, которые управляются одним императором. Жениться на сестре или дочери аж самого императора, конечно, лучше всего, но шансы такой крупной удачи невелики. Впрочем, для начала сойдёт и такая попытка.

В таких раздумьях они расселись на совещании. В отличие от прочих многих похожих совещаний это начиналось тихо и почти молча. У дальнего угла стола сидел угрюмый Хоншед и мрачно переводил свой взгляд между королём и Шинхаром, которого недолюбливал, даже сам толком не зная за что, видимо за хитрость и коварство. Не дожидаясь, пока все соберутся с мыслями король начал первым.

– У меня из пяти своих, как я надеюсь, детей есть полтора наследника, включая тебя, Нэв. И это всё, что у меня есть. В прошлый раз ты чудом уцелел, и то благодаря Хоншеду, но второй раз чуда может и не произойти. Мои обязанности перед государством обязывают меня жениться второй раз и попытаться завести ещё несколько пригодных для управления государством наследников, таких, например, как ты.

– Я не против. – начал было Нэв.

– Твоё мнение в этом вопросе ничего не значит. И не вздумай мне тут обижаться или устраивать представления с разбиванием головы об стол, как ты делал в раннем детстве.

По соображениям безопасности я не могу никому доверять и никто из вас, здесь собравшихся, не узнает, на ком я остановлю свой выбор. Но Шинхар начнёт разведку сразу во всех Независимых Государствах и в царствах Империи тоже. Сейчас у меня слишком открытое положение и мне нужно, чтобы враги под видом новой жены не подсунили мне новую проблему государственного значения – падла всегда найдётся. Надо помнить об этом!

Совещание продолжилось ещё какое-то недолгое время, пока Шинхар и его подчинённые получали нужные указания. После завершения совещания король подозвал Дзанева с Хоншедом и отправился с ними обсудить своё решение жениться во второй раз.

– С играми покончено. – начал он, когда они отошли на достаточное расстояние и уже никто не мог их подслушать. – А теперь мы обсудим самое главное и самое важное. Моя новая жена может стать нашим самым настоящим бедствием, причём даже не идущим ни в какое сравнение с тобой, Хоншед, пока ты ещё разбойничал и творил всякие непотребства по всем королевствам. Тебе, Дзанев, грозит вообще, при неблагоприятном исходе, быть убитым, причём не одному, а вместе со всеми твоими друзьями, включая Хоншеда и не считая родственников. Вы понимаете серьёзность положения или мне надо что-то пояснить?

Дзанев и Хоншед молчали глядя на короля, который продолжал.

– Ты, Нэв, остаёшься дома и будешь у всех на виду продолжать со своими друзьями заниматься тем, чем занимался и раньше. Ты, Шод, отправляешься в столицу Империи с моим личным поручением. Я хорошо знаю, что ты сделаешь всё возможное ради Нэва, а в остальных своих подданных я совершенно не уверен. Постарайся меня не подвести – мы оба слишком хорошо знаем последствия провала. Для всех остальных я объявлю, а Нэв при случае подтвердит, что ты отправился в Империю помогать вести там разведку Шинхару.

Ты будешь находиться в совсем не дружественной Империи, среди совсем не дружественных людей и по моим указаниям будешь следить и присматривать за человеком Шинхара. На самом же деле ты будешь сам вести всю разведку и действовать по обстоятельствам на своё собственное усмотрение. Я сам достоверно знаю, что в Империи творятся очень странные и страшные вещи. Выясни всё, что сможешь и сделай всё, что сумеешь. Договоритесь все между собой обо всём остальном сами. Нэв, ты помнишь, что может случиться, если Шод не справится, и своего друга ты можешь больше никогда не увидеть, если он вообще останется жив. Но другого выбора у нас нет.

– Я всё понял. – серьёзно ответил Дзанев. – Я всё сделаю.

Дальше они шли уже почти молча, обсуждая только самые важные вопросы предстоящего далёкого и опасного путешествия Хоншеда по самым глубинам Империи. Чтобы ничего случайно не забыть, решили собраться втроём ещё раз. Правда, самого Хоншеда предстоящее через несколько дней на другой конец света путешествие не очень-то волновало – он уже предвкушал удовольствие от новых впечатлений от ни разу им не виданных мест и предстоящих ему там великих подвигах и свершениях. Дзанев, наоборот, был угрюм и серьёзен. Он рылся в глубинах своей памяти, чтобы не упустить ничего важного.

Дзанев замечательно помнил своё недавнее детство. Он достаточно хорошо помнил, как примерно два года назад, незадолго до встречи с Хоншедом, он верещал и катался по каменному полу дворца, а потом обнимал Эмвига, уже закатившего глаза и плевавшего кровью то ли от того, что разгрыз язык, то ли от того, что яд разъел ему рот.

Что сказал тогда его отец? «Проклятая детская привязанность! Мой сын привязывается к простой прислуге больше, чем к родным братьям и сёстрам! Будь проклят тот день, когда я взял этого пробовалящика!» И всё. Дзанев не забыл ничего. Кроме того, Эмвига, были и другие ребята, которые тоже погибли, но с Эмвигом он успел подружиться.

Дзанева всегда удивляло это странное правило пробовать все блюда перед едой кем-то посторонним. Ой, как трудно сейчас отравить кого-нибудь! Я прямо сейчас описаюсь от смеха! А чем только не травили! Даже перечислять устанешь! Все более-менее серьёзные отравители

в своей работе пользовались медленными и самыми медленными ядами с очень длительными сроками действия, от которых жертвы подыхали через месяцы, а то и через годы. Но не мгновенно!

Чтобы отравить кого-либо быстродействующим ядом, надо самому быть или смертником или дураком. С другой стороны – если так рассуждать и не пробовать, то убийца тоже решит, что никто не проверит и попробует отравить придворного. Сколько раз Дзанев ни думал над этим противоречием, столько не мог найти ответа. Для себя он решил, что если попытаться отравить всё же могут и так и так, то необходимо противодействовать отравителям всё равно, раз иначе непонятно.

Самое печальное было то, что несмотря на все принимаемые меры предосторожности, попытки отравить во дворце то одного, то другого придворного, а то и самого короля всё равно продолжались. А его еду давали попробовать в основном ровесникам, которых было в избытке, благо в столице не было недостатка в голодных подростках.

Как доходчиво ему объяснил однажды Шинхар, у подростков быстрее всего начинается отравление, поэтому и необходимые меры по лечению принять можно быстрее. К тому же, как рассказал Шинхар ему ещё, на всех пробовавших пищу ровесниках Дзанева можно было спокойно при необходимости опробовать и всевозможные, даже опасные, противоядия и лекарства, поэтому за каждым придворным, и за Дзаневом в том числе, а за королём тем более, был закреплён лично человек для проверки пищи непосредственно перед едой. И всего питья тоже! Правда, если злоумышленникам хоть кого-то и удавалось отравить, то спасти мало кого удавалось, разве что яд действовал настолько быстро и явно, что проверявший пищу успевал заметить признаки отравления ещё до того, как жертва успевала съесть отравленную пищу.

А вот с жертвами отравлений временами выходило печально. Большинство из них Дзанев просто не замечал потому, что не обращал никакого внимания на никчёмную прислугу. Но бывали, хоть и редко, но исключения, как и в тот раз. Эмвига приставили к нему пробовальщиком и в кои-то веки Дзанев увидел в прислуге не просто вещь, а нечто большее. И не просто увидел, а сам захотел с ним подружиться.

Эмвиг не просто прислуживал Дзаневу за столом, а при этом ещё и чисто искренне улыбался ему. Каждый раз пробуя еду или напитки он старался подольше задержать блюдо, ненадолго задумывался, а потом кивал принцу и говорил, что еда проверена и её можно есть. Это было мило. Как-то раз Дзанев спросил у него, что Эмвиг умеет ещё делать, кроме как съедать за него половину каждого блюда? Эмвиг шаловливо моргнул голубыми глазами, почесал за ухом короткие тёмные волосы, улыбнулся и заговорщически ответил: «Многое!».

Произошедшее было удивительно до предела. Даже неправильный ответ любому из высокопоставленных придворных мог обойтись прислуге в лучшем случае жестокой поркой, а при плохом раскладе, когда придворный был не в духе, мог вообще и жизни стоить. Прикасаться к придворным и даже к их одежде без разрешения прислуге тоже запрещалось под страхом уже совершенно жутких последствий. Некоторое исключение составляли только служебные обязанности с длительным касанием: одевать, мыть, поддерживать, носить на руках и прочее. Но Дзанев тогда не обиделся на своего слугу. Наоборот! Он приказал Эмвигу зайти к нему днём в надежде, что Эмвиг сможет его развлечь новыми играми или разговорами, а то все старые ужасно ему надоели.

Так оно и вышло – Эмвиг умел играть почти во все игры, которые нравились Дзаневу, даже неплохо умел читать, что для столицы было неудивительно, хотя иногда встречались и совершенно безграмотные люди его возраста. Некоторым играм Эмвиг даже сам научил Дзанева! Так прошёл год и внезапно всё закончилось в один миг.

В тот день они как всегда встретились за столом, Эмвиг как всегда отъел почти половину содержимого тарелки Дзанева, запил из чашки, улыбнулся и тут его лицо неожиданно свела судорога. Он схватился за живот, завыл не раскрывая рта и рухнул на пол. От ужаса Дзанев

вскочил из-за стола и с воплем бросился к своему новому другу, который с кровавой пеной у рта уже почти без сознания колотился на полу.

Дэанев уже плохо соображал и слышал только громовой рёв своего отца, выкриками отдававший приказы один за другим. По залу бежала многочисленная стража, Агхаб орал на своих подчинённых, а Шинхар сразу же куда-то исчез. Всё произошедшее не было новинкой – такое случалось иногда по несколько раз в год, но тогда погибали чужие, незнакомые, безразличные для него ребята, а в этот раз жестокая судьба ударила по его лучшему другу, да так сильно, что его уже было ничем и никак не спасти. Эмвиг в его руках дёрнулся несколько раз и затих.

Он ещё некоторое время сидел на полу и плакал в два ручья. Рядом стояла стража и слуги, столпились придворные, за спиной стоял отец и смотрел на ревающего сына. Потом Дэанева осторожно взяли за руки, отцепили от Эмвига, подняли с пола и отвели в его комнату. За спиной он услышал только недовольный голос отца, что сын ведёт себя с прислугой как с людьми своего же сословия, что недопустимо для принца и будущего короля. Дэаневу ещё никогда не было так больно в душе.

Это был не первый случай, когда его зачем-то пытались отравить и явно не последний, но в прошлый раз умер кто-то совершенно непримечательный – он даже не знал его имени. Тогда он даже не встал из-за стола, когда тело унесли, но есть в тот день уже никто не стал. Папа разорался на Шинхара с Агхабом и пообещал переполнить пыточные, если до ночи не найдут всех виновных. А на следующий день еду для него пробовал уже Эмвиг. И почему тогда он тупо не догадался попросить отца перевести Эмвига к нему в прислугу? О чем он тогда думал? Разве придворный пробовальщик пищи может жить вечно? Да он уже хорошо если несколько лет проживёт при такой работе!

Тогда он ещё не понимал, что хороших друзей надо беречь. Просто раньше погибали те, кого ему было не жалко. А простые люди... были ему безразличны, впрочем, как и сейчас – даже два года спустя в нём ничего не изменилось. Теми, кого нельзя использовать, можно просто пожертвовать. Где нет чести – там есть выгода. Так папа его учил относиться к неизбежным или возможным потерям. Королевство важнее отдельных людей. Законы превыше любых личных отношений. Учись прилежней. Не надо как лучше! надо как правильно! Старайся лучше. Делай хорошо, плохо само получится. Не ленись и не бездельничай – ты будущий король! Кто много отдыхает – мало выигрывает. Сделки это неотъемлемая составляющая управления королевством. Жизнь это бесконечная череда сделок разной степени крупности. Ко всему относиться надо как к обычной сделке, даже к приговорам. Нет, ему не доставляло никакого удовольствия смотреть на истязания и убийства, но и большого отвращения к происходящему или жалости он не испытывал. К тому, чего он не чувствовал, отношение у него было никакое.

С друзьями было то же самое – они то появлялись, то исчезали, но были ему не очень-то и нужны, разве что посплетничать о дворцовых новостях, которые он и так все знал наизусть. Да и было этих друзей у него много, невероятно много, просто не считано. Казначей как-то ему объяснил, что если бы золота было бы настолько же много, как песка, то и стоило бы оно как песок. Кстати, на этом основании превращать что-либо в золото было запрещено, в серебро тоже, хотя изобретение способа такого превращения позволялось. С друзьями получалось то же самое и во дворце имея сотни друзей, на самом деле он не имел ни одного настоящего друга, да и не очень-то в них и нуждался.

Перед самым отъездом Хоншеда в Империю они собрались ещё раз втроём. Но если Дэанев был скорее опечален отъездом лучшего друга, чем встревожен, то Хоншед был весел и мысленно готовился к новым опасным подвигам. Где-то в глубинах своего неунывающего сознания он уже представлял, как про него после возвращения напишут книгу и начнут воспевать его подвиги на всех углах. О разыгравшихся мечтах он тут же не замедлил рассказать всем собравшимся.

– Если я после этого подвига на благо королевства выживу – тут много «если» – про меня все придворные летописцы напишут целые сказания. Они будут записывать каждое моё слово, а я буду подробно всё увиденное, услышанное и пережитое им рассказывать. А через тысячи лет, когда меня уже давно не будет, люди найдут моё захоронение или просто книги с описанием всех моих подвигов и восхитятся.

– Ты такой ни разу не был единственным. – назидательно начал в ответ на самохвалство Хоншеда король, строго посмотрев на того. – в народных и прочих сказках и не такие упоминаются – все в тебя.

– А например? – нахально спросил Хоншед.

– Да бывали там разные, сам найдёшь, если захочешь. Например, в очень далёкие времена был похожий на тебя лучник или арбалетчик, умевший не только стрелять на огромное расстояние, но и попадать в очень маленькую цель, не больше монеты, а пробивали его выстрелы даже толстую стальную броню из особо прочной стали.

– И стрелы у него были из обеднённого урана? Мэлисюнья какая-то, про которую сейчас только и пишут. И броня у неё непробиваемая, и мечи у неё всё что угодно разрубающие, и лук у неё никогда не промахивающийся, и стрелы из обеднённого урана всё на свете насквозь пробивающие, и раны от одного прикосновения руки её исцеляются, и мёртвых она силой своей любви воскрешает, и всё она знает, и всё она умеет, и всех она красивее на свете, и все в неё влюбляются, и промеж ног у неё тиски, а не хилая дырища, и дерьмо у неё не воняет, а пахнет леденцами или цветами, хоть прямо бери и обе дырки вылизывай, как собака или кошка, и с кем она ляжет, у того неделю после неё...

– Нет, стрелы у него были самые обыкновенные – деревянные со стальными наконечниками, просто любят люди глупости всякие сочинять, а потом не понимают, что из сочинённого правда, а что – вымысел. – оборвал король поток пошлостей Хоншеда чтобы продолжить свою мысль. – А всё потому, что большинство людей не понимает ни в чём даже основ! Не говоря уже про понимание во всём глубин и тонкостей. А из этого незнания и проистекает вера во всякий написанный бред. Книги меняют людей гораздо больше, чем люди меняют книги.

– А что такое обеднённый уран? – задумчиво спросил Дэанев.

– Понятия не имею – так было написано в сказке. – пояснил ему Хоншед. – Ещё там был какой-то обогащённый уран, двумя кусками которого размером с кулак можно было даже сжечь дотла и сравнять с землёй аж целый город. Сказки, чушь и сочинения всё это – никакого такого урана в природе не бывает, выдумки это всё, как и плутоний.

– Так вот, я продолжу, пока не забыл самое главное. Вы уже сами, наверно, заметили, что всё это собрание учёных, как придворных, так и прочих, бесполезно чуть меньше, чем полностью. Вы оба совсем недавно сами видели очередное новое изобретение тысячелетней давности в действии, пушка называется. Порох учёный умник в неё набил и чугуном шаром с грохотом выстрелил в крепостную стену. Да, стену он пробил – я этого не отрицаю, но после четвёртого выстрела, если не вообще третьего, пушку разорвало так, что хорошо ещё, что никого не убило, только жалко, что не убило самого изобретателя этой глупости. Тоже мне умник нашёлся с высшим образованием!

Король пересказывая неудачные подвиги незадачливого учёного со злости стукнул кулаком по столу так, что стол едва не подпрыгнул.

– Как будто без него раньше не знали, что порохом из пушек стрелять можно! И ещё много чего полезного можно порохом делать, если правильно его приспособить. Всё бы хорошо, за одним небольшим исключением. Одним единственным! А сколько этот его порох стоит, он подумал? А как его производить, он подумал? А как его хранить и как использовать, он подумал? А как потом стены восстанавливать, после такого обстрела, он подумал? А как эти пушки тащить, он подумал? А как не допустить, чтобы все эти дорогие, очень дорогие пушки,

порох, шары, то есть ядра, вспомнил я наконец, как они называются, врагам в руки не попали, он подумал? И так у этих учёных во всём!

Король окинул Дэанева и Хоншеда строгим взглядом, назидательно поднял указательный палец и продолжил свою обличительную речь.

– А если бы он удосужился подумать хоть немного о деле в целом, а не только о том, чего бы ещё умного изобрести, то вспомнил бы, что уже давно любые крепости берут одним обстрелом чумными трупами или больного чумой подсылают, пока чуме по нему ещё не видно, или чумную крысу втихаря подбрасывают. И всё! И крепость цела, и месяцами за бешеные деньги восстанавливать её уже не нужно!

– Запретить надо писать всякие глупости. – ляпнул Хоншед.

– Запретить – не значит опровергнуть! – строго предостерёг его король от глупой ошибки, снова подняв указательный палец, помахав и указав им на лицо Хоншеда. – Ничто не распространяет любые сведения лучше запретов их распространения. Это надо понимать. Я вам сейчас уже расскажу до конца, чем всё закончилось, чтобы потом уже не возвращаться к этой пушке. А ещё мне наш алхимик показал чудесное средство в стеклянных бутылках. Вот это вещь! Всего десяток бутылок через стену перебросили и вся крепость почти сразу передохла с хрипением и кашлем. Вот это я понимаю – настоящее средство для войны! А то – порох! Жалко, что вы не видели, на что в той крепости были похожи трупы. Да это же просто праздник был какой-то! Самый настоящий! С некоторых убитых даже их собственная кожа послезала живьём. А он мне тут пушки показывает! Дурак такой, учёный!

Король откинулся на спинку кресла и вспомнил приятные его взору картины той войны, пытаясь восстановить их перед глазами.

– Ну и что, что на обратном пути одну бутылку случайно разбили, да так удачно, что сами все передохли почти всем войском? Так это же прекрасно! Это же просто замечательно! Мне им ещё и платить за взятие огромной крепости почти ничего не пришлось! Вот это я называю быстро, надёжно и качественно, не то что всякие вечно взрывающиеся пушки с их вечно не вовремя отсыревающим порохом.

Король заметил, как от услышанного Хоншед кривится всё больше и больше и решил заканчивать повествование о пушках и отраве.

– И, наконец, в завершение всего сказанного. Неужели я, король, с моими связями, за такие деньги, которых мне будут стоить эти пушки, не смогу найти среди врагов и получше подкупить несколько десятков предателей, которые мне и ворота в крепость откроют, и всё её командование отравят или зарежут или и то и другое сразу сделают? Вот это и называется государственный подход к преодолению трудностей или решению вопросов, а не все эти игры в изобретательство и науку.

– Все эти ваши придворные учёные, врачи и высокопоставленные придворные лекари только и умеют, что голову пиявками обвешивать и воду в задницу ведрами вливать. И не придворные тоже! Нэв может подтвердить – они его уже лечили. – подтвердил обличающую речь короля Хоншед, сочувственно поглядев на Дэанева.

– Так вот! Нам теперь надо сподобиться и решить, что нам делать в столь непростом для нас положении. – король оглядел собравшихся суровым взглядом. – Ты едешь на разведку и, может быть, привезёшь нам хоть какие-нибудь важные сведения. Сделать против них один ты точно ничего не сможешь, иначе Империя бы столь долго не просуществовала. Но если просечёшь хоть один способ сделать Империи хотя бы мелкую пакость – не сомневаясь делай.

– Ради того, чтобы делать гадости, я пойду на любые подлости! – воодушевился Хоншед и с радостью принялся загибать пальцы, сразу приступив к придумыванию многочисленных гадостей для Империи.

– Придумывание обыкновенных гадостей не требует умственных способностей – умственных способностей обычно требует придумывание выдающихся гадостей! А придумы-

вание особо выдающихся гадостей вообще требует выдающихся умственных способностей. – наставил король Хоншеда на путь познания и просветления.

– Я буду стараться изо всех сил! – воскликнул тот.

– Одного старания будет, совершенно точно, недостаточно – тебе понадобится искусное умение и глубочайшее понимание с обширнейшими познаниями. Врага надо знать лучше, чем самого себя.

– Очень трудно поубивать всех в одиночку.

– А вот этого как раз тебе и следует избегать в целях твоей же безопасности всеми возможными способами. А почему – ты сам сейчас ответил. Помни, что на выручку тебе там никто не придёт.

– А если я не удержусь? Знаешь, очень тяжело смотреть, когда при тебе кого-то похожего на тебя или твоих друзей убивают или пытаются.

– Или задом на кол насаживают. – не удержавшись влез Дзанев.

– Не надо искать оправданий своим слабостям! – король начинал злиться и свирепеть. – Всем тяжело, не только вам!

– Да понял я всё, в конце концов, не в первый раз. В общем, я буду вести себя так, как я это часто делал раньше, только действуя в наших интересах и находясь в Империи. Надеюсь, я не привлеку этим к себе лишнего внимания, если всё рассказанное тобой про Империю правда.

– Я боюсь, что ты, даже окончательно распоясавшись, не сможешь вести себя так, чтобы не привлекать в Империи к себе лишнего внимания кого не надо среди её жителей своим излишне тихим поведением и слишком добродушным нравом. – завершил своё напутственное наставление король, надеясь хоть на какое-нибудь понимание.

* * *

Велиол смотрел на приближающийся берег Нивнылата. Корабль из Чонтонина доставил его при попутном ветре на удивление быстро. Но в ближайшем будущем ему предстоял ещё один переход через море из Нивнылата в Никаон, только до него ещё надо было дожить, выдержав путешествие по суше со всеми превратностями за долгие дни десять пути, коими дороги по суше на редкость богаты. Вокруг толпились пятеро никаонских наёмников, стремящихся поскорее добраться до просторов своей уже видимой на горизонте необъятной Империи.

Можно было бы не впадая во все тяжкие пройти до Никаона морем, но желающих потонуть в бурю не нашлось и путешествие по морям в целях надёжности и безопасности сократили до предела. Всё таки они везли не кого-нибудь, а заложника из Чонтонина – император совсем не обрадуется, если такой важный груз не будет ему доставлен в целостности и сохранности, не говоря уже о возможности утонуть самим.

Всю оставшуюся позади морскую часть дороги заложник развлекал наёмников особо скабрёзными и похабными рассказами о своих половых сношениях со всем и вся, что имело хоть одну дыру, было живым и могло шевелиться и подробнейшими пересказами убийств и пыток в собственном исполнении. Некоторые из своих рассказов он дополнял живописными показами всяческих гадостей под всеобщее одобрение. В общем, никаонские наёмники считали чонтонинского заложника за своего и только диву давались, почему он ещё не один из них.

В особый восторг никаонцев привели рассказы Велиола о его делах в подростковые и юношеские годы, когда он заманивал ровесников из простолюдинов к себе и насиловал их и пытал с особо издевательской жестокостью. У наёмников от услышанного просто захватывало дух.

– Так вот! А когда мы оказались в моей комнате, я же сзади шёл за ним, я ему обе руки сразу схватил и за спину завернул и на землю его свалил, а руки за спиной связал, да так, что те до затылка дотянулись, и верёвкой обмотал вокруг шеи, чтобы точно не вырвался.

Глядя на раскрытые рты плохо понимавших со слов наёмников, Велиол показывал им свои действия жестами, будто проделывал заново.

– Ноги я ему потом привязал к ножкам кровати и растянул, чтобы он не брыкался. Он в своих штанах ногами запутался, пока я с него их снимал. Так что остался он весь голый и без всякой защиты передо мной нарасetyжку.

Один из наёмников облизнул ухмыляющиеся губы, видимо вспоминая знакомые впечатления во время похожих развлечений.

– А рот я ему ещё раньше завязал, чтобы он орать не мог. Но шкуру я сдирать с него не стал!

Наёмники рассмеялись переглянувшись. Один из них поправил руками что-то в штанах и поёрзал поглядывая на окружающих.

– А потом, когда я им уже наигрался вдоволь, я ему все выступающие части медленно уничтожил! Ох! Как же он меня умолял с ним этого не делать!

– А ты их ему оторвал или отрезал? – неожиданно спросил один из наёмников из любопытства, чтобы сравнить со своим опытом.

– Нет. А зачем? Это было бы совсем не интересно. Я девушке одной так бечёвочкой или верёвочкой, уже точно не помню чем именно из этого, грудь обмотал и смотрел, как она чернеет, пока насиловал не так давно. Я тебе потом покажу, когда случай представится. Такое словами не передашь – такое показывать надо!

– А дальше что было? Ты его зарезал или задушил?

Велиол посмотрел на никаонского наёмника с такой укоризной, что у того аж изменилось от неожиданности выражение лица.

– С воображением надо подходить к делу! Я его так и продержал аж целых пол дня. Если не больше! А потом в конце дня бечёвочку-то и развязал! А он смотрит на себя, щупает. Жалеет!

Раздался громкий хохот, наёмники каждый по-своему представляли себе мучения искалеченного подростка и его душевные страдания.

– А дальше что было? Он выжил что ли?

– А как бы он выжил-то? Я же перед тем, как руки ему развязать и ноги, по перетянутым частям тела ногой ударил несколько раз и кулаком сдавил и ещё кулаками побил так, что чуть шкуру не разорвал. Думал, что ему от этого больно будет, а он уже и не чувствует ничего. Я и развязал тогда. Чёрная кровь по телу разошлась и он подох через несколько дней. Долго мучился, аж смотреть было приятно!

– А девица та, с перетянутой грудью, выжила? – полюбопытствовал другой наёмник. – Или ей тоже в тело чёрная кровь ударила?

– Ей не в тело! Ей в задок ударило другое! – с этими словами Велиол медленно спустил спереди штаны и показал аж оторопевшим от зависти наёмникам не меньше чем на четверть, если не на треть, больший обычных размеров напрягшийся отросток. – А такое внедрение в задницу далеко не каждая ослица выдержит на всю длину! – пошутил он под одобрительное гудение и завистливые возгласы наёмников. – Но это уже не в детстве было, а совсем недавно, так что этот подвиг я в детстве так и не успел совершить. А жаль!

В действительности Велиол почти всё наврал, но наврал настолько искусно, что даже сам поверил в собственную ложь. Он хорошо знал, что для того, чтобы тебе поверили, надо убедить самого себя поверить в собственное враньё, каким бы наглым и неправдоподобным оно бы ни было. Да, он действительно заманил тогда к себе домой того своего ровесника. Причём далеко не одного! И действительно устроил с ним самое настоящее представление, только совсем не такое и не с такими последствиями. В тот знаменательный день он отмечал свои не то пятнадцать, не то шестнадцать, если не четырнадцать лет – сколько, он и сам уже точно не помнил, а точнее внушил себе, что не помнит. В собственную ложь надо самому искренне верить. Это заставит поверить в неё и всех остальных. Без этого никак не добиться успеха враньём!

Враньё Велиола обладало на редкость удивительной и полезнейшей для него самой способностью – в него почти всегда и почти все без особых сомнений верили. Что бы он с почти самого раннего детства и кому бы ни рассказывал – это воспринималось как чистая правда. В девять лет, ещё будучи совершенным девственником, он рассказывал про свои многочисленные совокупления с девочками. В двенадцать он убеждал всех уже не будучи девственником, что всё ещё девственник, а в пятнадцать ещё не убив ни одного человека распустил о себе славу жестокого и беспощадного убийцы многих людей. Верили!

Он снова освежил в памяти события того дня, чтобы сделать свою почти чистейшую ложь из почти чистейшей правды. Он вспоминал и тут же проверял, насколько его воспоминания после преобразования в нужный ему вымысел выглядят правдоподобно. В собственную ложь надо верить. Это делает её правдой в глазах остальных. И в тот самый день у него действительно был самый настоящий день рождения.

Весёлый праздник омрачало полное отсутствие гостей. Нет, званные родителями гости были, но ему весело с ними не было. Хотелось чего-то своего и какого-то родного, мальчишеского. Хоть с улицы приводи всех встречных и поперечных подряд! Вот это и оказалось решающей мыслью. Он прихватил несколько человек из охраны и отправился на подвиги, ходить по городу. С высоты его происхождения он мог легко разобраться в людях только поглядев на их лица за мгновения.

За несколько часов блуждания по городу он изловил пять или семь человек своего возраста и отправил к себе домой с приказом запереть в подвале и не выпускать. Вернувшись он увидел целую толпу, с ненавистью и страхом уставившуюся на него из-за решётки.

– Ну что, ребята, развлечёмся? – начал он указывая на первого за решёткой, чтобы его привели к нему в комнату.

Выбранный выходил с таким видом, будто его сейчас будут пытаться, а потом пустят на корм насекомым, причём живьём.

– Ну вот, садись, куда хочешь, – Велиол указал ему на стол, когда они вошли в комнату. – будем отмечать мой день рождения.

На лице вошедшего безымянного юноши отразились одновременно подозрение в подвохе и недоумение. Всё происходящее с ним сейчас в его представления о господах не вписывалось и не вязалось с тем, как он здесь оказался. И это непонимание вызывало недоверие и страх.

– Ешь, пей смело – всё свежее, вкусное, не отравленное. Я лично покупал, чтобы не узнали, кому еда, так что всё безопасно. Вот в зале, наверно, кого-нибудь уже точно или отравили или отравят, точно отравят. Это я тебе говорю! Лучше там вообще не показываться.

– А зачем ты меня притащил тогда сюда? Чтобы покормить?

– У меня сегодня день рождения! Будем праздновать!

– А просто пригласить нельзя было? Зачем было хватать?

– А ты бы пошёл, если бы я тебя пригласил?

– Нет, конечно! Нельзя доверять богатым и знатым!

– Вот поэтому ты и ходишь бедный, голодный и забитый! Потому, что веришь, а не думаешь кому. Вы все так делаете всё, поэтому часто вас приходится не просить, а просто брать и приказывать.

– Я поем с тобой и выпью, но так всё равно не делают, в гости так не зовут – с людьми договариваться надо уметь!

– А я пробовал. Ты не поверишь! Вы же не понимаете ничего! Вы не видите во мне человека – вы видите мои деньги, будто я виноват в том, что они у меня есть. В смысле деньги моей семьи, моего рода.

– Никому не интересный человек никому не нужен.

– А тебе со мной неинтересно и скучно? Поговорить не о чем?

Парень умолк и сел за стол, но к еде так и не притронулся. Вопрос Велиола поставил его в тупик и он был к этому совершенно не готов.

– Ну так назови настоящую причину! – нажимал Велиол.

– Я не доверяю богатым и знатым людям, я их боюсь, у них есть много власти, они могут сделать со мной что угодно, что захотят.

– И ты их так за это ненавидишь, что готов поубивать их всех?

– Почему кто-то должен иметь то, чего у меня нет? Почему другие должны жить лучше меня, если я не могу жить как другие? – неожиданно взвился сидевший напротив него новый собеседник.

– Потому! Что ты бестолковый и все вы бестолковые! Вами управлять иначе невозможно, кроме как только бить кнутом и побольнее, от этого власть портится и начинает стегать всех подряд без разбора.

Юноша призадумался и выпил чуть-чуть для пробы.

– А почему тогда только вы, богатые, всем заправляете?

– Если чужие руки бестолковые – управляй ими сам и они принесут успех тебе. Вы же все бестолковые до предела, поэтому вами приходится управлять и предельно жёстко, чтобы вы всё не испортили.

– Мы бестолковые потому, что нас ничему не научили в детстве, а сразу работать отправили. У нас не было времени учиться!

– Есть желание – есть время, нет желания – нет времени.

– У меня было желание, но я так и не смог ничего добиться.

– Одного желания мало! Надо ещё и захотеть!

– А я хотел! – возразил парень, но уже без большой уверенности в голосе и Велиол не мог этого не заметить. Подействовало!

– Это любимое занятие каждого неудачника: сначала ничего не хотеть, а потом сокрушаться, что не сделал. Признавайся, так было?

Парень сжал губы и некоторое время помолчал, переживая, как все его тайны были раскрыты за мгновения, но не сдался и продолжил.

– А после работы уже не оставалось никаких сил, чтобы учиться и в образованные люди хоть как-то выбиться, чтобы жить лучше.

– Жизнь всегда сопротивляется улучшению.

– Это тебе легко так говорить, а поработал бы ты как мы, то у тебя ни сил бы не осталось, ни времени чему-то учиться.

– Когда я тебя встретил на улице, ты чем был занят?

– Отдыхал от работы. Должен же я беречь время для отдыха!

– Для оправдания собственного нежелания что-либо делать всегда можно найти достаточно как отговорок, так и оправданий.

– Я не оправдываюсь! Я возмущаюсь! Я при такой бедности даже потратиться на любое обучение ремеслу не могу как следует!

– Нельзя скупиться на то, на чём можно зарабатывать. И на своём собственном времени тоже можно заработать. Для того, чтобы ничего не делать, всегда можно найти множество оправданий.

– А сейчас ты тоже зарабатываешь? Или просто отдыхаешь.

Велиол уселся за стол напротив гостя и уставился на него.

– Вот так! Из-за такой мелочи ты так обиделся.

– Меня обидеть очень сложно, а вот разозлить весьма легко. – ответил Велиол. – И в первую очередь меня злит человеческая тупость. А ты сейчас пытаешься показать её всю, а её у тебя много. Ты даже не понимаешь основ, а уже делаешь выводы обо всём.

– Ну так чем ты сейчас тут занимаешься? Ты же должен учиться и учиться, как зарабатывать ещё больше и больше денег?

– Все люди учатся ради того чтобы зарабатывать, а я умею зарабатывать – я учусь зарабатывать много. – наклонившись вперёд и чуть привстав ответил Велиол опершись на руки. – Ты видишь отдых там, где на самом деле идёт напряжённая и сложная работа.

– И развлечения – тоже некая часть этой работы? Тогда на рынке тоже не работа, а сплошной отдых, раз камни таскать не надо?

– Нет таких, кто не покупает – есть те, кто не умеют продавать. А на рынке надо работать чтобы продать свой труд, свой товар. А вы все сначала влезаете в огромные долги, а потом всю жизнь их отрабатываете. И кто будет это выгодное для себя положение менять, кроме вас и никого, кроме вас? Если выгода только для вас будет? Зачем выбивать долги из работающего бесплатно? – дожимал соперника Велиол.

Парень повернулся к стене и обиженно замолчал. Велиол смотрел в упор на него и наблюдал последствия разгрома своего противника.

– Наверное, ты прав, я не очень много понял, но что-то понял. А с остальными что ты будешь делать? Они же там сидят. В подвале!

– Сейчас будем всех выпускать по одному. Только вразумлять их и наставлять будешь сам – у меня сил на всех не хватит.

– А почему бы нам ещё и в зал не зайти? Хотя бы посмотреть.

– Вы – просто глупые, а те, в зале – подлые. Разницу чуешь?

Гость понимающе кивнул и повернулся к столу. Велиол отправился за следующим и часа не прошло, как все уже сидели за одним столом и весело праздновали его день рождения. Чуть позже уже привели девиц и началось настоящее гульбище. Дорвавшись до баб некоторые от радости натрахаились до полного изнеможения и боли в яйцах.

Под утро вся комната была залита семенем, блевотиной и, местами, мочой то ли не удержавших при натягивании обеими дырками девиц, то ли не дошедших до уборной гостей. Велиол продрал глаза одним из первых и осмотрев как попало лежащих на кроватях вповалку голых и полуголых приглашённых им в гости парней и снятых на ночь для них баб удовлетворённо хмыкнул. Проводив гостей он отправился к родителям, чтобы рассказать им о достигнутых успехах.

– Всё прошло, как и было задумано. – начал он с порога.

– А ты сомневался? Бесплатные жратва, выпивка и девки творят с людьми чудеса, особенно с бедными и забитыми мужчинами.

– Ага! Теперь они будут работать на меня совершенно бесплатно и полностью добровольно. Цена вопроса – две корзины еды с дешёвой выпивкой и две потасканные бабы. Всё так просто, что аж скучно!

– Скучно? Ну ты не скучай раньше времени – ещё наешься трудностями вдоволь, но на такое у нас денег всегда хватит, а ты подумай на досуге, как ещё можно водить за собой толпу недолудей.

* * *

По сравнению с впервые увиденной Империей даже Лимунтад был образцовым королевством относительно нравственности. Почти сразу же после прибытия Хоншед нажил себе большие приключения на ровном месте, причём устроил он себе эти приключения сам, по причине своих чрезмерных добродушия и недомыслия. В тот день его пытался обворовать им же спасённый от почти верной гибели подросток.

Хоншед купил этого подростка по дороге через небольшой город и очень скоро об этом пожалел. Тогда он ещё только приехал в Империю и очень многого не знал. Проезжая мимо очередного двора он увидел подвешенного за связанные вместе с ногами руки совершенно голого мальчишку примерно двенадцати, если не десяти лет, которого мужик, позже оказав-

шийся его отцом, тыкал в бока и спину концом раскалённого железного прута. Ребёнок дёргался и верещал при каждом шипящем прикосновении, его лицо менялось от усталого к перекошенному от боли и обратно к умному и дёргающемуся от напряжения.

– Куда ты дел мои деньги? Скотина такая! – с этими словами отец ткнул аж светящимся красным концом прута прямо под лопатку мальчишке. Раздался визг и тело на верёвке задёргалось.

Больше всего Хоншеду захотелось на месте зарубить этого мужика или засунуть ему этот раскалённый прут прямо в зад. Ещё была мысль приложить конец прута к яйцам или отростку мужика и полюбоваться на его мучения, наслаждаясь воплями. Но Хоншед помнил мудрые наставления короля и глупостей не делал, как ему казалось.

Вместо этого он решил поступить хитрее и предложить за хорошие деньги у мужика ребёнка выкупить, а когда мужик взбесится, сделать с ним всё, что он до этого собирался, под предлогом нанесённого ему сильнейшего оскорбления. Весь великий замысел рухнул сразу же после первого же сделанного мужику предложения.

– За сколько продашь мальчишку? – начал Хоншед, ожидая тычка в глаза раскалённым прутком за такое предложение. – Мне такие дети нравятся, я его буду в задницу трахать, когда чуть подрастёт.

– А сколько дашь? – от неожиданности Хоншед чуть не свалился с лошади, услышав такой ответ, но вида постарался не показывать.

– Две такие монеты. – он всё ещё надеялся на ссору из-за цены и предложил мужику половину цены за такого ребёнка на рынке.

– Две таких с половиной и трахай куда захочешь. А хочешь, я ему этим прутком прямо в дырку ткну? Знаешь, как он громко тогда заверещит?! Или конец ему прижгу – он ещё громче верещать будет.

– Не смей портить уже почти купленный мной товар! Если бы ты его не испортил ожогами, то я дал бы тебе три монеты, а теперь держи две и заткнись. – надежда на ссору вспыхнула с новой силой.

– Ну две, так две. Хоть какие-то деньги! – раздосадованно пожал плечами мужик и снял своего сына с верёвки. – Забирай. Жалко, что ты немного раньше не подъехал, пока я у него про деньги, украденные им у меня выспрашивать не стал. Я бы тогда его так не портил.

– А он меня не обворует или не зарежет? – поддержал свой образ безжалостного и расчётливого покупателя Хоншед.

– Меня он уже попробовал резать, видишь, теперь одного яичка у него не хватает. Это я ему одно яичко размозжил кулаком по столу в наказание. Сначала я хотел ему глаз выжечь, но потом решил, что если он без второго глаза вдруг останется, то и работать не сможет, а зачем такой мне сын тогда нужен. А яичко не жалко – и одного хватит.

Дальше слушать подробности воспитания детей Хоншед не стал, да не захотел. В конце концов, он этого ребёнка спас от мучений и тот будет ему за это благодарен. Мучить и калечить он его не будет, а потом пристроит в место поприличней этого. Всё лучше, чем у чокнутого на всю голову папаши будет! Тогда он ещё не знал, что мест поприличнее в Империи просто нет и пристраивать ему скоро будет некого.

Той же ночью Хоншед почуял неладное. Он после всего наслышанного про Империю и так спал не раздеваясь и с оружием в руках, но и на этом его меры предосторожности не заканчивались. Он, пока никто не видел, привязал к входной двери нитку одним концом, а другим – к большой куче разного громко падающего барахла и не зря – той же ночью он проснулся от грохота сработавшей ловушки, а с трудом продрав глаза увидел, как при тусклом свете ночника перед дверью замер спасённый им мальчишка с его вещами и его кошельком в руках.

Он подошёл вплотную, посмотрел в лицо мальчишке и одним быстрым движением распорол ему живот снизу доверху. Обычно у всех ранее встреченных им сволочей и подонков

на лице было написано всё, но на этот раз его чутьё не сработало – здесь даже ребёнок с милым, умным и честным лицом порядочного человека оказался законченным вором и неблагодарным подлецом. Тут он понял, что все имевшиеся у него навыки и огромный личный опыт оказывались в Империи просто бесполезными. А на этот раз ему просто крупно повезло, что его всего лишь только попытались обворовать, а не зарезали, пока он спал.

Остаток ночи он просидел молча уставившись на тело подростка и размышляя, как бы не оказаться на его месте. Задача усложнилась невероятно. Больше на чутьё полагаться было нельзя. Всё, что теперь он мог почуять, это распознать сволочь, но даже те, кого он распознал не как сволочь, могли оказаться на поверку подлыми предателями. Мало того! Любой своей ошибкой он выдаст себя и тогда же наступит конец его прикрытию. Если раньше ошибки приводили к неприятностям, то теперь они легко могли стоить ему жизни, да и не только ему одному. Работа над собой начинается с работы над своими ошибками.

Для всех окружающих он был уполномоченным посыльным короля и выполнял задачу по разведке обстановки с целью выяснить, жену из какого царства или рода лучше выбрать его королю. Это было понятно и не вызывало подозрений, так объяснил Хоншеду король. А на самом деле Хоншед во все глаза должен был изучать внутреннее устройство и порядки в Империи, чтобы король потом по им добытым сведениям смог понять, почему при таком внутреннем разладе, как сначала могло показаться снаружи, Империя процветала, крепла и расширялась.

У Империи был огромный флот из новейших кораблей. У Империи была огромная, хорошо обученная и вооружённая новейшим образом армия. У Империи не было внутренних проблем с мятежами, бунтами, восстаниями, смутами, переворотами, да и всеми прочими потрясениями, которые при таком уровне развития её населения, включая общественное мышление и нравственность, просто должны были сотрясать её изнутри до самого основания. Это было невозможно и тем не менее это было и причину этого Хоншеду надо было выяснить любой ценой и любыми средствами, которыми он больше не владел.

И он помнил, что своим добрым и порядочным поведением здесь, в Империи, запросто может выдать себя и тогда вся имперская разведка в два счёта узнает, что он на самом деле не расчётливый, бездушный и жестокий королевский наёмник, а посланный неизвестно зачем разведчик. И он, и все его друзья больше не имеют права на жалость, как бы тяжело и больно это бы ни было по отношению к себе, причём к себе в особенности. Ставки в затеянной им игре стали слишком высокими, чтобы позволить себе глупость её проиграть из-за глупой жалости, на которую он больше не имеет права. Он больше вообще не имеет права на чувства, тем более добрые! И больше никаких проявлений добрых чувств, пока для их выражения не появится достаточно нерушимых, а ещё лучше – общепринятых в этих местах оснований. «Не привыкай к камням на пути, иначе не сможешь свернуть горы.» – учил его мудрый наставник во дворце и пришло время последовать его советам.

* * *

Они путешествовали по Империи как отряд имперских наёмников, никому не нужный и до которого никому не было дела. Даже местной войны уже давно не было, ехали они через достаточно благополучное и спокойное имперское царство, дорога оказалась до неприличия спокойной и никаонские наёмники скучали от вынужденного безделья.

Велиол прекрасно видел, как отъявленные головорезы изнывают от слишком долгого бездействия и покоя. Он хорошо понимал, что ничем хорошим такое положение закончиться не может и, в первую очередь, ничем хорошим для него. Скучающий никаонский наёмник это как не напивавшийся месяц пьяница – нужен только повод и он всегда найдётся, только последствия будут куда плачевнее.

Когда-то некий мудрец, живший в древние времена, высказал свою точку зрения, что если бы на самом деле не было богов, то людям следовало бы их выдумать, чтобы совсем не тро-

нуться умом. Если происшествий не было, значит надо было их создать, но пока возможности создать нужное происшествие не предоставлялось.

Чтобы наёмники меньше скучали, а заодно и настраивались в нужном направлении, Велиол развлекал их рассказами о своих якобы личных наблюдениях и делился опытом. Больше всего наёмникам нравились рассказы о разбоях, изнасилованиях и пытках. Когда Велиол был в ударе, а в ударе он был почти всегда, то наёмники заслушавшись его рассказами забывали даже о своих многочисленных подвигах.

– Вот вы, наверно, даже не знаете, – излагал он старающимся не пропустить ни одного его слова наёмникам. – зачем надо вспарывать животы всем убитым, а не только недобитым? А я вам скажу сейчас и вы поймёте, сколько могли упустить золота при разорении города.

– Не может быть! Мы даже золу на пепелищах домов перекопали, чтобы ни одна золотая или даже серебряная монета не ускользнула! – не смог сдержать удивления один из наёмников, представляя себе, как он тогда упустил с таким трудом награбленные деньги.

– Чтобы такие, как вы, не смогли просто так отобрать золото у тех, у кого его бывает много или очень много, те своё золото прячут не по углам и железным ларцам, а другими, самыми хитрыми способами.

– Какими? – наёмники аж подались поближе, чтобы не упустить ни одного слова. Что может быть важнее золота и денег?

– Например в теле раба или рабов. Главное, чтобы рабы потом не сбежали вместе с вложенным в них золотом или серебром.

– А... Это старо и этим уже давно никто не пользуется. Всё золото через день выйдет наружу и будет украдено. А мы-то думали...

– Вы всё неправильно подумали! Запихивать в раба золото надо не в рот, а совсем наоборот! И тогда его достать будет совсем не просто.

– В задницу что ли? Тогда точно сопрут, ещё проще.

– Опять не угадали! Ещё соображения есть, куда можно затолкать золото рабу, если не в рот и не в зад? Ну же, соображайте!

Наёмники пытались думать настолько старательно, что аж пытели от напряжения и морщили лбы. Умственная, а особенно напряжённая, работа быстро утомляла не обременённые большим умом и сообразительностью мозги наёмников. Они перешёптывались между собой, на мгновение менялись в лице, будто смогли догадаться, но тут же снова начинали думать, обнаружив очевидный и глупый просчёт.

– Ладно, расслабьтесь, я вам так расскажу. Золото надо запихнуть в тело раба так, чтобы он его вытащить сам не смог. Догадываетесь, в какое место? Ну же, всего лишь одна дырка на теле осталась!

Наёмники снова заскрежетали мозгами в тщетной попытке понять, о какой дырке идёт речь и почему из неё потом обратно не достать.

– Ладно, рассказываю дальше. Надо взять очень узкий нож и проткнуть рабу его пупок так, чтобы образовалась маленькая дырочка и в неё затолкать маленькие золотые шарики. Дырочка со временем скоро зарастёт, а шарики останутся в брюхе раба и вытащить их ни он сам, ни его приятели уже никак не смогут потому, что раб от разрезания и перекапывания внутренностей обязательно сдохнет.

– Вот это да! Никогда бы не додумались, что такое можно сделать. И сколько же золота в одного раба можно так затолкать?

– А пока брюхо пополам не треснет! – под общее ржание Велиол отшутился от углубления в перечисление подробностей и продолжил свой рассказ про всевозможные непотребства. – А ещё некоторые, от нечего делать, своим рабам золотые яйца отливают. Чем богаче был у раба хозяин, тем больше были у раба золотые яйца. У некоторых были яйца с кулак размером, непонятно, как они до колен у них не свисали.

– Вот это богатство! Это же сколько золота в каждом яйце! А если раб с таким богатством убежит? Это же, считай, пиши пропало!

– Из таких домов не убегают! Печально только, что золотые яйца раб может у себя извлечь ещё при жизни, а из брюха золото уже никак не вынуть не подыхая. Зато золотые яйца рабов можно потом гостям и друзьям показывать, чтобы те знали, с кем дело имеют. Оголятся раб такой при гостях, а хозяин его мешочком потрясёт, а в нём шары такие огромные колыхаются, совсем как лошадиные яйца, или бубенчики на конской упряжи. После такого показа хозяина все зауважают.

На самом деле Велиол немного подвирал. Золотые шарики в брюхо своих рабов запикивали только те, кто не умел распоряжаться золотом и пускать его в дело. Необходимость прятать золото и серебро в телах возникала во время войн, только прятали чаще всего не золото, а медь или позолоченную медь, чтобы пока захватчики будут потрошить пойманных рабов и вытряхивать из них позолоченные шарики, хозяева не спеша успели спрятать настоящее золото. А огромные золотые яйца у рабов были вообще чистым вымыслом Велиола – вместо настоящих яичек зашивали всегда медные или свинцовые, но всем говорили, что золотые, благо проверять всё равно никто не будет.

На время наёмники уgomонились, на ходу обдумывая, сколько ещё золота они могли заграбастать во время разбоев и как скоро им предоставится очередная возможность опробовать полученные знания. Под конец первой половины путешествия по суше наёмники снова начали скучать и подыскивать себе развлечения. Велиол начинал беспокоиться, как бы полное отсутствие предсказуемых происшествий по дороге не привело к непредсказуемым происшествиям с людьми.

Единственным происшествием оказалось, и весьма кстати, им же и подстроенное нападение их же отряда на местный небольшой поселок неподалеку от поганых Брошенных Земель, состоявший всего-навсего из нескольких десятков человек, включая женщин и детей.

Незадолго до этого события Велиол просто потряс всех наёмников своими рассказами о самых необычных способах сношения с женщинами, да такими, что воспоминаний хватит аж до самого конца жизни. Ещё он умел особым способом курить повсюду растущую дурь-траву, да так, что через несколько часов можно было чуть ли не обкончаться от удовольствия. А ещё он знал множество таких смесей из выпивки с настоями трав, что они просто сшибали с ног даже наёмников.

Однажды от злоупотребления одной из таких смесей на почве перепоя у одного из наёмников сначала несколько часов стоял колом и плевался семенем в начале, когда ещё было чем плеваться, половой член, а потом начался припадок и судороги. Собственные приятели раздели его и привязали к дереву, не отводя глаз от корчащегося тела. Многие стали делать ставки на выживет-не выживет и сколько проживёт. Под радостное улюлюканье собравшихся из тела наёмника прямо по ногам потекли струйки жидкого поноса. Раздались ржание и вонь.

Велиол смотрел на развлечение издали. Он один знал, что было во всех кружках, а что в одной и любовался на содеянное. Когда веселье закончилось, а неудачника отмыли от собственного дерьма как смогли лошадиной мочой, отряд вскочил на лошадей и двинулся дальше.

Проехав по небольшому посёлку они с лёгкостью затеяли драку, а в конце, когда на шум начали сбегаться жители посёлка, принялись под чутким руководством Велиола убивать всех подключавшихся к ней по одному. Поубивав большую часть населения посёлка, они переловили и привязали к столбам и заборам нескольких девушек и юношей, которые им понравились больше остальных. Начинался угар безудержного веселья. Наконец-то, Велиол перестал опасаться за свою собственную сохранность, видя, что наёмники нашли себе подходящее развлечение.

В первую очередь Велиол показал наёмникам, как надо правильно готовить жертву к изнасилованию. Как связывать, чтобы и насиловать было удобно и та совсем не могла сопро-

тивляться. Как, чем, куда и по сколку раз надо ударить, чтобы та прогадились и потом было приятно их насиловать в задницу. Как и куда надавить, чтобы насилуемое тело сразу приняло нужное положение и не дёргалось в руках.

Развлечение продолжалось до ночи, а потом и всю ночь. Велиол давал полезные советы, как растянуть удовольствие от изнасилования и не спустить раньше времени, а растянуть каждый раз аж на целый час. Наигравшись вдоволь с очередной жертвой наёмники её убивали или бросали, а потом сразу же переходили к следующей.

Велиол смотрел на происходящее с изрядной долей скуки. Он один знал, сколько подлил на этот раз и чего в их общую выпивку. Он один знал, почему всех так прёт на изнасилование. Он один знал, почему в каждом наёмнике пробудилась такая неудержимая злоба, что были отброшены даже простейшие меры предосторожности. Но всем остальным это знать было необязательно и Велиол просто наблюдал.

Некоторых жителей после изнасилования не убивали сразу, а долго и жестоко истязали ради забавы и ещё большего возбуждения. Велиол показал наёмникам, как можно искусным ударом плетью по мошонке заставить мужчину опустошить все свои кишки, а ещё, как ударом под рёбра пальцами заставить женщину сделать то же самое. Каждое своё действие он показывал медленно и с нарочитой расстановкой, чтобы у наёмников была возможность всё подробно рассмотреть и запомнить.

К утру все уже порядком устали, наигрались, наистязались, понасиловали вдоволь до боли в членах и яйцах, наубивались, напились и хотели спать и больше ничего. Проспав почти до вечера и растащив тела по домам они ещё раз отметили мероприятие и новый почин пьянкой из всего, что смогли найти в домах. Проснувшись днём они подожгли весь посёлок и отправились в сторону побережья, где должна была находиться ночлежка, последняя перед приездом на берег.

* * *

В тот день его схватили, он просто попал в засаду прямо на дороге, что называется, посреди дороги. Как ни в чём ни бывало Хоншед ехал и смотрел по сторонам, чтобы не подстергли какие-нибудь подонки с обочины, но движущиеся ему наискосок всадники не показались ему подозрительными потому, что направлялись не к нему и не наперерез ему, а в сторону, откуда он ехал. И напрасно! Почти сразу другие всадники появились уже перед ним и спереди дорога оказалась перекрыта.

Оглянувшись назад он увидел тех же всадников, которых он видел чуть раньше. Хоншед сразу всё понял. Это только в дурацких книгах с дурацкими названиями про дурацкие приключения всевозможных дураков можно было убежать от погони, а на ходу ещё и отстреливаться из лука или арбалета или, при должном везении, ещё где-то скрыться. Во всяком случае безмозглые люди, особенно дуры бестолковые, в это верили, а потом долго и бурно между собой обсуждали весь этот бред. Клушам кудахтанье заменяет мышление. Но не будучи дураком он-то хорошо понимал всю серьёзность своего положения

В жизни всё гораздо проще – или сразу пристрелят или догонят. И все глупые попытки ускользнуть легко пресекаются выстрелом в лошадь. Хоншед не надеясь на чудо сразу остановился и поднял руки с ножами к шее. Если бы хотели убить – уже убили бы. Значит, хотят захватить живьём, любопытно только для чего и зачем? А, может быть, и просто поговорить хотят или передать чего. На всякий случай надо быть готовым не угодить в застенки пыточных неизвестно кого живым. Увидев у его шеи ножи преследователи остановились и один подъехал ближе.

– Тебя хочет видеть глава нашего великого ордена. – без лишних объяснений произнёс человек и замолчал.

– А я его видеть не хочу! Какого ещё ордена?

– Ордена Замкнутого Пути. Слышал о таком?

– Глава Ордена Замкнутого Пути сейчас находится у себя и у меня дома в Объединённых Королевствах, а точнее – в моём королевстве. Или он сюда приехал исключительно за мной повидаться?

– Многовато чести. У нашего ордена глав много и у тебя очень отдалённое представление о том, как вообще наш орден устроен.

– Я тебе не верю. – Хоншеда одолевали всё более глубокие подозрения. – Вы здесь все такие честные и порядочные, что я запросто в пыточные неизвестно кого угодить могу живьём.

– Мы это могли устроить, ещё когда ты лежал голый и связанный на корабле работорговцев или когда тебя потом схватили на границе, а ещё можно было сразу тебя тогда захватить, а не отправлять в тюрьму Елмаденвинала. Долго ещё ты будешь тратить наше время?

– Всё равно не верю! Вы можете соврать, что из ордена. – препирался Хоншед, но уже не так уверенно и больше для приличия.

– Не усложняй жизнь – она и так слишком лёгкая... А у дураков ещё и слишком лёгкая. – человек в просторной одежде даже не подавал признаков раздражения. – Если не хочешь говорить с главой сейчас, то я могу и уехать, пока ты себя с перепугу не прикончил, а потом изловить тебя ещё раз, когда ты будешь или спать или гадить или ещё чего, раз мне тебя убивать нельзя. Так устраивает? Или поедешь?

– Ага! Так значит убивать меня тебе нельзя! А вот если я сам себя сейчас возьму и убью? Что тогда? Что ты будешь делать?

– Теми, кого нельзя убить, можно просто пожертвовать. – отрезал человек и уже собравшись отъехать развернулся и продолжил. – Ты с нами можешь поехать на расстоянии, если так за себя боишься. Но не советую тебе от нас убежать – мы всё равно тебя изловим и доставим кому приказано. И неважно, сколько на это понадобится времени – я точно знаю, что не так много, как тебе может показаться. У тебя ещё к нам остались вопросы, Хоншед Ченалкин, или мы поехали?

От удивления он чуть не свалился с лошади. Откуда у него взялась ещё и такая фамилия? Он же никогда не был никакого происхождения и дворянство ему король вручил под придуманной им же самим фамилией, он и сам уже почти не помнил какой. Но если в ордене действительно что-то знают, значит нельзя упускать, возможно, единственную возможность узнать правду о себе, которую он и не надеялся узнать.

– Это не моя фамилия! Моя настоящая...

– Я знаю. – перебил его человек. – Твой король дал тебе новую, которую ты же сам себе и придумал. Назвать?

– Хорошо, уговорили, я поеду с вами, но на расстоянии.

– Хоть на возвышении. Умничающие тупицы раздражают.

Через короткое время они приехали в небольшое частное владение, окружённое невысокой стеной и высоким зданием внутри. Продолжая по-прежнему не доверять никому Хоншед старался держать ножи под рукой. Въехав за ограду и спешившись он отправился вслед за одним из своих провожатых. К тому времени, как они подошли к зданию, ворота в стене уже закрылись и все прочие разошлись. Хоншеда вместе с оружием оставили в совершенно пустой комнате дожидаться.

Долго ждать ему не пришлось – в комнату вошёл человек в рясе и с порога посмотрел на Хоншеда как на кучу навоза на чистом полу. На милую беседу можно было не рассчитывать. Сначала Хоншед пытался и сам задавать вопросы, но быстро понял, что никаких ответов на них не дожждётся, а только будет сам отвечать на вопросы. Начавшийся как самый настоящий допрос разговор быстро превратился в непрерывное унижение Хоншеда и конца ему, этому его унижению, видно не было. Человек продолжал свою обличительную речь.

– Ты что, думал, что тебе удалось укрыться от нас? Ты думал, что мы не знаем каждый твой шаг? Ты подумал, что мы ничего не узнаем? Или ты подумал, что тебе удалось бы сбежать

из тюрьмы, если бы это не было нужно нам? Или твой лучший друг вообще узнал бы о твоём существовании, если бы нам этого не было нужно? Или ты на полном серьёзе подумал, что за тобой тогда на самом деле гонялся наш орден? А ты вообще думал о чём-нибудь хоть когда-нибудь?

Хоншед молча стоял и злобно смотрел на поносящего его человека в рясе. У него было такое ощущение, что его жестко насилюют в зад, а потом заставляют брать в рот, облизывать, обсасывать и проглатывать, попутно поплёвывая и мочась ему на лицо. Самым ужасным было то, что возразить человеку в рясе ему было совершенно нечего.

– Если бы нам понадобилось, то мы бы прикончили тебя ещё в пятилетнем возрасте! Ладно, так рано мы ещё могли тебя и не заметить, как и многих других. Но неужели ты думаешь, что мог бы скрываться от нас так долго? Убежища тайные свои вспоминаешь? Ты серьёзно в них веришь? Уси-туси-муси-пуси! Писик-дрисик свой потеряй! Он у тебя такой же сокровенный, как твои убежища! Если бы мы не могли узнать каждый твой шаг, то как бы мы тогда узнали, что ты до сих пор ещё девственник?! Что просто невероятно при твоём образе жизни! А ты что, боишься заразиться и подохнуть? Зря боишься!

– Вы не могли держать за ноги каждую бабу, которой...

– Ты вставлял во все дыры и щели? Ты это хотел сказать? Прежде чем обманывать наш орден, тебе надо подучиться врать! А врешь ты с таким видом... впрочем, неважно. Это мы помогли тогда тебя поймать и отправили в королевскую тюрьму. Это мы тогда помогли тебе оттуда сбежать. Это мы вели тебя в твоём безумном путешествии с Дзаневом, которое, надо отдать тебе должное, ты весьма неплохо распланировал, перемешивая карты и бросая кость. Но все твои убежища всегда были у нас под присмотром! И ты сам всегда был у нас под присмотром!

– Какая невероятная для меня честь! А какими пальцами я за свой член держусь, когда мочусь? А каким хватом ладони я дрочу, прямым или обратным? А я левой рукой дрочу или правой? А каким пальцем я дырку в попе вытираю? И чем я вам так всем обязан?

– Ты – не нужен, а Дзанев – необходим! Ты был нам нужен для того, чтобы подобраться к нему и прочесать ему мозги.

– И ты мне так спокойно всё это рассказываешь? Наверное, считаешь, что я отсюда живой уже не выберусь и ничего не расскажу?

– О нет! Мы тебя выпустим и обратно в столицу отпустим. Даже в начале немного проводим, чтобы ты случайно себя не убил от горя.

– Зачем тогда вы поубивали почти всех, кого мы тогда встретили в Объединённых Королевствах во время путешествия?

– Мы убили только тех, кто был тогда опасен для вас. Дзанев должен возглавить Объединённые Королевства и присоединить вместе их к Империи. Все препятствия на пути к этому мы устранили без малейшей жалости. Мы должны быть и мы будем безжалостны! Мы не позволим жалости привести всех к гибели! Многие погибнут при любом исходе, и лучше они, чем мы. Точнее, чем все мы и вы вместе взятые. Из этого несовершенного мира деться некуда! Придётся жить здесь!

– А все людные места, где мы побывали, вы тоже истребили? Как-то не очень убедительно звучит – уж слишком было бы заметно. Да и следов истребления потом я тоже не видел, когда там снова побывал, а я бы их заметил, если бы они были. Не находишь?

– Вам тогда угрожали не места, а всего лишь определённые люди. Ты просто не можешь понять, с чем тут мы имеем дело.

– Да уж! Просветите недоумка! Почему вы решили, что у вас есть право решать всё за всех и почему все остальные должны топтаться на месте, только потому, что вам так захотелось или вы так решили?

– Потому, что мы это можем, а остальные – нет! Событиями надо управлять или события начнут управлять уже тобой.

Хоншед скривился и злобно засопел. Он хотел возразить человеку в рясе, но не мог. Он вспомнил всё, чему научился и понял за последние месяцы, если не годы. Он вспомнил даже уроки философии во дворце. Мир полон парадоксов. Рот предназначен для поглощения внутрь, но против желания очень трудно в него что-то запихнуть. А попа предназначена для выталкивания наружу, но запихнуть в неё что угодно против желания очень легко. Именно это, в переносном смысле, сейчас и делал с его сознанием человек в рясе, даже имени которого Хоншед не знал и не хотел знать. Но и в полностью безнадёжном положении сдаваться было не в его правилах и он продолжал сопротивляться.

– Я ещё понимаю, ещё как-то могу понять, что ради спасения всех надо было пожертвовать несколькими людьми. Но зачем вам это было делать с такой жестокостью? Некита вы подвесили на крюк и забили в голову гвозди, Вираниму вырезали все внутренности, надеюсь, что не живьём и вообще непонятно что сделали с Бышехом. Вы что, не могли просто их убить, раз так было нужно? Зачем вам надо было их так мучить? Вы хоть понимаете, какую боль причинили ребятам?!

– Чтобы напугать вас до нужной степени и тем самым направить в нужном направлении важные события мы пошли бы на любые меры и на любую жестокость. Цель важнее способа её достижения!

– Да, это я понял! Вы – ещё те лицемеры! – он сумел вспомнить вертевшееся в памяти слово. – Себя, любимых, вы не трогаете!

– У себя мы таких придурков, как ты и твои друзья, не держим. И даже своими людьми мы жертвуем без малейших колебаний, если это нужно для нашего и общего блага. Убийства спасут человечество! Про жертвование не нашими людьми вопрос даже не ставится!

– Вот про ваше благо это ты очень хорошо подметил. Только о нём вы и беспокоитесь, только о нём вы и заботитесь!

– Слепец! Ханжество это отрицание очевидного под выдуманным предлогом. – оборвал возмущения Хоншеда глава ордена.

– Тогда, почему вы такие жестокие, раз вы хотите для всех только хорошего. Или это такой способ самовыражения?

– Потому, что в будущем вас всех ждёт смерть и вымирание, но вы об этом просто не догадываетесь. Если бы ты мог видеть будущее так же хорошо, как мы, то ты бы понял, что люди ещё не готовы к такому развитию, какого им хочется. Если бы мы не сдерживали развитие человечества тысячелетиями, то сейчас бы ты жил в мёртвом и сожжённом дотла мире, заражённом настолько убийственной дрянью, что все современные болезни по сравнению с ней просто насморк.

– А как это можно сжечь весь мир? Это никаких дров не хватит! И угля тоже! И никуда люди не денутся – они живучие, хуже заразы.

– Глупец! Ты не поймёшь этого, пока не увидишь, а благодаря нам не увидишь ты этого никогда – мы об этом позаботимся, мы сумеем. И можешь даже не пытаться проникнуть в будущее сам – не с твоими способностями туда проникать. Не с твоими, а с нашими!

– Я как-нибудь сам разберусь со своими способностями! Если бы я знал, чем и когда что может закончиться, то никогда бы не...

– Легко, но неправильно судить прошлое с высоты настоящего. – оборвал Хоншеда человек в рясе. – Можешь не спорить.

Хоншед призадумался и уставился в стену перед собой. Его мозг не выдерживал такой напряжённой работы и тут же закипал при попытке осмыслить хоть что-то из ему сказанного и надежды понять не то, что всё, а, хотя бы, часть, не говоря уже про то, чтобы запомнить, становились всё призрачнее. Человек в рясе следил за его умственными терзаниями, наблюдая

за меняющимися выражениями лица. Не дожидаясь понимания он продолжил добывать Хоншеда своими выводами.

– И напоследок. Один из лучших путей к совершению новых ошибок, это строить рассуждения об устранении ошибок прошлого исходя из условий настоящего. – человек наконец решил помочь Хоншеду с нерешаемой его неподготовленным умом задачей.

Хоншед задумчиво почесал себя между ног.

– Вот именно, займись доступными для тебя вещами, да к тому же приятными. Ты уже слишком большой мальчик, чтобы развлекать себя ручонками. – довершил человек унижение Хоншеда.

* * *

Переночевав на нескольких постоянных дворах и в грязных ночлежках вдоль дороги всем троим удалось на себя собрать почти всю грязь и местных насекомых в таком количестве, что тело начинало местами нешуточно гореть и чесаться. Ещё к собственной грязи добавилась дорожная пыль и ехать в таком состоянии дальше стало уже совершенно невыносимо. К счастью для них, довольно скоро по пути встретилась большая река, причём широкая, глубокая и чистая одновременно, а не как до этого многие мелкие, грязные и вообще непонятно какие, то ли ручьи, то ли речушки. Такую возможность упускать было нельзя.

– Надо помыться, дальше я так ехать больше не могу. С меня уже насекомые сыплются! – потребовал остановиться Чимвог.

На реке по счастливому случаю оказалось много удобных мест. Дакама хотели связать и оставить на берегу, чтобы он никуда не сбежал, но немного подумав тоже решили помыться, чтобы, наконец, избавиться от изводивших их уже два дня кусачих насекомых. Чтобы заложник не уплыл на другую сторону, его привязали верёвкой за шею и пустили в воду. На всякий случай Чимвог стоял рядом держа верёвку.

– Не вздумай попытаться убежать или, тем более, утопиться! – на всякий случай предупредил наёмник заложника. – Я хорошо умею не только лишать жизни, но и возвращать к жизни. Больно!

Дакам с печальным выражением на лице молча кивнул в ответ. Он залез по грудь в прозрачную воду и попытался отмыть голову песком и глиной. Получалось неплохо. Рядом смывал насекомых и грязь Чимвог. Дакам как смог отмыл голову и вылез из воды, чтобы снять одновременно и постиранную на себе одежду. Потом он снова залез в воду и продолжил смывать грязь уже с голого тела.

Чимвог с его опытом наёмника справился со стиркой одежды и грязью раньше него и стоял держа верёвку рядом, на случай, если Дакам вдруг сдуру решится поплыть на другой берег. Императору нужен был живой заложник, а не продырявленный стрелами утопленник! Правда, верёвку тот предусмотрительно не трогал. Дакам закончил мыться и с удовлетворением осмотрел всего себя с ног до головы пристальным и самовлюблённым взглядом. Не считая некоторых, сильно искусанных насекомыми мест и нескольких синяков больше ничего не портило его внешний вид, недаром вызывавший у многих зависть.

Он вылез из воды немного выше колена и отряхнулся. Рядом стоял и молча наблюдал за ним Чимвог. Дакам внимательно осмотрел голое тело его владельца. Повсюду на Чимвоге были глубокие шрамы от ранений и белые, почти не загоревшие на солнце, рубцы. Складывалось такое ощущение, что этого человека рубили, кололи, жгли, рвали и делали с ним такое, что сложно было даже придумать, не то что представить. Чимвог немедленно заметил, как Дакам его разглядывает.

– Что, страшно? – подойдя поближе спросил он. – Думаешь, где меня так изуродовали? Наверное, спрашиваешь себя, как же мне было больно? И жалеешь, что меня не убили? А то бы тебя тут не было?

Дакам сжав губы смотрел на лицо Чимвога с не то печальщимся, не то скривившимся выражением лица. На лицо наёмника при других обстоятельствах без жалости смотреть было бы невозможно. В недавней молодости этот человек был красавцем, как Дакам, хоть и не похожим на него, но по лицу прошлись язвы, видимо ещё в детстве, потом уцелевшие места исполосовали шрамы, а кое-где были даже видны следы ожогов, как будто лицо обожгли горячей головнёй или факелом.

– Любуешься и втайне радуешься, как меня изуродовали? А ведь я могу легко то же самое сделать и с тобой! Надо всего лишь провести с небольшим нажимом несколько раз ножом по лицу, а потом прижечь и опалить порезы головнёй или прутот. И ни одна баба на тебя никогда в жизни по доброй воле больше никогда не посмотрит. Вы же все, утиемцы, помешаны на своей красоте как самые последние бабы. Что ни маленький народ, то новое большое уродство!

– Жалко, что тебя так изуродовали, наверное, поэтому ты всех так ненавидишь. Я не люблю, когда людей калечат. – ответил Дакам и печально посмотрел в воду перед собой. В спокойной воде колыхались и отражались их лица: взрослое Чимвога и почти детское Дакама.

– А что ты тогда любишь? – бесчувственно спросил Чимвог.

– Многое. Только тебе всё равно это будет неинтересно, как и всем твоим соотечественникам – никаонцам. Наш народ, в отличие от вас, живёт мирно и почти не воюет. Мы бережём свою жизнь и любим.

– То-то я и вижу, что даже ста лет не проходит, чтобы ваш народец по нескольку раз кто-нибудь в задницу насильно не отлюбил.

– А ты и рад? Что вы хорошего находите в истреблении других народов? Что вы вообще в этом находите? У вас же вся история – одни сплошные войны! Как вас вообще ещё не истребили?

– Потому-то и не истребили. Война это вся жизнь потому, что вся жизнь это война за выживание. Ты просто не представляешь себе, что это за удовольствие воевать, убивать, грабить и насиловать! Особенно насиловать! Изнасилование это самый настоящий праздник для воина! Я прямо членом чувствую содрогание внутри чужого тела, когда в его нутро входит часть моего, а она или он сделать ничего не может!

– Не представляю и даже не хочу представлять – мне такое было бы делать противно и никакого удовольствия. Зачем создавать самому себе проблемы? Зачем заставлять других ненавидеть себя?

– Насилие решает любые проблемы, даже связанные с насилием.

– Ты в этом уверен или просто меня запугать хочешь?

– Я не намерен запугивать или договариваться с теми, кого можно просто уничтожить! Жалко только, что запрещено.

Чимвог посмотрел на Дакама с головы до воды и ослабил.

– Свою первую женщину я изнасиловал всего в двенадцать лет – она была чуть постарше меня и пыталась кричать. Больше она ничего сделать не могла – её привязали к дереву кверху задом.

– И ты изнасиловал её в обе дырки?

– Точно! А ты догадливый! – восхитился Чимвог.

– Это предсказуемо. Чего ещё можно было ждать от тебя?

– А ты бы не воспользовался случаем вогнать?

– Я из богатой, известной семьи утиемского дворянина! У нашего народа не принято сломя голову гоняться за каждым удовольствием – это признак бедности и глупости. Мы, утиемцы, считаем, что в жизни все самые приятные удовольствия надо переживать медленно и не торопясь. Только пьяницы выпивают всё вино сразу.

– Рассуждаешь как баба! Если бы я не видел твой член, то решил бы, что ты – женщина. – понемногу начал раздражаться Чимвог.

– Иметь между ног половой член и мешочек с яичками, это ещё не значит быть мужчиной. – сострил Дакам.

Чимвог рассвирепел, он схватил Дакама за верёвку на шее, рванул к себе и намотал верёвку на руку, едва не начиная того душить. Глаза от злости у Чимвога сжались в щёлочки, лицо исказилось от ярости.

– Да я тебе оба яйца оторву вместе с их членом! Жалко, что нельзя тебя портить, а то бы оторвал или кулаком размозжил. А вот в задницу я тебя точно изнасилую! В твою женскую! пухлую! задницу!

– Насилуй, может успокоишься наконец. – неожиданно спокойно ответил Дакам. – Твоя озабоченность меня уже раздражает. Если тебе всё ещё хочется меня изнасиловать, то я не понимаю, как можно было в твоём возрасте и при твоём образе жизни ещё не нагуляться вдоволь и не понасиловать всласть? Может быть, после этого ты успокоишься и перестанешь на меня заглядываться, особенно на мой зад.

– У вас там что, всем и всё без разницы? Вы хоть знаете, что такое положение в обществе? – от удивления Чимвог даже выпустил из рук верёвку. – Вы там совсем дикие что ли? Каждое участие в походе или войне это шаг наверх! Каждое убийство это шаг наверх! Каждое изнасилование это шаг наверх. Каждое истязание это шаг наверх! Каждый разбой это шаг наверх! Каждое унижение врага это шаг наверх! И так до конца жизни! Шаг за шагом только наверх! Только наверх!

– Головокружительно! А ночью снятся мне сожжённые деревни и как бумажные горящие дома. – довершил восторженную речь Дакам.

– Я вспарывал людям нутро и вырывал их внутренности!

– Меня сейчас вырвет... – Чимвог шагнул в сторону.

– Жалко, что тебя нельзя трогать! Если бы ты был не моим заложником, а моей собственностью, то я мог бы тебя избивать, насиловать, истязать, мочиться и гадить прямо тебе на лицо и ты не мог бы с этим ничего сделать. Потому что ты был бы моей собственностью!

– Людей пугает не опасность, а жестокость.

– И что бы ты, бескостный отросток, смог бы тогда сделать?

– А я бы взял и подох. И тогда что? Ты бы развлекался с моим разлагающимся и смердящим безжизненным телом?

От ещё большего удивления у Чимвога округлились глаза и отвисла челюсть. Подобное решение Дакама не вписывалось в его понимание мира, как поражение по собственной воле. Он покачнулся, закрыл рот и несколько раз ткнул Дакама пальцами в грудь и живот.

– Что тебя так удивило? – продолжал тот.

– Я убил десятки человек, изнасиловал сотни, ограбил тысячи. Да, я это сделал не один, но я это сделал! А ты чего из этого достиг?

– Ничего, мне этого не нужно.

– И женщины тебе тоже не нужны? Зачем тебе тогда член и яйца?

– Чтобы не скучно было! Яйца есть – ума не надо! Член стоит – жизнь удалась! – это ваш общий никаонский подход или только твой, личный? Или у вас только наёмники такие в Империи?

– Значит и женщины вам тоже не нужны?!

– Почему? Нужны, только у нашего народа принято начинать жить с женщинами или мужчинами после двадцати лет, а ещё лучше – где-то двадцати пяти. Мы считаем, что раннее начало удовольствия предусматривает его раннее завершение. Спешка это удел бедных и глупых, а чем дольше ждёшь удовольствия – тем оно приятнее.

– Значит сожительствуете и мужчины с мужчинами? Извращенцы! Да вы там все просто мужеложцы поголовно! Уроды недобитые!

– Познакомившись с подругой своего друга я понял, что мужеложство извращением не является. Такая у него была подруга.

– И спиртное вы не пьёте до сорока лет?

– Почему? Мы пьём спиртное с пяти лет, но у нас не принято злоупотреблять спиртным потому, что пьянство и это удел бедняков и дураков. А ты про дураков и сам всё должен хорошо знать.

– И что я должен про них знать. – озлобился Чимвог, подозревая, что Дакам хочет его таким образом оскорбить или унижить.

– Дураки живут ничего не решая и ни на что не влияя.

– Я в первый раз встречаю девятнадцатилетнего девственника. – оскалился Чимвог. – У нашего народа и тринадцатилетний девственник это большая редкость. Или ты втыкал только мальчикам?

– Никому я не втыкал! Ещё навтыкаюсь!

Чимвог медленно провёл сверху вниз двумя пальцами по лбу, носу, губам, подбородку, шее, груди, животу и пупку Дакама, взял в ладонь и подержал на ней его член, потрогал пальцами мошонку. От его прикосновений Дакам весь напрягся, опасаясь за свою сохранность – одним рывком своей руки Чимвог вполне мог оторвать у человека палец, не говоря уже о более нежных и ранимых частях тела.

– Теперь понятно, почему ты такой унылый. В первый раз я вижу части тела, которыми человек не пользовался в девятнадцать лет ещё ни разу. Даже удивительно становится! – спокойно сказал Чимвог.

– Это слишком незнакомое тебе ощущение? – спросил Дакам, немного наклонив голову набок и успокоившись за свою сохранность.

– Да, редкое. – подтвердил Чимвог. – Гораздо более редкое, чем удовольствие. Я очень ценю это чувство. Любопытно, а каким ты станешь после первой женщины? Впрочем, скоро мы это узнаем.

– И да, – победоносно довершил Дакам свой словесный разгром Чимвога. – изнасиловать меня у тебя не получится.

– Это ещё почему? – насторожился Чимвог.

– Да потому, что я сам тебе предложу! Если тебе так нравится моя попка, то можешь вставить свой член в неё хоть прямо сейчас!

С этими словами Дакам неожиданно повернулся к Чимвогу спиной и согнулся пополам, выставив к тому свой зад и раздвинув половинки. На лице Чимвога отразились неуверенность и нерешительность – поворот был слишком неожиданный для его сознания. Дакам, дождав немного для закрепления успеха, выпрямился и повернулся к Чимвогу лицом – тот ещё стоял в замешательстве и растерянности.

– Ну что же ты? Или на меня уже не встаёт?

– Нет! Мне неинтересно брать то, что предлагают даром и насиловать то, что не сопротивляется! – огрызнулся Чимвог.

* * *

Империя достигла немыслимых высот в глубине падения нравов. И выражалось это если не на каждом шагу, то то уж точно на каждом пятом, если не втором. Чтобы не попасть в дурацкое положение Хоншед сразу после прибытия в столицу отправился осматривать её окрестности, чтобы познакомиться с местными порядками. Знакомство, как ни странно, не замедлило состояться, едва не стоив ему кошелька, но, как выяснилось, это было всего лишь поверхностное знакомство.

Одним из первых впечатлений от знакомства со столицей Империи оказалось случайное посещение им лавки пыточных приспособлений. Продавец в лавке распинаясь так, что начало казаться, что вот-вот к нему применят весь его товар. Чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, Хоншед решил изобразить заинтересованность.

– Я вижу большое разнообразие, сразу видно хороший товар.

– Жестокость это искусство, а любым искусством овладевать надо в совершенстве. Вот и книга у нас продаётся здесь же, «Искусство истязания» называется. Всё для освоения и применения!

С этими словами почти что скушавший до этого продавец бросился показывать ему, как работает каждое выставленное на продажу пыточное приспособление. От увиденных показов и словесных описаний от восторженного продавца Хоншеда начало мутить и передёргивать. Он видел пыточные и в родном королевстве, но пытки в Империи были с глубоким пониманием проработаны настолько, что превосходили всякое воображение. У него понемногу складывалось такое впечатление, что в Империи люди живут не для себя, а назло другим, что основная цель в жизни каждого имперца, это всеми возможными способами испортить жизнь всем остальным гражданам как можно сильнее. Продавец тем временем продолжал свой поток предложений.

– Вот это приспособление с шипованными валками для дробления и расплющивания пальцев или даже полового члена. Подбирая разные валки можно долго и плавно наращивать уровень причиняемой боли с необычайной лёгкостью. А с вот этим простым дополнением это приспособление может полностью оторвать мошонку даже не затронув яичек, после чего жертва будет испытывать в них нестерпимую боль, а особенно, если побрызгать на них уксусом или скипидаром.

У Хоншеда от услышанных подробностей посерело ещё со входа в лавку побледневшее лицо и собственные яички втянулись вглубь. Он с ужасом представил себе, как такое проделывают с ним или с кем-то из его друзей и ему стало плоховато. Продавец тем временем перешёл к разделу товаров другого предназначения из той же области.

– Если нельзя портить вид или тело истязаемого, то можно применить любое из вот этих приспособлений для удушения или для вливания внутрь. Я могу заверить, что не так быстро, но столь же надёжно добьётесь всего желаемого. Боль будет, а следов не останется.

Хоншед пошарил по карманам, нащупал кошелёк и сделал вид, что у него случайно не оказалось при себе нужного количества денег. Он пообещал составить список нужного и вернуться, как только сможет. Ещё некоторое время поплутав по улицам и насмотревшись на потаскух всех полов и возрастов он отправился в гостиницу, которую было бы правильнее назвать просто ночлежкой.

Но до гостиницы путь оказался коротким, а до ночи оставалось ещё долго и он отправился покататься по городу. Лучше бы он этого не делал! На одной из площадей столпилось огромное количество народа и шумная толпа воодушевлённо смотрела на сложное сооружение из деревянных столбов и толстых брёвен на возвышении посреди площади, где к столбам и брёвнам в многообещающих положениях были привязаны несколько совершенно голых человек. Вокруг с ухмыляющимися лицами суетились и готовились к работе несколько палачей. Рядом со столбами лежали заранее приготовленные пыточные приспособления.

В некоторых королевствах палачи обычно скрывали свои лица, но в Империи работа палачей оказалась весьма уважаемой, даже почётной. Особо высоко превозносились палачи-мучители и палачи-истязатели, которые могли месяцами пытаться и калечить свои жертвы, не давая им умереть и насильно заставляя их пить или есть, чтобы те не умерли от голода и жажды. Умерщвляющие палачи в Империи тоже от недостатка почёта и уважения не страдали. Всё это Хоншед уже знал.

По завершении приготовлений представление, наконец, началось и Хоншед увидел, как к открытой промежности растянутого и привязанного на брёвнах тела с вытянутыми в стороны почти в прямую линию ногами поднесли ковш с кипятком. Конец отростка погрузился в горячую воду и площадь огласилась нечеловеческим визгом и криком под радостные и одобрительные возгласы и собравшихся. Рядом в зад подвешенного вверх ногами тела воткнули длинную, похожую на стебель какого-то растения трубу и через воронку влили в неё кипяток.

Хоншед вряд ли выдержал бы долго это созерцание, но и сами привязанные для истязания были на вид не лучше их истязателей, так что сожалеть об их печальной и ужасной судьбе он не стремился, помня о подлейшем образом обворовавшем его подростке с умным и честным лицом. Чтобы своей глубокой задумчивостью не выделяться из общей толпы, он сделал вид, что с любопытством наблюдает.

Праздник истязания, тем временем, продолжался. К сооружению из брёвен привязали лошадь и кто-то слегка подвигал выпиравший внизу её живота ствол. Когда тот вытянулся почти до самой земли, готовясь встать, другой истязатель поднёс ведро кипятка с клубящимся над ним паром и до самого дна окунул в него болтающийся конец. Над площадью раздалось дикое, хрипящее ржание, больше похожее на нечеловеческий крик, на землю посыпался лошадиный навоз. Лошадь билась и пыталась вырваться, но не могла. Хоншеда от увиденного замутило до тошноты и стало невероятно противно дальше смотреть на безумные издевательства над несчастным животным. Он погладил свою лошадь по шее и поехал с площади, не оборачиваясь на духовных уродов.

– Вот ведь подонки сволочные! Выродки ублюдочные! Гадёныши паскудные! Лошадку мучают! – сказал он своей лошади. – Себя бы так помучили – может был бы больший толк. Не государство, а целое скопление уродов! Я себе такого раньше даже представить не мог!

Толпа за спиной восторженно гудела, глядя на мучения несчастной лошади. Хоншед в печали уезжал прочь с площади, от этого поганого места, не желая больше видеть это сумасшествие. Он впервые в своей переполненной насилием и жестокостью жизни увидел, чтобы люди в здравом уме получали неподдельное удовольствие от того, что кого-то истязают и пытаются просто так, забавы ради. Пытать людей – это ещё понятно, это хоть можно понять или придумать, за что. Но животных-то мучить зачем? Они же не виноваты в том, что почти все люди такие законченные уроды и выродки! Бедная! Бедная лошадка!

Животных, в отличие от людей, Хоншед любил и никогда не мучил, даже за дело. Как-то раз его исцарапала собственная кошка, но бить её он за это не стал – просто взял и окатил холодной водой. Неизвестно, насколько это возымело действие, но больше кошка его не царапала и вести себя стала в разы приличнее. Лошадей он тоже берёт и не морил голодом, старался не гонять сверх меры, а тем более насмерть, не прищипоривал со всей силы и не лупил кнутом. А собаки у него никогда не было – не сложилось у него завести себе собаку, даже мелкую.

На ночь Хоншед решил снять себе потаскуху. После скитаний по Вымершему Королевству и прочим гнусным местам с менее опасной, зато более разнообразной заразой у него со временем появились большие сомнения, что есть хоть какая-то серьёзная угроза ему заразиться чем-то для жизни опасным от местных потаскух. К тому же, всё равно воздух общий, дверные ручки общие, посуда и постель общие, а через руки любая зараза дойдёт куда надо и откуда только можно.

Но даже при таких обоснованных рассуждениях у него ещё оставались большие сомнения в необходимости рисковать собой без особой необходимости. В памяти речи мудрых наставников пробуждали упорные мысли о соблюдении необходимой осторожности. Никогда ничего не надо делать, если не знаешь, к чему это приведёт. Прежде чем калечить, надо подумать, как лечить. Прежде чем сломать, надо подумать, как починить. И к возможности заразиться без особой необходимости это полностью тоже относится! Он вспомнил, как недавно видел одно полусгнившее и покрытое язвами тело и его передёрнуло.

Раньше он бы никогда на такое испытание собственного везения не решился, но вспомнил недавний разговор с главой ордена и подумал, что из этой поездки может не вернуться ни живым, ни, тем более, здоровым. А лишать из чрезмерной осторожности себя любимого подходящей возможности получить хоть какое-то, но удовольствие, было не в его правилах. Он заставил раздеться догола и осмотрел внимательно всех выстроившихся перед ним в один ряд потаскух и выбрал себе из них наиболее понравившуюся и выглядевшую поздоровее остальных. В крайнем случае он всегда успеет если заразится или себя убить, или где-нибудь погибнуть, чтобы не сгнить живьём.

Хоншед и раньше видел совокупления много раз и людей и, тем более, животных, и людей с животными, и животных с людьми, и взаимные совокупления людей всех полов и возрастов чуть ли не во всех сочетаниях и не ожидал увидеть ничего нового, но ему просто было любопытно, что он и насколько сильно почувствует. Раньше, у других, он слышал и тихие стоны и натужное пыхтение и громкие вскрикивания, но у него ничего из похожего не было – он просто двигался, сопел, а иногда ещё и тихо рычал. И за это люди платят столько денег?!

Поразвлёкшись несколько раз вдоволь со ртом, передом и задом потаскухи он лежал голый с ней рядом и думал, что такое удовольствие не стоило потраченных на него денег. Непонятно было, почему другие люди столь часто шли на огромный риск подцепить страшнейшую заразу и сгнить живьём, чтобы всего немного вот так потыкать и больше ничего. Ну не стоит это удовольствие уплаченных за него денег!

Хоншед вспомнил, как он когда-то давно, забавы ради впихивал овцам и козам, сравнил с полученными ощущениями от лежащей рядом потаскухи и не заметил особой разницы, кроме той, что потаскуха ему стоила дороже и пользовались ей все желающие. Наверно, совокупление с любимой девушкой было бы приятнее, чем с потаскухой, но любимой девушки у него пока ещё не было и не предвиделось. Да и при таком образе жизни, который он вёл в последние годы, встретить хоть одну девушку, в которую он бы влюбился с надеждой на взаимные отношения, пока ему ещё не приходилось и не скоро придётся.

Нет, бывали девушки, которые нравились ему настолько, что у него на них напрягался член в штанах во всю длину, да так что аж прятать приходилось, чтобы не нажить неприятности. Но к ним он больше ничего не испытывал, кроме желания воткнуть поглубже, как, впрочем, и они к нему. Чем стервозней обычные девушки, тем дороже накрашенные потаскухи. Эту очевидную истину он узнал очень рано. Конечно, он мог бы проявить больше стараний чтобы добиться внимания и расположения к себе, но ему было лень – он считал гораздо ниже своего достоинства перед кем-то унижаться и чего-то просить и добиваться.

Так было и с девушками. «Я просто злой и мстительный! – считал и непрерывно убеждал себя он, – и поэтому я никому не нужен! Я не потерплю, чтобы мне указывали! – такой была его главная цель, – И поэтому не буду без достаточно веской причины прогибаться под слабых и глупых! – а все встречавшиеся ему девушки обычно представляли из себя и то и другое сразу.» Хотя встречались и довольно частые исключения, но им он был просто не нужен, совсем не нужен.

Ополоснувшись местами из обросшего зелёной плесенью ковша из бочки с водой в углу комнаты он со злости выгнал потаскуху и улёгся спать в полном разочаровании от полученного им опыта. Впрочем, он именно чего-то подобного и ожидал – чудес в этой жизни не бывает и не будет. Единственное, что его сейчас немного беспокоило, это подцепил он какую-нибудь неизлечимую или смертельную заразу на свой отросток от этой девахи или не подцепил? Впрочем, уже поздно надевать броню, когда стрела пробила тело. Всё равно передать эту новую, только что полученную и ему неизвестную заразу в ближайшее время будет просто некому. А может и нет никакой заразы.

* * *

К вечеру они добрались до ночлежки, очередной развалюхи при дороге. Все ночлежки Нивнылата были похожи между собой до степени полной неразличимости, как будто все их строили одни и те же строители. Даже все их владельцы как будто имели одно и то же испитое заросшее лицо на всех. Ещё при подъезде было видно, как хозяин порет на дворе кого-то плетью с такой силой, что избиваемый парень у них на глазах сначала обгадился настолько сильно, что заметно было даже сквозь штаны, потом плашмя упал на землю, то и дело вскрикивая от ударов, а через некоторое время и количество побоев совсем перестал шевелиться и дёргаться, похоже, окончательно подох. Чимвог первым спрыгнул с лошади, повертел головой, поводит из стороны в сторону широкой нижней челюстью, скривил перекошенную морду и подошёл к хозяину, презрительно, как через дохлое животное, переступив через лежащее на его пути окровавленное полуголое тело на земле.

– За какие заслуги ты потратил на него столько сил? – обратился он к хозяину с таким видом, как будто кто-то просто чихнул.

– Я его купил за долги себе в работники. Но такого строптивого и упрямого раба мне видеть ещё не приходилось. Мало того, что на его прокорм я тратил в полтора, если не два раза больше, чем на предыдущего раба, так он ещё и посмел со мной пререкаться, как вы, наверно, видели, как раз перед вашим приездом. Я такой дерзости ещё ни разу не видел! И ладно, если бы я был дурак и самодур, тогда ещё было бы понятно, почему он так взъерепенился, так я ему замечание сделал по делу, а он посмел меня послать и заявить, что ничего делать не будет.

Дакам насторожился и подошёл поближе. Даже плохие рабы стоят хороших денег, так что для такой невыгодной расправы нужна была в достаточной мере серьёзная причина. Но нет ли самоуверенный до безумия наёмник выяснять у хозяина все подробности случившегося? Как бы посреди ночи здесь не произошло чего-нибудь настолько весёлого, что утром уже некому будет просыпаться. Но как выведать всё у хозяина, не вызывая лишних подозрений у наёмников?

– Да скажи уже прямо, что натворил этот придурок! – Дакам для отвлечения внимания изобразил нахлынувшее любопытство.

– А ты разве не слышал? Я же вам про то и говорю.

– Это я всё понял, а за что ты ему замечание сделал?

– Так он понос у себя могучий развил, а лечить не захотел! А мне тут брюхомор или чулера не нужны! Они знаете, какие заразные?! Я и говорю ему, что мне заразный раб не нужен и пусть идёт полечиться к знахарю. Так он заявил, что понос у него постоянный и лечить он его не собирается и вылечить его никак нельзя и его и так всё устраивает. А меня не устраивает! Ни его понос, ни его, с этим поносом, прокорм, ни его возражения! Теперь я из-за него, скотины дохлой, ещё и убытки понёс! Кто мне теперь возместит потраченные на него деньги?

Хозяин рассчитывал на жалость и сочувствие напрасно. Не внимая всем уговорам снять комнату побольше или по комнате на каждого, на крайний случай две комнаты, Чимвог оставался непреклонен и хозяин бросил свои бесплодные попытки слупить с них побольше денег. Для них важнее было не удобство, а безопасность, а её обеспечить лучше всего можно было только в одной комнате, когда все на виду.

В ночлежке они сняли одну комнату на троих. Обстановка была не столько тесная, сколько до предела грязная. Одна кровать была двухъярусная, а под вторым ярусом другой кровати вместо четвёртой кровати располагался общий стол, за которым немедленно закипела пьянка. На всём была многолетняя грязь, а простыни были протёрты местами до дыр. Подцепить здесь какое-нибудь плохо поддающееся лечению и очень опасное для жизни заболевание – плёвое дело.

Дакам огляделся по сторонам и осторожно присел на край нижней кровати. Стирали простыни в ночлежке, очевидно, редко, это если их вообще стирали, так что пропитавшаяся

потом, и, наверное, не только потом, постель сильно воняла немытым телом и прованивала комнату.

– Что, не похоже на дворец или где ты там у себя дома жил? – не удержался от издевательств Чимвог. – А я так жил всегда, с детства, и никакой другой жизни не видел, пока не подался в наёмники.

– Это печально. Хотя простыни они могли бы и постирать, а грязь отмыть – это им позволило бы намного больше брать за комнату.

– Умный, значит? А кому эта грязь, кроме тебя мешает?

– Тебе она тоже мешает и раздражает, но ты почему-то терпишь.

– Потому, что меня научили терпеть, а не ныть как плаксивая баба по любому поводу, а иногда и без всякого повода! Ещё заплачь!

– А удовольствие от жизни ты получать не пробовал?

– Моё понимание удовольствия от жизни это когда у тебя не могут его взять и отнять, а у тебя его отнять ничего не стоит, раз у тебя даже не самая грязная комната всё удовольствие от жизни отбила.

Дакам понял бессмысленность спора и промолчал. Они с Чимвогом расходились не в мелочах их взглядов на жизнь а в самой их основе.

– Кстати, об удовольствии от жизни. Я обещал тебе потаскуху.

– Если у них такие простыни, то я представляю, какие у них здесь потаскухи! У них же лицо должно быть как задница!

– Не любишь некрасивые задницы? А ты закрой глаза или завяжи, чтобы тела не видеть. Лично проверял – всегда помогает! А если ты только лицо закрыть хочешь, то и мешка на её голове хватит.

Дакам догадался, что Чимвог ему подвирает. Мешок на голове для обеспечения неузнаваемости всегда был одним из любимых приёмов, когда надо никого не убить и тайну сохранить. Но зачем сохранять их лица от взгляда потаскухи, если сам хозяин их всех видел в лицо. Что и кому здесь может рассказать потаскуха? Хотя её можно прихватить с собой, а хозяин останется здесь. А что и кому помешает точно так же прихватить и хозяина? Или хозяин совсем не такой простой, каким на первый взгляд показался? А может, это просто уловка, чтобы вызвать у него ненужные подозрения и нарочно сбить с толку?

Если отбросить невозможность смотреть во время тыка на лицо, то потаскуха им на эту ночь досталась весьма неплохая и почти чистая, с большой грудью и круглым, не обвисшим задом. Хотя всё тело у неё в какой-то мере было немного мужиковатым. Видимо, тяжёлая работа в деревне развивает в женском теле мужские черты, но в таком унылом и заросшем грязью месте она была просто красавицей.

Чимвог стоял рядом со своей кроватью выпивая с помощником и с любопытством наблюдал, как Дакам лишается девственности с на всю ночь снятой ими потаскухой. Землетрясения не произошло, воздух не вспыхнул, гром не грянул и молнии над кроватью не засверкали.

Девушка пошла по кругу и после нескольких кругов Чимвог и Теваб уже больше пили, чем ей пользовались. С кровати доносилось пыхтение и шлепки голых тел. Дакам за последние часы прерывался только чтобы пустить Чимвога и Теваба или сменить положение. Чимвог уже от наблюдаемого на протяжении нескольких часов сношения Дакама с потаскухой испытывал дикую зависть, переходящую в тихую злость.

– Ну ты и редкий извращенец. – отметил он между делом, после того, как Дакам сменил несколько десятков положений.

– То, что вы называете извращением, у меня называется воздержанием! И у всего моего народа тоже! Или ты об этом не знал?

– И где же ты так научился, будучи девственником?

– На старших в детстве посмотрелся. – удивил ответом Дакам.

– Я и... – начал было Чимвог и заткнулся.

Ещё через несколько часов наблюдения за сношением злость от зависти сменилась завистью восхищения – у никаонцев совокупление считалось чем-то вроде разновидности сражения и неспособность его совершить считалась чем-то вроде разновидности небоеспособности, если не беззащитности. Впрочем, такое мнение бытовало не только у никаонцев. Дакам весь напрягся, потом расслабился, напряг и расслабил несколько раз обращённые к Чимвогу ягодицы, сжал и расслабил едва заметную при ночном светильнике тёмную дырочку между ними раз, потом ещё и ещё несколько раз, потом весь дёрнулся, расслабился и удовлетворённый содеянным слез с кровати, направившись к столу.

– Всё, хватит на первый раз, потом ещё продолжу.

Чимвог и, в некоторой степени Теваб тоже, смотрел на него с почти благоговейной завистью, переходящей в уже неподдельное искреннее восхищение. Подвигав челюстью Чимвог всё же спросил.

– Как тебе такое удалось? Тем более вчерашнему девственнику.

– У нашего народа принято получать удовольствие долго и мы никогда не торопимся его заканчивать. И не торопиться начинать, чтобы не надоело и не приелось раньше времени. Поэтому мы с двенадцати лет и не насируем женщин у столба, чтобы в двадцать не наскучило.

– Я всегда считал иначе, но сегодня ты поднялся в моих глазах.

Дакам пожал плечами, протяжно моргнул и запрыгнул на свою кровать над столом. С нижней кровати рядом раздалась шлепка тел и уже привычное сопение. Ещё через некоторое время к ним добавились не очень громкие стоны и вскрики. Пыхтение и сопение удвоилось, а под их сопровождение возня усилилась. «Вдвоём прут, в две дырки сразу, чтобы не расслаблялась.» – догадался он и выпил очередную кружку пива. – «Как бы не обгадилась ненароком, а то вони добавится.»

Попойка продолжалась, но даже пиво пить наравне с никаонскими наёмниками он просто не смог – складывалось такое ощущение, что они пьют не спиртное, а чистую воду. После выпитой четверти ведра Дакама уже основательно развезло и он голым завалился спать прямо рядом с такой же голой и до полусмерти затраханной ими потаскухой с мешком из плотной ткани на голове. Полюбовавшись на его пухлый, голый и совершенно беззащитный перед ними задок и поразмыслив, стоит ли напоследок впихнуть ему и потаскухе или только потаскухе, Чимвог и Теваб остановились на только потаскухе, решив, что столько дырок с усталости и опьяненности не осилят, а насиловать совершенно не сопротивляющегося Дакама просто скучно и не победоносно.

Что происходило дальше, после допивания ведра с пивом, осталось неизвестно, но ближе к рассвету потаскуха незаметно выскользнула под громкий храп наёмников из комнаты и там ненадолго наступила почти полная, нарушаемая только храпом тишина. Дакам утром прошёлся по комнате, осторожно потрогал пальцами дырочку в своей попе, видимо всё таки ночью напившись до беспамятства Чимвог оприходовал и его тоже, и то ли улыбаясь, то ли скалясь надел штаны, болтая из стороны в сторону слегка приподнявшимся и хорошо наработавшимся за ночь крупным отростком так, что чуть не зацепился им за стол.

* * *

На следующий день Хоншед немногим позже полудня неожиданно легко встретился с императором. От собственного успеха он даже сам слегка оторопел. С утра он привел себя в наиболее приличествующий предстоящему ответственному и торжественному мероприятию вид и собрав свои вещи начал готовиться к встрече с императором.

У него были большие сомнения, что император его вообще примет, а тем более примет уже сегодня и не заставит ждать пол дня. Империя очень большая и дел у императора, наверное, много так что весьма вероятно, что императору что сегодня, что не сегодня просто будет не до него. К нему, поди, государственные послы в очереди неделями ждут. Но, всё равно,

подготовиться к столь важной и ответственной встрече следовало как можно более тщательнейшим образом. Как говорится, к чему один раз не подготовишься, то всегда и случается.

Хоншед совсем недавно начал бриться и это слишком частое по его мнению занятие совершенно ему не нравилось – он ругался при этом так, что услышав его развесистые выражения морщились даже иногда случайно рядом оказывавшиеся Агхаб или Залим, что для последнего, как военного советника, было просто невероятно и удивительно, ведь всем отлично известно, что хорошо обруганный солдат в подбадривании не нуждается. Но при дворе был свой порядок и Хоншед старался соответствовать ему во всём, даже в самых мелких мелочах.

Бороды, особенно длинные, король Хоншеда не просто не любил, а люто ненавидел. На это у короля были свои основания, но Хоншед их не запомнил или не узнал. Как-то раз, прямо при нём, король схватил кого-то из некстати попавшихся ему на глаза бородатых придворных с очень длинной бородой за бороду, подтащил к столу и сам приколотил или прикрутил её чем-то деревянным к столешнице – точно Хоншед уже не помнил, что принёс придворный столяр или плотник – и так и оставил, приказав никому не приближаться и ничем тому не помогать. Почти весь день многие наблюдали, как придворный выдирал бороду из лица волосок за волоском корча просто невероятные рожи.

Закончив брить морду лица он ещё раз внимательно проверил свою одежду, чтобы не светился голый зад или спереди не высунулся конец и причесавшись ещё раз проверил сохранность писем от короля императору – все печати были на месте и совершенно целые, можно было не беспокоиться насчёт обвинений в подлоге, повредись хоть одна печать. Ну что же, теперь от меня уже не так много зависит. Я сделал всё нужное, только нужное и ничего, кроме нужного.

На площади перед самым дворцом императора собралась огромная толпа. Хоншед решил поступить мудро и не пробиваться сквозь толпу, наживая на ходу новые приключения и неприятности, а обошёл сзади дворец и вошёл с чёрного хода. Все сопроводительные письма короля возымели на стражников просто волшебное действие и его мало того, что пропустили без вопросов, а сразу же отвели к императору.

Встреча с императором оказалась не очень долгой, но скучной и не интересной для Хоншеда. Император прочитал все письма, посмотрел на него и позволил ему делать в Империи всё то, что позволено и всем её гражданам. Если вдруг у Хоншеда возникнут ещё какие-то вопросы или понадобится попасть в какое-то закрытое для всех место, следует зайти в имперскую канцелярию за письменным разрешением. Если он вдруг лично понадобится, то его вызовут к императору. На этом приём у императора был закончен и Хоншеду напоследок по дороге к выходу позволили прогуляться по дворцу в сопровождении стражи.

У самых дворцовых ворот начальник стражи неожиданно приказал всем остановиться. На дворцовой площади за время приёма Хоншеда у императора собралась ещё большая толпа и нестройный гул отдельных голосов превратился в хорошо согласованный поток оскорбительных выкриков и бунтовских призывов как против самого императора, так и его власти. Тем временем за железной оградой дворца незаметно для собравшихся плотными рядами быстро выстраивалась имперская гвардия с почти наглухо замотанными серой тканью лицами. Хоншед с любопытством наблюдал, как двор всё больше наполняется гвардейцами. Судя по их количеству готовилось нечто из ряда вон выходящее.

Рёв толпы нарастал и когда после перемены ветра в сторону дворца на площади уже подожгли бочки со смолой и серой, закрывшие своим едким дымом всё пространство перед дворцом, вся имперская гвардия двинулась в наступление прямо сквозь дым. Снаружи ничего не было видно – дым скрывал всё: и как распахнулись ворота ограды дворца, и как наружу выдвинулись копыя, и как эти копыя проткнули первых в толпе собравшихся прямо перед воротами бунтовщиков. Путь наружу был открыт и под завесой дыма гвардия выстроилась в цепной боевой порядок уже перед оградой дворца. За спинами плотных рядов копейщиков и мечников

несколькими рядами выстроились лучники и арбалетчики, за спинами и между отрядами которых выстраивалась легко бронированная пехота поддержки, вооружённая топорами, секирами, палицами, булавами, цепями, молотами, клевцами и ещё многими, так и не распознанными Хоншедом видами оружия ближнего боя. Дым на время отнесло в сторону, со стен дворца взревели сигнальные трубы и гвардия шагом двинулась в наступление на собравшихся.

Первыми по толпе бунтовщиков навесом ударили стрелы лучников. Вдалеке раздались крики, визг и вопли. Толпа дёрнулась и попыталась прорвать ряды гвардейцев – цепи копейщиков даже не сдвинулись с места. В оставшиеся между копейщиками просветы непрерывно стреляли лучники и арбалетчики. Ещё немного и перед цепью образовался вал из мёртвых тел. Раздались новые, отдающие приказы звуки труб и оцетинившиеся копьями цепи гвардейцев двинулись прямо по телам убитых вперёд. Толпа дрогнула и в суматохе началась бессмысленная толкотня, переходящая в беспорядочное бегство. Копейщики сразу же местами разомкнули ряды и сквозь просветы между щитами добивать разбегающихся бунтовщиков бросилась пехота поддержки.

Гвардейцы били и рубили попавших под руку бунтовщиков с такой силой и так яростно, что отрубленные конечности отлетали в стороны, наискосок разрубали спины так, что туловища едва не распадалась надвое, разбивали и раскалывали головы молотами так, что мозги брызгали по сторонам. По всей площади как на скотобойне стоял звук разрушаемого топорами мяса и ломающихся под ударами молотов костей. Мужчины, женщины, дети – все люди превращались гвардейцами на глазах у него в изуродованные куски окровавленного мяса и кровавое месиво под ударами гвардейской пехоты. Спину одного присевшего и пытающегося закрыть голову руками, пополам согнувшегося от ужаса бунтовщика гвардеец рубанул топором с такой силой, что полукруглое лезвие вошло в спину почти по рукоять. На земле повсюду оставались лежать люди: пронзённые стрелами, с разmozженными головами, проткнутые копьями насквозь, изрубленные до неузнаваемости. Площадь покрыли бесчисленные мёртвые тела, залитые всем, что только могло вытечь из человеческого тела и ещё более многочисленные, валяющиеся под ногами как мелкий мусор отрубленные конечности.

Дым почти рассеялся и Хоншед увидел, что площадь на самом деле окружена со всех сторон и отряды имперской гвардии выходят на неё с прилегающих улиц. Оцепление сомкнулось и остатки бунтовщиков были перебиты. Снова проревели трубы и гвардия перестроившись в походный порядок постепенно покинула усыпанную телами площадь.

Он стоял у ограды дворца и глядел на невиданное доселе зрелище, как на конец света. Он и раньше видел настоящую резню, и даже сам не один раз её устраивал, но никогда ещё не видел такого целенаправленного истребления своего собственного населения, да ещё и с таким впечатляющим размахом, что у неподготовленного зрителя, каким он точно не был, началась бы рвота. Ничего подобного Хоншеду раньше даже в страшных снах не снилось, а смотреть их он любил.

Через некоторое время после ухода гвардии на площади начали появляться первые люди, которые спешно начали обирать и обшаривать мёртвые тела, некоторые, наименее брезгливые, пробовали даже насиловать чудом уцелевших женщин или ещё кого, издали было не видно. На глазах у Хоншеда какие-то радостные и, непонятно с чего, весёлые подростки бегом потащили куда-то вдвоём целую отрубленную ногу, а один ещё и зажал под мышкой отрубленную чью-то руку.

– Зачем вам это? – не удержался Хоншед от глупого вопроса.

– Кушать будем! Человеческое мясо – такое вкусное! – радостно выкрикнули подростки, скрывшись в неизвестном направлении.

Хоншеда передёрнуло. Ко всем ему прежде уже известным ужасам Империи добавилось ещё и узаконенное государством людоедство. А ещё немного поразмыслив он вспомнил съеденный им вчера на ужин кусок очень вкусного мяса и его замутило. Неужели, это могла

быть и человечина? Неужели он сам невольно стал таким же людоедом как и они? Неужели он сможет к этому ужасу когда-нибудь привыкнуть? Он хорошо знал человеческую природу, несмотря на свой довольно юный возраст. Когда надо – на всё наплюют. Когда надо – про всё забудут. И он знал, что и к этому когда-нибудь привыкнет, хотя и не так скоро, как ему хотелось бы. К новым вещам очень медленно привыкаешь.

Всё только что произошедшее требовало немедленных объяснений. В конце концов он выполняет поручение государственной важности, а здесь на его глазах не двое нищих подрались за похлёбку, а чуть ли не произошёл государственный переворот, да ещё и прямо чуть ли не под самым носом у самого императора. Как такое могло произойти? Куда смотрели власти? Он знал, кто может ему ответить на его вопросы, но не был уверен, что этот кто-то даже захочет ему отвечать.

* * *

После короткого завтрака все быстро собрались и расплатившись с хозяином ночлежки отправились в одну сторону, а потом резко повернули в другую, чтобы усложнить и замедлить маловероятное, но, тем не менее, возможное преследование. Они ехали уже давно и Дакам то и дело ёрзал задом и заигрываяще поглядывал то на ехавшего справа от него Чимвога, то на его ехавшего слева напарника. Чимвог, видимо, с трудом, но вспомнил ночные события и обратился к Дакаму:

– А попка у тебя хороша! Лучше, чем у почти любой девушки!

– А как же запрет меня в неё тыкать? Что же мы теперь скажем по прибытии к императору? А если кто-нибудь ему донесёт, что меня по дороге в столицу мои же сопровождающие изнасиловали в попу неизвестно сколько раз? Это же страшно подумать, что с вами будет!

– А ничего не будет! Мы тебя сейчас подальше отвезём и в тихом и далёком от большой дороги месте потихонечку зарежем. А потом на постоянный двор вернёмся и спросим, не прибежал ли к ним над друг.

– Шучу я! Шучу! Кто там проверять будет? Или вы подумали, что я императору буду голый зад и дырку в нём показывать?

Раздалось громкое ржание. Наёмники представили себе, как Дакам подходит к императору, поворачивается, снимает штаны, раздвигает в стороны половинки, просит посмотреть, что сделали с его несчастной дырочкой и показывает пальцем на сопровождающих. Обличительная картина была бы неполной без выкрика императора: «Эта девственная попка предназначалась мне! Я за такую выходку прикажу с вас шкуру живьём содрать! Вы испортили единственную девственную дырочку в моей Империи!». Двусмысленность высказывания прямо бросалась в глаза. Любопытно, а есть ли у Империи в переносном смысле дырочка в попе? И где у неё попа? И сколько их есть у Империи! И можно ли в неё изнасиловать уже саму Империю? И как? И чем?

– А ты сильно не переживай раньше времени – мы тебя не сразу зарежем – мы тебя сначала как девочку изнасилуем по нескольку раз каждый, а только потом зарежем, почти не больно. – заржал Чимвог.

– И вам совсем не будет меня жалко? Даже мою такую беленькую, такую кругленькую, такую упругую, такую горячую, такую глубокую и такую тугую попочку? Которая вам так понравилась!

– Не переживай – мы себе найдём ещё. Не ты первый – не ты и последний. Знаешь, сколько я за время войн повидал и перенасиловал мужчин и женщин, девочек и мальчиков? Да ты себя за свой конец не дёргал столько раз, сколько я людей изнасиловал и убил!

– Я помню – ты недавно рассказывал, хвастался.

– Я не хвастался – я говорил правду! Я не такой убогий, как ты!

Дакам сделал вид, что пропустил оскорбление Чимвога мимо ушей и продолжил выводить намерения своих сопровождающих дальше. От ночлежки они отъехали уже далеко и наис-

косок, так что видеть их со стороны дороги было уже трудно. Убивать его Чимвог в ближайшее время не собирался, иначе давно бы уже это сделал. События развивались не как было наметено им, но в близком направлении. Оставалось довести всё до конца и тогда половина дела уже будет сделана. Во всяком случае, до столицы наёмники его точно довезут почти в целости.

– А тебе что больше нравится, убивать или насиловать?

– Женщин мне больше нравится убивать – они сильнее держатся за жизнь, а мужчин больше нравится насиловать – они это хуже переносят. Мужчина больше боится стать женщиной, чем умереть.

– Странно... а я никогда не боялся стать женщиной, в смысле, что родиться. Чего такого ужасного в том, чтобы быть женщиной?

– У тебя в зад будет на одну дырку больше, тебя будут ставить на четвереньки, садиться сверху, придавливать в углу, тискать за грудь и лапать между ног, а ты будешь настолько слаб, что не сможешь ничем никому ответить. В десять лет, если не раньше, тебя продадут замуж и подложат под любого выгодного мужчину, хорошо, если ровесника. У тебя будет болеть грудь от побоев и зад от разрывов. Нравится?

– У меня в стране с женщинами так не обращаются.

– Да потому, что вы – дикари! Вы даже не понимаете, что такое и зачем нужна сила. Вы даже не понимаете, что такое власть силы!

– Ты намного стал сильнее, когда меня изнасиловал?

– Я доказал, что я могу тебя изнасиловать или убить, когда захочу, а ты ничего не можешь против меня сделать. Нравится быть слабым?

– Нет, не нравится, но тебя насиловать мне точно не хочется.

– Что? Рожей не вышел? Не нравлюсь? Небось хочешь подложить себе такую же бабу или такого же, как ты, женоподобного парня?

– Предпочитаю баб. В столице обязательно найду себе бабёнку!

– А ты сам теперь бабёнка! Ты у нас теперь – девочка!

Дакам запустил руку себе в штаны, пощупал себя спереди, вынул и вытер о штаны руку, пожал плечами, сделал удивлённое лицо, посмотрел на Чимвога и промолчал. Чимвог брезгливо скривился.

– Что, уже обмочился от страха? Или потёк из щели как баба?

– Мешочек и отросточек на месте, щель не обнаружена. – Дакам отбил выпад Чимвога на удивление находчиво и сообразительно.

– А ты поближе к зад поищи, может, найдётся. Или ты думал, что быть мужчиной это носить что-то спереди? Это не член и яйца красят мужчину – это мужчина красит член и яйца. Понял?

– Понял. А в какой цвет красят? Я немного не догоняю.

– А куда засунут, в тот цвет и красят! Всё понятно? И кто больше подомнёт под себя других, тот и больше мужчина. Член это не только средство размножения – член это ещё и средство унижения. Не было бы члена – была бы дубина. Но каждой заднице от этого легче бы не стало. А задница в нашем случае это ты и твоя задница.

Сложность рассуждений Чимвога потрясала. Для наёмника без как образования, так и даже средних способностей ума, Чимвог строил до того сложные и длинные построения выводов, что их полная последовательность удивила бы даже выдающегося учёного, а особенно наличие таких умозаключений у Чимвога. Любопытно, что сам Чимвог не очень понимал, зачем и что говорит, а как будто повторял за кем-то по памяти что-то давно услышанное и выученное наизусть.

– Хорошо, что я в уборной побывал уже с утра и после моего зада уже ничего не окрасится, если вы мне только его дубиной не порвёте.

– Не переживай! Дубиной – не порвём, а путь ещё долгий.

Соображения Дакама полностью подтвердились – убивать его или продавать наёмники точно не собирались. Теперь надо было только не допустить глупой ошибки, чтобы всё не пошло наперекосяк и они оба не передумали. Но всё нуждается в проверке и перепроверке.

– Это хорошо, что не дубиной. Мне аж полегчало! Вы когда меня в следующий раз в попку будете переть, вы дырочку маслом смажьте и внутрь немного влейте. Увидите тогда, как хорошо всё пойдёт.

– Какой ты у нас предусмотрительный и сообразительный! Мы не забудем, с Тевабом, воспользоваться твоим советом! И очень скоро! А что ещё полезное и нужное ты нам расскажешь о своей хорошенькой и замечательной попке? Может она у тебя ещё что-то полезное умеет, кроме как со свистом вонючий воздух выпускать и гадить?

– Я хвастаться и обещать напрасно ничего не буду, но есть у меня не только замечательная и уже опробованная вами попка сзади, а ещё и кое-что удивительное спереди, чего вы никто ещё не видели, а, тем более, не трогали. – наёмники на ходу замерли от любопытства.

Дакам улыбнулся и хитро посмотрел на Чимвога.

– Если вы будете себя и дальше так же хорошо вести, то я вам ещё многое покажу. Хотите? – подыграл он им обоим.

– И что ещё ты можешь нам показать не снимая штанов? – пошутил Чимвог предвкушая новую пошлость и новые надругательства.

– Вот, смотрите. – Дакам на ходу развязал верёвку штанов и оба, Чимвог с Тевабом, нагнулись, чтобы посмотреть, что там.

Дакам обхватил их обоих руками за шеи приближая и наклоняя над своей промежностью пониже, чтобы они могли получше рассмотреть. Наёмники нагнулись, устремив свои взгляды на развязанные спереди штаны Дакама, ожидая разглядеть внутри них что-то новое. Это было их последней ошибкой – по вытянувшимся вперёд шеям обоих наёмников прошли острые лезвия спрятанных Дакамом в рукавах ножей и на грудь полились потоки крови. Дакам резко дал на лошади вперёд выхватывая поводья и ускоряя лошадей с двумя ещё сидящими на них телами, отчаянно пытающимися хоть как-то зажать руками перерезанные наполовину шеи. Когда всё было кончено и оба наёмника были на вид окончательно мертвы, он притормозил, отвёл за поводья лошадей к ближайшему крепкому дереву, привязал их крепче и забрал у них мечи. Дакам спрыгнул сам и сбросил мёртвые тела на землю. Лошади испуганно дёрнулись, но сорваться не смогли. Одному за другим отрубив обоим наёмникам головы Дакам зашвырнул их подальше в кусты и отвязав лошадей от дерева привязал их поводья к своему седлу.

– Вот так! Может попка у меня и женская, но ваши безмозглые головы ещё глупее моей попки! Это же надо так расслабиться, что взять и поверить перевозимому заложнику! Ну а теперь, мы посмотрим, что скажет император, когда не получит ни заложника для себя, ни вас для весёлых пыток в наказание. Я так думаю, что хорошая война вас всех развлечёт надолго, никаонцы никчёмные! Что ни маленький народ, то новое большое уродство. Вы хотели войны – вы её получите!

* * *

Во дворец его пустили без разговоров, как будто ждали. Император стоял на балконе дворца и смотрел на ту самую площадь, когда к нему привели Хоншеда. Немного подумав, как надо правильно обращаться к императору, Хоншед забормотал себе под нос нечто нечленораздельное, но император обратился к нему первый не дожидаясь вопросов.

– Удивлён увиденным?

– Ваше... – опять начал мычать Хоншед, опасаясь всё испортить своей невоспитанностью и невежливостью, а тем более – грубостью. Он всё-таки говорит с императором и не у себя дома и не личным тут, а государственным делом занят... Это вам не яйца почесать!

– Можешь обращаться ко мне как и к своему королю. – разрешил ему император видя затруднения с обращением к нему.

Хоншед вспомнил, как он обращался к своему королю, пока жил во дворце и понял, что не надо делать очередную глупость. «Ещё только не хватало своими бесконечными грубостью и хамством довести дело до войны со столь могущественной Империей.» – подумал он.

– Ваше Императорское Величество, – вспомнил он самое распространённое обращение придворных и переделал на нужный лад. – Не далее часа назад я был свидетелем очень странных событий. Могу ли я осмелиться узнать, что произошло на площади?

– А ничего такого особенного не произошло, всего лишь обычная попытка государственного переворота. Ненависть народа вырвалась в очередной раз на свободу и не нашла себе лучшего применения.

– И Вы так спокойно мне об этом рассказываете? Это же попытка свержения Вас, императора огромной империи!

– Это всего лишь очередная успешная попытка сделать очередную безуспешную глупость ради ещё одной успешной глупости.

– Прошу прощения, но я не смог уловить смысл Ваших слов.

– В моих словах всегда есть смысл, даже когда его нет. – весело и с нескрываемым удовольствием пошутил император, глядя на глубоко задумавшегося над его словами озадаченного Хоншеда.

– Но разве Вы не боитесь, что рано или поздно, даже если просто случайно, у них получится добиться успеха? В жизни всякое бывает!

– Лучше поздно, чем посмертно. – отшутился император.

– И часто в Империи случаются такие события?

– Обычно подгадывают к смерти очередного императора, тогда по всей Империи начинают устраивать беспорядки. Я уже довольно стар и скоро Империи понадобится новый, молодой император. Возможно, что подстрекатели этого бунта подгадали всё как раз к твоему приезду, чтобы ты увёз обратно в Объединённые Королевства не то, что есть на самом деле, а соответствующие их ожиданиям новости.

– Но я же прибыл в Империю совсем недавно! Как можно за столь короткое время собрать столько единомышленников и вывести на площадь? У каждого же своё мнение по любому поводу.

– Все люди мыслят одинаково, – император отмахнулся от глупости. – просто некоторые не умеют это скрывать.

– А зачем устраивать заранее обречённое на поражение восстание, да ещё и с таким количеством жертв? Неужели было сразу непонятно, что гвардия всех перебьёт и ничего это восстание не даст?

– Надо вовремя избавляться от своих и не только своих друзей!

– От каких друзей? – не понял Хоншед.

– И от соратников. – добавил император. – Сразу видно, что ты никогда не занимался политикой. Человеческая жизнь вообще ничего не стоит по сравнению с ценностью некоторых вещей.

– О! Теперь я понимаю! Сохранность Империи превыше ценности жизней отдельных её граждан. – попытался поумничать Хоншед.

– Немного не так. Для успеха мероприятия иногда важнее пожертвовать другими... – император не договорил. – Есть люди, которые действуют, а есть люди, которые ими руководят и так происходит уже давно. Вторые рвутся к власти жертвуя первыми. Так понятно?

– А что мешает найти и прикончить руководящих подстрекателей?

– Бесплезно убивать мучеников.

На лице Хоншеда изобразилось невероятное напряжение мысли. У него снова возникли такие же ощущения, как тогда, когда он говорил с главой Ордена Замкнутого Пути – ничего не понятно!

– А какой дурак поверит в благие намерения людей, которые такое вытворяют? Неужели никто не видит, что для своей же пользы вместо себя они подставляют других? Да ещё и на убой отправляют.

– Вера в доказательствах не нуждается.

Хоншед умолк, не зная, что возразить. Он ожидал увидеть на месте императора злого, безумного, глупого, жадного, бесстыжего человека. Хотя нет, с безумием он явно погорячился. Жадность побеждает даже безумие! Наверно потому, что жадность это проявление человеческого безумия в его наивысшей степени. Он ещё подумал и осторожно начал высказывать свою догадку, которую где-то услышал или вычитал.

– Я, кажется, начинаю понимать. Есть некие люди, которые всегда против любой власти, но им такое положение нравится и они нарочно каждый раз проваливают очередную попытку её свержения, иначе им придётся уже не только говорить, а ещё и что-то делать, а сделать они ничего не могут, а ещё, к тому же, не умеют и не хотят.

– А если за этом делом их ещё и убить, народ обязательно сделает из них героев и мучеников, борцов за правое дело и так далее и начнёт их превозносить. – с удовлетворением подтвердил император.

– Я всегда подозревал нечто подобное! Нельзя верить лжецам!

– Истинная правда! Для того, чтобы хорошо управлять Империей, необязательно быть безжалостным извергом. Но это помогает! Только это не про меня – я предпочитаю действовать не напрямую.

– А как же Вы тогда со своими врагами боретесь? Нельзя же всем врагам всё прощать и допускать всеобщую их безнаказанность – они же тогда совсем обнаглеют, на голову сядут и ноги свесят.

– В Империи всё происходит по воле императора.

Хоншед уже было открыл рот, чтобы возразить, но умолк. Внезапно до него вдруг начал доходить скрытый смысл ответов императора. Всё происходящее в Империи это постановка для незнающих и недалёких людей, а власть управляет не людьми, а сознанием людей и управляет настолько умело, что люди этого даже не замечают.

– А если что-то пойдёт не так и к власти прорвётся кто-то из этих любителей кровавых переворотов? Они же даже своих не жалеют!

– Это уже было и не раз – Империя выстояла и даже не шелохнулась. Ты просто не знаешь основ государственного устройства. Любая власть устанавливается не сразу и не навсегда, как времена года. Есть четыре периода становления государственной власти в государствах с имперским укладом управления: криминализация, коррупциализация, легализация, бюрократизация. Потом власть рушится и всё начинается заново и так продолжалось и будет продолжаться до бесконечности.

– Я не понял некоторых слов. – замялся Хоншед.

– Преступники, взяточники, узаконивание, чиновники. Остальное толкование ты сам легко можешь найти в библиотеке.

– Я понял! А разве чиновники под конец не могут удержать власть в своих руках? У них же всё для этого есть! Или чего-то не хватает?

– Допускать до власти любых чиновников это всё равно, что доверять на хранение пьяницам выпивку или дымокурам дурь-траву.

– Возможно, я скажу сейчас глупость, но разве нельзя привлечь к управлению государством, то есть Империей и всех, даже простых, её жителей? Тогда, наверно, не будет каждый

раз всё переворачиваться с ног на голову и не придётся каждый раз начинать всё с начала. Пускай хоть как-то участвуют и все довольны будут.

– Это уже было, причём было давно и всегда плохо заканчивалось. Всё равно до власти дорывались только избранные, а остальные были вне игры. Получалась борьба за одобрение большинства, и неизбежно следовало что политика это битва денег за правдоподобие.

– И с тех пор в политике ничего не поменялось?

– Действующие порядки сами долго не меняются.

– Но я осмелюсь предположить, что порядки можно и поменять.

– Старые люди не любят новые вещи. А я стар. И порядки тоже.

– Но я подозреваю, что это не основная причина.

– И правильно делаешь – основная причина гораздо страшнее! У власти не могут быть все, даже если попытаются между собой договориться. Если все отвечают за всё, это значит, что никто не отвечает ни за что. Если каждый должен или обязан всем, а все – каждому, значит никто никому ничего не должен и ничем не обязан. А если каждый занят всем, это значит, что никто не занят ничем.

Хоншед задумался надолго. Всё его мировоззрение рухнуло под натиском доводов императора как домик из щепок от удара ногой. Но их умственная битва ещё продолжалась и сдаваться он ещё не собирался. Да, не надо много ума, чтобы начать войну – много ума понадобится, чтобы её не проиграть. Главное теперь – не ошибиться и подыгрывая императору не переубедить самого себя. Многие попадали в ловушку собственных заблуждений – немногие выжили.

– Мне даже страшно у Вас об этом спрашивать, но если под конец у власти всё равно оказываются чиновники, то почему они сами не назначат своего, нужного им для себя императора и всё не успокоится?

– Когда-то, ещё в детстве, мой учитель ответил мне на этот вопрос и я хорошо запомнил ответ. Никогда нельзя до власти допускать никакие службы, в смысле людей из государственных служб по охране порядка в государстве, военных или службы государственной безопасности. Вы получите или плохое управление государством или разросшуюся до невероятных размеров коррупцию. Впрочем, зачастую эти две беды могут и совместиться. Поэтому глупостей и не делаем.

– А чиновники сами не могут бороться с этой кор... кору... коррупцией...

– Чиновники против коррупции это как пчёлы против мёда или то же самое, что собаки против мяса. Ты можешь представить себе нечто подобное? Вот и никто не может, а жизнь тем временем продолжается.

– А как же тогда в Империи приходит к власти новый император? В королевствах власть короля обычно передаётся по наследству.

– Но только не в моей империи! Здесь всё происходит совершенно иначе и каждый следующий император никак не связан ни с предыдущими императорами, ни их окружением. Именно поэтому Империя до сих пор не развалилась – мы разорвали порочный круг.

– А можно узнать, каким образом вы находите нового императора, если не по его наследникам? – не удержался Хоншед. – Как в Империи появляется новый император, если он не наследует власть или не назначается предыдущим императором хотя бы?

– Последние тысячи лет, а точнее всю последнюю тысячу лет уже точно, у нас в Империи всех императоров назначает имперский совет. Подробности можешь прочитать где угодно – ты грамотный.

– То есть, у имперского совета больше власти, чем даже у императора? Простите, если я неправильно понял – я в этом не разбираюсь.

– Только во время смены императоров если не нашли подходящего или что-то пошло не так. Нового императора начинают подбирать ещё при жизни действующего. И совсем даже

не одного! Так что Империя никогда не остаётся без власти, за исключением редчайших случаев.

– И насколько редчайших? – от напряжения Хоншед аж вспотел.

– Несколько раз в тысячу лет – не чаще. Последний такой случай был около двухсот с лишним лет назад, про него уже почти все забыли сейчас, но кому положено – те всё помнят, что в летописях записано.

– А почему тогда просто не запретить все выступления и подстрекательства против государственной власти как вредные?

– Потому, что наши императоры глупостей не делают. Самый лучший способ разжигания экстремизма это борьба с экстремизмом.

Новое неизвестное слово снова поставило Хоншеда в тупик. Император это заметил и подсказал как учитель отстающему ученику.

– Впадение в крайности. Ничто так не раздражает и не подрывает уважение к власти, как её бессмысленные действия, особенно запреты и ограничения. Придумайте как можно больше бессмысленных запретов и ограничений или требований и вас обязательно возненавидят!

– Но разве запрет ругать императора бессмысленный?

– С чьей-то личной точки зрения – да. Проще бороться с последствиями человеческой глупости, чем с самой человеческой глупостью.

– А подстрекать окружающих к перевороту?

– Есть целых пять шагов на пути к государственному перевороту: ввести как можно больше бессмысленных запретов и ограничений для обыденной жизни граждан, ввести как можно больше бессмысленных запретов и ограничений в творчестве, начать всеобщие преследования нарушителей и установить суровые наказания за нарушение бессмысленных запретов и ограничений, а в дополнение начать преследование за критику и довершить преследованием за инакомыслие. Примерно в таком порядке. Чтобы не сделать пятый шаг, лучше не делать первый.

– А если к власти прорвутся эти... как их... – Хоншед задумался, вспоминая новое, только что услышанное слово. – экстремисты?

– Экстремистов нельзя не допускать к власти, а иначе они возьмут её сами. – наставил император Хоншеда на путь спасения.

– А если заменить всех чиновников разом? Всё изменится?

– Не бывает не берущих взятки чиновников – бывает мало денег. Не бывает честных и порядочных людей – бывает мало предложили.

– С этим я не могу согласиться потому, что я видел обратное.

– За сколько бы ты согласился убить или замучить своего лучшего друга – Дзанева? – неожиданно спросил император. – Или предать, продать, подставить или чего ещё там с ним захотят враги сделать?

– Ни за что! Даже вся Империя с Объединёнными Королевствами столько не стоят! Он спас меня из тюрьмы, когда меня...

– И сколько таких как ты на все тобой перечисленные места?

Хоншед умолк и загнул пальцы на руках. Пальцы не закончились.

– Итого: меньше десяти, а было столько уверенности! Общественная ценность человека определяется разностью приносимой пользы и наносимого вреда. – подытожил император.

– Неужели всё так просто?

– Но ты же когда-то был разбойником?

– К сожалению.

– А теперь ты уполномоченный представитель своего короля и от его имени ведёшь переговоры с императором.

– Я очень старался измениться к лучшему.

– Тогда продолжай стараться и дальше. А ещё постарайся сделать полезные выводы из нашего разговора, когда вернёшься домой.

– Я весьма рад, что наши встречи проходят в такой дружественной обстановке, не хотелось бы нажить врага в лице самого императора.

– Теряя с такой скоростью врагов я скоро без друзей окончательно останусь. – пошутил император напоследок.

Хоншед уходил разгромленный, но не побеждённый. Он уносил не победу, но, в каком-то смысле, гораздо лучше. Он теперь знал, что истинную правду об Империи надо искать не вокруг императора и не во дворце, а там, где никто никогда бы и не подумал искать.

– Если бы не твоё неполное образование, то из тебя получился бы хороший имперский советник. – догнали его слова императора.

Император смотрел вслед удаляющемуся Хоншеду. Рядом, немного позади, стоял один из имперских советников и с глубоким сомнением смотрел в ту же сторону. Хоншед скрылся за широкой дверью и взгляд императора повернулся к советнику, тот молча смотрел перед собой.

– Думаешь, получилось? – неуверенно спросил император.

– Я думаю, что стоит попробовать – хуже не будет. На мой взгляд он достаточно предсказуем, чтобы его использовать в своих целях.

– Я не заметил в его рассуждениях сильной логики – она у него с изъятиями, хромает и виляет из стороны в сторону.

– Логика у него есть, но своя, собственная. Не надо искать логики в мышлении озлобленного на несправедливость жизни, помешанного с детства на справедливости человека. У Хоншеда ненависть переплетается с верностью, а это хорошее основание для подвигов и ошибок.

– И на пути ошибок вы собираетесь его искусно направлять?

– Сила Империи в управлении хаосом. Как император уже на протяжении многих лет Вы прекрасно знаете, что Хаос это более сложная разновидность Порядка, а Порядок это более сложная разновидность Хаоса. Искусство управления чем угодно заключается в налаживании правильного взаимодействия между ними. Только и всего.

– Когда я в свои молодые годы только стал императором, я думал, что хаос это развал, а порядок это процветание. А потом один из моих советников объяснил мне великую истину их взаимодействия и объяснял, пока я не понял. Хаос это не разрушение! Хаос это созидание!

– Вот именно сейчас то же самое происходит и с Хоншедом.

– Может его переманить к нам и назначить командовать или чему-нибудь учить солдат в армии? Будет приносить пользу.

– Умным служба в армии противопоказана. Военный должен быть не умным, а исполнительным. Из Хоншеда не получится ни слуга, ни военный, но из него получится отличный разведчик, что нам и надо.

Император задумался. Образ Хоншеда ещё стоял перед его глазами, но к добродушной внешности прилагалась неудержимая ничем ярость и подпустить к делам государства, тем более – Империи, человека, у которого настроение может возобладать над здравым смыслом...

– Я за Империю не боюсь, пока ещё никто не смог её разрушить за тысячи лет, я боюсь за миллионы, десятки миллионов людей, которые могут погибнуть в случае моей ошибки. Они верят в то, что видят или слышат, но они совсем не думают и не задумываются. Они вообще никогда ни о чём не думают никто! Они не думающие – они верующие! Бесплезно людям верующим объяснять, что Бога нет. И точно так же бесполезно убеждать их не влезать в очередное пекло.

– Чтобы очистить этот мир от верующих, его придётся сжечь. Но я готов пойти даже на это! – улыбаясь возразил советник.

– Мир не сожжёшь, это в силах только богов, а боги про нас давно забыли, очень давно. – грустно ему ответил император.

– Мы предали своих богов, а боги не прощают, когда их предают.

– Люди тоже. Предательство оправдывает любую ответную жестокость, а жестокость вообще оправдывает всё.

– Боги это не люди. Жестокость смертных – ничто в сравнении с жестокостью богов. – загадочно предостерёг советник.

– Если бы Хаос был религией, то я был бы верующим.

– Вы преуменьшаете свои умственные способности. Полноценные люди в религиях не нуждаются. Религия это удел неполноценных. Но Вы же знаете, сколько в Империи рабов. У рабов и религия рабская.

– Это не вызывает никаких сомнений. А ты-то сам во что-нибудь, кроме правильности пути Хаоса, ещё веришь? – спросил Император из чистейшего любопытства, хотя уже заранее знал ответ, который он слышал многие годы ото всех имперских советников.

– Религия и я несовместимы! – злорадно возразил советник.

Император глубоко вздохнул. Не надо бояться попасть в ад, если ты уже в пекле. Он ещё раз внимательно посмотрел на своего советника, имперского советника, одного из многих. Таких в ад не берут – такие адом руководят! Самому бы там не оказаться ещё при жизни...

– А что Хоншед один сможет сделать, если о нём никто ничего не знает? – осторожно задал наводящий вопрос император.

– Хорошие подстрекатели в прославлении не нуждаются.

– Как бы его у нас не распяли живьём на крюках или ещё чего похуже не сделали. А то всё дело сорвётся по чистой случайности.

– Случайностями мы давно научились управлять – не распнут. И кого попало у нас не распинают – распятие на крюках или что-то похожее нужно ещё заслужить. А сколько этих самозванных спасителей у нас уже было и ещё будет? Прямо уже слышу на каждом углу вопли о гибели очередного спасителя Империи. Распяли, распяли спасителя... Как будто его одного только и распяли! Много чести!

– Выглядит он для Империи не очень грозно, не поверят в него.

– Поверят, ещё как поверят! Он всех заставит в себя поверить! Ничто не вселяет в людей такого безграничного ужаса, как добрый шут с оружием в руках. А это как раз про него и его поведение.

– Значит, не поймут. А если он ведёт или поведёт свою игру на две или три стороны? Как мы об этом узнаем? Вызовем и спросим?

– Он себя выдаст. Каждое действие или бездействие что-то да значит. Он всего лишь бывший разбойник с замашками борца за справедливость. Такие не умеют надёжно скрывать свои намерения.

– А если ему это уже удалось? Его же послали на разведку, а он об этом нам ни слова не сказал. Что ты на это скажешь?

– Я бы забеспокоился, если бы он об этом рассказал. Такие, как он всегда служат целям, а не людям. Просто иногда люди о своих настоящих целях даже не догадываются, особенно, когда ими другие пользуются. И ещё как умело пользуются! И было бы очень хорошо, если бы он подольше не догадывался о своей истинной цели.

Император промолчал. Только законченный дурак может спорить с имперским советником на полном серьёзе, а дураки никогда не становятся императорами в Империи. Он посмотрел на плотно заваленную убитыми площадь. Что же, будем надеяться, что вся Империя не будет в скором времени похожа на эту площадь или хотя бы её половина.

* * *

Добраться засветло до ночлежки не получилось, но и опоздали они не намного. Хозяин встретил их со всем возможным радушием, к тому же стремительно возраставшим по мере получения им всё новых и новых денег. Пустая комната оказалась большой и пьянка возобновилась уже с новой силой. Под сбивчивое пьяное пение обсуждались последние события. Нестройные хриплые голоса горланили:

Повсюду кровь – идёт война.
Мы сеем смерть – нас ждёт победа.
Владеть Империя должна
От края всем до края света.

Мы жжём дома и режем вдов.
Над нами знамя гордо реет.
Мы рубим головы врагов,
Нам наша слава душу греет.

Горит земля и города,
Враги напрасно торжествуют.
За императора всегда
Везде наёмники воюют.

Нам император дал приказ,
Сотрём с лица земли народы.
Наш император любит нас,
А остальные – лишь уроды.

Мы мир от гибели спасём
Неполноценных уничтожив,
Мы недоразвитых убьём
И совесть нас не потревожит.

Захватим мир любой ценой
И нам никто не помешает.
Всех недовольных мы убьём,
Нам император разрешает.

Мы смерть по миру принесём
Всем тем, кто с нами не согласен.
Мы власть Империи несём,
А без Империи нет власти.

Пусть слёзы льют враги дождём,
А мы над смертью посмеёмся.
Врагов Империи убьём,
Домой с победой мы вернёмся.

Гимн звучал нестройно и хрипло, но слушать было можно. Велиол отправился к хозяину за новым ведёрком непонятного состава пойла, которое было похоже на смесь пива с бормотухой и воняло дрожжами, хорошо что не дерьмом. Как назло, хозяин только что ушёл и ему

пришлось его дожидаться некоторое время. Из его комнаты начинали раздаваться недовольные вопли пьяных и полупьяных наёмников.

– Да иду я сейчас! – на всю ночлежку заорал Велиол. – Хозяин с новой выпивкой никак не придёт. Откуда наливать – я не знаю.

В совмещённой со столовой прихожей ночлежки, а заодно и кухни одновременно, громзились многочисленные бочонки вдоль стен. По виду некоторым был не один десяток лет, а некоторые были почти новые. В полу красовалась дверь в погреб с верёвочной петлёй. В общем и целом это была самая обычная ночлежка, но хозяин куда-то некстати запропастился. Велиол вышел во двор, чтобы поискать снаружи.

Во дворе тоже никого не оказалось и Велиол несколько раз обойдя вокруг ночлежки вернулся обратно. За время его недолгого отсутствия хозяин так и не появился. Велиол потянул за верёвочную петлю и приподнял дверь погреба – внутри тоже никого не оказалось. Хозяин как сквозь землю провалился. Велиол открыл дверь погреба и с масляным светильником спустился вниз. Погреб, как и полагается погребам, был заставлен и завален всем подряд, в углу стояла большая бочка.

Велиол подошёл к бочке, поставил на неё светильник и пошарив за ней рукой вытащил обёрнутый кожей свёрток. При тусклом свете он с осторожностью развернул свёрток, вытащил из него бумажный свиток с печатями на верёвочках и перечитал написанное на свитке, потом из наружного свитка вынул внутренний и распахнул их по карманам.

Выпивка у наёмников уже заканчивалась, отчего их вопли становились всё громче и злее. Велиол прошёлся ещё раз по всей ночлежке, с особой тщательностью проверил все тёмные углы и закоулки, где мог спать пьяный хозяин и повторно вышел искать его во двор. Вопли его сопровождающих были слышны даже там. Велиол обошёл весь постоянный двор по кругу, вернулся обратно в дом, ещё раз обошёл его, стал перед распахнутой входной дверью, высунулся в неё и заорал что есть мочи так, что его не услышали бы только глухие:

– Курва придорожная! Где ты есть со своим пойлом?! Паскудина! Я твой дом сейчас подожгу, если ты не появишься немедленно!

На вопли семеня и спотыкаясь прибежал хозяин с новым бочонком.

– Вот, как раз для вас нашёл, почище и посвежее, почти не воняет.

Велиол смотрел, как наполняется ведёрко с ощущением, что в него мочится лошадь или осёл, в крайнем случае бык – пенился напиток с такой силой, что зависть бы вызвал даже у хорошего мыла. Нацедив с трудом до середины ведёрка или чуть выше и распушив пену до краёв хозяин улыбнулся и хотел было уже откланяться, как Велиол вспылil и разорался на него чуть ли не громче прежнего, угрожая побить:

– Что ты сделал?! Гадина! Ты зачем такую пену поднял? Мы что, пену пить будем? Или тебя опять искать неизвестно сколько?

Хозяин извиняясь принёс деревянный черпак и начал болтать им в пене, переливая сквозь неё пойло, чтобы хоть немного сбить пену. От увиденного Велиол пришёл в такую ярость, что хозяин бросил черпак и выбежал за дверь оставив бочонок и ведёрко Велиолу.

– Ну и катись! Тварь безрукая! Сейчас увидишь, как надо!

Велиол вынул из кармана свиток и стал дуть в него, как в трубочку, на пену, которая от этого стала стремительно спадать и оседать.

– Вот! Вот! Вот! Учись, как надо делать! Недоумок! Тоже мне тут нашёлся умелец! – заорал он с вызовом и злостью вслед сбежавшему неизвестно куда хозяину. – Сейчас всё будет, наливаю всю остальную выпивку! – крикнул он ожидавшим его в комнате наёмникам.

Он вылил остатки содержимого из бочонка в наполнившееся почти до краёв ведёрко на доньшко перевернутого черпака, чтобы не поднялась новая пена и размешал его в нём черпаком, почти окончательно с ней покончив. Осторожно держа двумя руками, чтобы не расплескать, он отнёс почти полное ведёрко в комнату обрадовавшимся наёмникам. Устроившись

на своём месте он разлил напиток по кружкам и став на не очень крепкие ноги, поднял свою вверх, пытаясь произнести нечто выдающееся уже заплетающимся от опьянения и усталости языком.

– Чтобы конец не просыхал! – пошатываясь выкрикнул Велиол и свалился на спину, облившись из кружки с ног до головы.

Под громкое ржание и гогот все оставшиеся осушили свои кружки, а Велиол вышел во двор смыть воняющее дрожжами пойло. Когда он вернулся назад, всё было уже кончено – вокруг перевёрнутого стола в лужах собственной блевотины лежали пять пованивавших дерьмом, обгадившихся в последних предсмертных судорогах мёртвых тел. Он взял в руки ведёрко, посмотрел на ещё оставшееся на дне пойло и вылил на мёртвые тела с ощущением выполненного долга.

– Если человек – дурак, то это надолго. А если – никаонец, да к тому же ещё и наёмник, то это уже навсегда. – подвёл он итог.

Помочившись для приличия на лица убитых Велиол вышел из комнаты к ожидающему его в прихожей хозяину. Сам хозяин совершенно не был потрясён, заглянув мельком в комнату и увидев там содеянное. Пока он соображал, как побыстрее убрать в комнате, Велиол подошёл к очагу и бросил в него ненужные больше свитки. У одного из свитков была оторвана одна печать вместе с державшей её верёвочкой.

Дней десять назад он уже был здесь, это была единственная дорога через Нивнылат из порта в порт, а точнее – самая короткая. Но тогда он обошёл ещё несколько ночлежек на других дорогах, чтобы потом в одной из них остановиться, когда будет ехать имперским заложником. Велиол прекрасно знал, что никогда нельзя быть уверенным в способе доставки заложника, что его вещи могут забрать, а самого его раздеть полностью и обыскать, что даже письмо или записку отберут, что ему придётся есть и пить со всеми одно и тоже из одной посуды и что всё подозрительное будет сразу отнято и вызовет ненужные подозрения.

Он сам назначил встречу самому себе и спрятал два свитка в таком месте, где никто их случайно не найдёт. Он знал, что никто прочитает написанное на свитках не сможет. Он знал, что никто не додумается и не догадается даже лизнуть печати. Он знал, что никто не заподозрит в свитке с печатями самое грозное и смертоносное оружие. Он знал не только это, но даже малой части его знаний хватило, чтобы надолго и всерьёз расстроить игру Империи в её собственную неуязвимость.

Владелец ночлежки уже получил взятку и готовился пустить на соленья мясо тел, а кости скормить собакам, чтобы не осталось никаких следов происшествия. Велиол не собирался убивать хозяина ночлежки как ненужного свидетеля. Чонтонин всегда щедро вознаграждал своих слуг, а деньги порой скрывали тайну лучше, чем смерть.

* * *

На следующий день, чтобы внести в задачу выбора новой жены для своего короля некоторую ясность, Хоншед посетил императорский гарем. Видимо, к его приходу не были готовы потому, что никуда его не пустили дальше приёмной. Зато ему предложили вступить в гарем на совершенно законных основаниях и уже было начали расписывать все прелести проживания в гареме, но своими рассказами так сильно ему испортили настроение, что он повернулся и отправился в имперскую канцелярию за разрешением, но до канцелярии не дошёл.

По дороге он случайно стал свидетелем жестокой и яростной драки между взрослыми подростками, немного младше его самого. Хоншед видел множество драк и во многих даже сам участвовал, но эта драка показалась ему чем-то таким подозрительной. Обычно в драке или два дурака друг друга бьют или дураки бьют умного и протекают обычно драки немного не так. В обычной драке или долго идёт сначала разбор причины драки, потом возня, разогрев и катание по земле, чтобы тот, другой, понял, или сразу же проламывание камнем головы или протыкание живота ножом, чтобы противник уже больше не встал.

Но на этот раз после не очень долгих взаимных побоев победитель сбил проигравшего на землю, несколько раз ударил его ногой в живот и со словами, что сейчас помочится ему прямо в ноздри, а потом изнасилует в зад и сунет ему за обе щеки, взялся за штаны. Что-то необычное было в этом поведении – так отыгрываются за что-то крупное, не за кражу или оскорбление, а за что-то более серьёзное. В пользу этого вывода говорили слишком умные лица дерущихся. Он хорошо усвоил поучительный опыт с подростком и был настороже, но понимал, что у одного и того же следствия могут быть совершенно разные причины.

Хоншед почувствовал в причине драки нечто более важное, то, что уже давно искал в Империи – необычное и подозрительное. Двое умных на его глазах сцепились насмерть, а это бывает гораздо реже, чем найти под ногами золото. Здесь точно есть ниточка, за которую можно ухватиться, но хвататься надо умело, чтобы не оборвать. Он по своему опыту хорошо знал, что подбегать и разнимать дерущихся бесполезно, как и пытаться их помирить. Надо было действовать от обратного, это могло сработать. Он твёрдым шагом уверенно подошёл к победителю поближе и стал рядом с ним, чтобы его видели оба подравшихся.

– На меня только не брызгай, когда ему струю в лицо пустишь. – начал он. – Я ещё ни разу не видел, чтобы хоть кто-то струёй прямо в ноздри попал из такого положения, да ещё и с первого раза.

– А ты отойди – тогда не забрызгаю. – В руках говорившего уже появился член – времени на соображение оставалось мало.

– Тебе ослиц надо иметь с такими размерами, а не дурням всяким рожи поливать и время тратить! – Хоншед знал, что в таких случаях лесть почти всегда срабатывала. Побеждать ради лести бывает гораздо приятнее, чем побеждать ради только победы.

– Я сейчас этого козла поимею, а потом прикончу! Слышишь, ты, козёл! Мой член это последнее, что ты увидишь в своей жизни! – со злобой прокричал он уже лежащему на земле парню.

– Мне даже интересно стало, чего он тебе такого сделал? Деньги в долг взял и не вернул или увёл твою бабу? Или назвал не так?

– Хуже! – с этими словами он ещё раз пнул лежавшего на земле, но член в штаны уже убрал. – Один богатый господин хотел открыть в Нижнем Городе мастерскую, а нам обоим предложил работать в ней на него за приличные деньги. Ты представляешь себе такое счастье?

– Вполне. А почему вы тогда так передрались, если он предложил вам двоим как раз два места? Понятно, если бы одно.

– Потому, что он сказал, что из нас двоих один будет начальником другого и будет получать на четверть больше. А этот не согласился.

– Быть начальником? – подколот Хоншед.

– Ты шутишь?! Чтобы я был начальником! Этот же дурак ничего и ни в чём не соображает. Он же руководить не умеет!

– На себя посмотри! козлина! – раздался снизу голос.

– Так, я всё понял. – прояснил Хоншед. – Вы не поделили должность и деньги. А что вам помешало просто сразу согласиться и потом уже между собой всё поделить? А руководили бы по очереди.

От услышанного стоявший перед ним юноша открыл рот и не смог его закрыть. Он уставился на Хоншеда и быстро заморгал глазами.

– Такая мысль тебе в голову не приходила?

– Мы не сообразили! А когда господин спросил, кто из нас будет у кого начальником, то мы заспорили и он сказал, что мы ему больше не нужны, раз мы такие недружные и несообразные.

Хоншед почувствовал подвох – он его почувствовал ещё при виде драки, а теперь окончательно подтвердил свои подозрения: кто-то вёл игру и эта игра требовала жертв, но большего пока он понять не мог.

– И что ты теперь будешь делать? И с этим тоже. – он показал на лежащее на земле побитое дёргающееся молодое тело.

– А я теперь не знаю. А ты бы что сделал?

– Что я бы стал делать? Ну вот посмотри, голова большая, лоб широкий, лицо умное. – он потрогал руками тело. – Крепенький и здоровенький, таких не очень много. Я бы не стал его убивать, но это не я с ним поссорился. Пойдём, поищем того господина.

Поиски в Нижнем Городе, где и произошла драка, их не привели ни к чему изначально – в нём никаких господ не было никогда и они для приличия просто поспрашивали городскую стражу на перекрёстках и у ворот. В Средний Город они тоже прошли беспрепятственно и в этот раз – в первый раз при входе у ворот Хоншед предъявил бумаги с печатями короля и стража просто ему поклонилась, а в этот раз он ей показал бумаги с печатями аж самого императора и стража перед ним аж грохнулась на землю прямо лицом в грязь.

Такого пресмыкательства перед собственной властью Хоншеду ещё видеть ни разу не приходилось и ободрённые успехом они пробежали втроём по ни разу не виданному ими, обоими Среднему Городу и там быстро выяснили, что и в нём похожего на их описание господина никто никогда не видел. С такой же лёгкостью, но с чуть меньшим самоунижением стражи у ворот они прошли аж в сам Верхний Город и там быстро узнали, что никого похожего никогда не было и в нём.

Оставался дворец, но в него соваться было бессмысленно, да и кто из дворца мог додуматься открывать мастерскую в Нижнем Городе? В общем получалось, что никто никого не нанимал, а просто срамливал двух умных дураков, только непонятно зачем. Хоншед вспомнил слова императора, попрощался с бестолочами и хмуро отправился в дворцовую библиотеку. Попутно его занимал вопрос, почему вчера ко дворцу пропустили такую толпу? Разве трудно было закрыть ворота? Не сами жители же Верхнего Города устроили такое самоубийство?

В библиотеке на него снизошло просветление после первой же прочитанной страницы, которую ему показали пальцем служители. Через считанные часы после разнимания драки ему хотелось пойти в гарем и сдаться им от осознания собственной глупости. Когда же он уже научится сначала думать, а потом действовать? Это же столько времени потеряно впустую и столько лишнего внимания привлечено!

Подход в Империи к поискам нового лучшего императора был предельно прост – в состязании побеждает сильнейший. Это было ему, в некоторой степени, понятно. Непонятно было – почему. Чтобы упростить себе рассуждения, он мысленно поделил людей на глупых, средних и умных, таким образом попытавшись наглядно представить себе, кого из них можно было бы допустить к власти посредством отбора в такой огромной Империи, чтобы её не развалить.

Дураки отпали сразу – ни одно государство не выдержит управления дураками достаточно долго, даже при условиях, что этими дураками будет кто-то руководить. Доказать он это утверждение не мог, но верил своему королю, который часто говорил ему нечто подобное.

Средние люди отпали тоже – их и очень много и не потянет управление такой империей человек среднего ума. Ещё раз он поблагодарил мысленно своего короля за мудрые наставления перед отъездом. Если человек среднего ума оказывается у власти, то в больших количествах неизбежно окружающие такого человека дураки его раздражают, а умные, напротив, им управляют, а это прямой путь к ошибкам и развалу.

Умные люди оставляли гораздо больше вопросов. Как направлять и как подчинять мышление умного человека? Как надёжно предсказать его поведение? Как заставить его делать нужные вещи? Как имея дело с умным не поступить как в той поговорке говорится о глупо-

сти, рыбу топить от незнания? Как противостоять продуманному коварству или в ещё большей степени – хитрости? Умный это не дурак – умный не только думать может, но и до правильных выводов додуматься.

Он размышлял на ходу к гостинице в Нижнем Городе. Можно было снять комнату хоть в самом Верхнем Городе, но он считал, что лучше остановиться там, где всё время происходит что-то необычное, а Нижний Город подходил для этого исключительно хорошо. Даже сейчас он видел, как по улице прокатили утыканную изнутри гвоздями бочку, из которой раздавались вопли, а следом со смехом двигалась целая толпа зевак. Надо будет встретиться с этими двумя и разузнать, что тут ещё происходит, а заодно поискать и остальных избранных для испытания.

Добытые сведения следовало как полагается обдумать и разгадать в них главную загадку – зачем? Да, он прочитал множество описаний и упоминаний про то, как, но ни одного не нашёл с ответом – зачем? В чём цель таких смертельных для большинства участников испытаний? Зачем и как отбираются лучшие и по каким признакам? От усталости он улёгся спать пораньше, чтобы продолжить на свежую голову.

* * *

Дакам после убийства сопровождавших его наёмников не повернул назад к себе домой в Утием – не для того позволил он завезти себя в такую даль, чтобы просто так взять и вернуться. Его впереди ожидали всего несколько дней пути верхом до ближайшего портового города, а оттуда он любым попутным кораблём доберётся до столицы Империи. Теперь уже большую часть условий предстоящей игры задавал он сам. Конечно, он придёт к императору как заложник своего государства, но чуть позже, а пока он позаботится о разных важных делах, которые те два недалёких придурка, окажись они сейчас живы, помешали бы ему сделать, а допускать этого было нельзя.

Безусловно, их найдут и его хватятся. Хорошо бы, чтобы не забыли хватиться или не закрыли на всё глаза, иначе всё пойдёт не как надо. В это время он будет уже далеко и пусть всю область прочёсывает имперская гвардия или даже вся имперская армия. Даже приятно подумать, что здесь они устроят, когда будут его искать, а заодно пытаться найти заговорщиков, которых здесь нет и никогда не было.

В это время он будет уже в столице и может прийти к императору с врученными ему при отъезде письмами, но нарочно не сделает этого, а несколько дней походит по столице и встретится там с нужными ему людьми. Люди эти пока ещё даже не знают, какую важную роль предстоит им сыграть в предстоящей большой игре. Более того! Даже сам он ещё не знает и не определился до конца с этой ролью.

А чего вы хотели ещё тут увидеть? Это межгосударственные игры! Тут никакой определённости нет изначально! Известна, и то не всегда, только сама конечная цель. Во всяком случае свою цель он понимал, а всё остальное было неважно. Разумеется, что его уже предали, может быть, уже не один раз и не в одном месте, но именно из таких условий он всегда и везде научился исходить. Предательство это неотъемлемая часть серьёзных отношений и на него тоже можно полагаться.

Итак, людей он в столице найдёт и правильно их озадачит. После и, возможно, вследствие этого произойдут некоторые события. Какие – неизвестно никому, даже самому ему. Но именно эти события он сам и будет потом направлять и каждый раз на них ссылаться. Они придадут ему необходимый вес и покажут его силу другим. В таком бессвязном, созданном им же самим хаосе событий никто не сможет разобраться и поймать его ни на слове, ни, тем более, за руку. И это будет его первая, хоть и не самая главная победа. Ему в этой хитрой игре нужна победа и только победа – проигравшие игроки никому не нужны.

Само собой разумеется, что императору давно уже не двадцать пять лет, а в два с лишним раза больше и это все знают, а поэтому он такой быстрый, вроде как заложник, там будет не один и поэтому, чтобы не получить раскалённым железным прутком в свою любимую

и упругую попу, надо будет найти всех остальных и попытаться устранить всеми возможными способами. Причём устранить это не обязательно убить, а можно просто переубедить, влюбить, охмурить, облапошить, соблазнить, подкупить, переманить и ещё много чего сделать, что бывает во много раз полезней, чем просто убить и радоваться.

Он ехал по Нивнылату и осматривал окрестности. Довольно скоро впереди показалась ещё одна местная ночлежка. Ещё немного и будет порт – эта ночлежка на пути была последней. Хозяин принял его не с меньшей радостью, чем богатого купца. На всякий случай Дакам, для вида, показал ему свои деловые бумаги, задав на самом деле ничего не значащих несколько вопросов, чтобы закрепить впечатление.

Пока всё шло по намеченному. Ещё немного и он уже будет на приёме у императора. Не вызывает сомнений, что император спросит, почему он остался один и где охрана из наёмников? Разумеется, что оба наёмника погибли, пытаюсь его защитить. Отсюда же следует хорошее объяснение его решения поехать в столицу Империи заложником, а не вернуться или скрыться. А теперь применим к полученной картине по несколько направлений предательства и всё перепишем заново.

Хозяин той ночлежки всё может рассказать и про местные дела он тоже знает и местные тоже слишком много знают, поэтому нападение исключаем сразу, но вместо него будет предательство уже самих наёмников. В это поверит кто угодно – нет такого предательства, на которое любые наёмники не пойдут за двойную плату. А самое главное – местные жители ничего не смогут про это рассказать. А, значит, сюда приедут отряды имперских карателей, чтобы выяснить обстоятельства происшествия и провести всеобщее устрашение, чтобы уничтожить и возможную угрозу бунта и возможный заговор. Это для меня хорошо.

Разумеется, что про мои дела хорошие тоже все догадаются и сразу же ко мне возникнут вопросы, как я такой весь изнеженный смог так легко уложить сразу двух наёмников и они меня даже ни разу не поцарапали. Само собой, что я расскажу им только правду, что я не просто приехал побыть в Империи заложником, а ещё и в случае необходимости помочь, если случится что-то совсем неожиданное.

Ночлежка выглядела так, будто из неё только сейчас уехали предыдущие постояльцы: всюду грязь и мокрые полы с разводами в пятнах неизвестно чего. Стены ещё не обсохли то ли от выблеванной на них выпивки, то ли от струй выпущенной на них мочи. Единственная, как было сказано, гостевая комната хоть и была почти дочиستا отмыта, но сразу бросалось в глаза, что перед этим она была загажена так, будто в ней ночевал целый взвод имперских наёмников.

Спрашивать напрямую о предыдущих жильцах было небезопасно, а делать вид, что ничего подозрительного не заметил – ещё больше, поэтому он просто посмотрел по сторонам и ярко выразив удивление спросил, что тут, наверное, всю ночь рвали дырки потаскухам. Хозяин ухмыльнулся и погладил руками всклокоченную бороду.

– Да, были тут одни недавно, только без потаскух. Так нажрались, что даже потаскух снять не успели, всё песни горланили. Я уж бояться начал, как бы по-пьяни мою хибару не подпалили забавы ради, но ничего, без поджога обошлись, только стены все заблевали. А с утра укатили разом, незадолго до твоего приезда, так что повезло тебе.

Хозяин врал. Дакам не видел этого ни по его лицу, ни по голосу, но точно знал, что хозяин врёт. Он ещё раз оглядел комнату и посмотрел на уставшего и невыспавшегося хозяина. Нет, чтобы так устало выглядеть, надо встать не ранним утром даже, а среди ночи, а всё остальное время мыть полы и стены. И мало кто из владельцев подобных заведений не выпьет хоть чуть-чуть по случаю отъезда настолько хлопотных гостей, а тут никакого запаха или перегара.

Когда хозяин ушёл, Дакам осторожно, чтобы за ним тайком не подсмотрел хотя бы тот же хозяин, осмотрел комнату. Посреди ночи наёмники с места без причины не снимутся, значит внезапно появилась не самая малая причина. Но врать об этом-то зачем? Он вспомнил своих сопровождающих и отмахнулся от глупых подозрений. Чтобы почти в одном и том же месте,

почти в одно и то же время произошли аж два и почти одинаковых случая – такого не бывает. Что же их спугнуло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.